

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

43 2026
ЧАСТЬ V

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 43 (646) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображён *Грегор Иоганн Мендель* (1822–1884) — выдающийся учёный, основоположник генетики, чьи открытия заложили фундамент современной биологии и изменили представление о механизмах наследственности.

Иоганн Мендель родился в небольшом сельском поселении Хейнцендорф в Моравии (ныне территория Чехии) в семье крестьян. С ранних лет мальчик проявлял необычайную тягу к природе: он с интересом наблюдал за растениями и животными, подмечая различия между особями одного вида. Семья жила скромно, и образование для сына было серьёзным финансовым бременем, однако родители всеми силами старались поддержать любознательность Иоганна. Уже в начальной школе учителя отмечали его выдающиеся способности к точным наукам и исключительную память.

В 1834 году Мендель поступил в гимназию в Троппау, где особенно преуспел в математике и физике. Учёба давалась ему нелегко из-за постоянной нехватки средств: юноше приходилось подрабатывать, чтобы оплачивать учебники и жильё. В 1840 году он окончил гимназию и поступил в философские классы в Ольмюце, где изучал физику, математику и естественные науки. Именно в этот период Мендель всерьёз увлёкся экспериментами и начал понимать, что закономерности природы можно описывать языком чисел и статистики.

Тяжёлое материальное положение вынудило Менделя искать стабильный путь в жизни. В 1843 году он принял решение поступить в августинский монастырь Святого Фомы в Брюнне (ныне Брно). При постриге он взял имя Грегор. Монашеский статус давал не только кров и пропитание, но и доступ к библиотеке, лекциям и научным дискуссиям. Монастырь был важным интеллектуальным центром региона, и здесь Мендель смог продолжить образование, а позже даже преподавать физику и естественную историю в местной гимназии. Правда, сдать экзамены на звание учителя ему так и не удалось — дважды он проваливался на устных испытаниях, хотя в письменных работах неизменно показывал высокий уровень знаний.

С 1854 года Мендель начал проводить свои знаменитые опыты с посевным горохом в монастырском саду. Выбор объекта был не случаен: горох легко выращивать, он быстро даёт потомство, а его признаки (цвет цветков, форма и окраска семян) чётко различаются и наследуются предсказуемо. В течение восьми лет Мендель скрупулёзно скрещивал растения, подсчитывал тысячи потомков и фиксировал результаты. Он ввёл строгие правила эксперимента: использовал чистые линии, контролировал опыление вручную, вёл подробную статистику. Именно сочетание биологического эксперимента с математическим анализом позволило ему сформулировать законы наследственности — закон единообразия гибридов первого поколения, закон расщепления и закон независимого комбинирования признаков.

Результаты своей работы Мендель изложил в труде «Опыты над растительными гибридами», который представил в 1865 году на двух заседаниях Общества естествоиспытателей в Брюнне. В 1866 году статья была опубликована в ежегоднике общества. Однако современники не оценили масштаб открытия: работа осталась практически незамеченной. Лишь немногие учёные обратили внимание на строгую математическую логику выводов, но широкого признания не последовало. Сам Мендель пытался повторить свои опыты на других растениях и даже на пчёлах, но результаты оказались неоднозначными — впоследствии выяснилось, что механизмы наследования у этих организмов сложнее, чем у гороха, и не укладываются в простые схемы.

Интересный факт: Мендель не только занимался наукой, но и активно управлял монастырём. В 1868 году он был избран настоятелем монастыря Святого Фомы. С этого момента научная деятельность отошла на второй план: административные обязанности, финансовые вопросы и забота о братии отнимали почти всё время. Тем не менее даже в роли аббата Мендель оставался верен своему аналитическому подходу: он тщательно вёл учёт расходов, внедрял рациональные методы управления и даже интересовался метеорологией, регулярно записывая данные о погоде. Эти наблюдения он публиковал в научных изданиях, демонстрируя широту своих интересов.

Ещё один любопытный эпизод связан с отношением Менделя к религии и науке. Будучи глубоко верующим человеком, он не видел противоречия между своими религиозными убеждениями и научными поисками. Для него изучение природы было способом познания замысла Творца, а строгие законы наследственности — проявлением гармонии мироздания. Эта внутренняя цельность помогала ему сохранять терпение и настойчивость даже в периоды неудач и непонимания со стороны коллег.

Признание пришло к Менделю посмертно. В начале XX века, когда учёные заново открыли законы наследственности, работы Менделя были переосмыслены и признаны фундаментальными. Три исследователя — Хуго де Фриз, Карл Корренс и Эрих Чермак — независимо друг от друга подтвердили его выводы и указали на приоритет Менделя. С этого момента его имя прочно вошло в историю науки, а сформулированные им принципы стали основой генетики.

Умер учёный 6 января 1884 года в возрасте 61 года от хронического нефрита.

Сегодня имя Грегора Менделя известно каждому биологу, а его законы изучают в школе. В его честь названы научные премии, институты и даже кратер на Луне. Монастырский сад в Брно, где он ставил свои опыты, стал местом паломничества учёных и любителей науки.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Ульченко С. С.

Механизм перераспределения полномочий между регионом и муниципалитетом по Федеральному закону № 33-ФЗ: правовая конструкция, принципы и практика реализации 287

Умрихина Н. И.

К вопросу о криминологической характеристике личности несовершеннолетних, участвующих в групповых преступлениях 288

Унтевская Т. Ю.

Медиация как средство разрешения трудовых конфликтов 292

Упит В. А.

Понятие и сущность института реабилитации в уголовном процессе России 294

Хафизова Р. Д.

Особенности уголовной ответственности за похищения человека в законодательстве зарубежных государств 297

Ходырева О. В.

Юридическая ответственность как форма правоприменительной деятельности: проблемы теории и практики 301

Царева Д. С.

Международный терроризм и судебная экспертиза 304

Цыдыпова Л. Ц.

Умышленная форма вины: содержание и проблемы уголовно-правовой оценки 306

Чернецкий И. Ю.

Надлежащее извещение иностранных лиц в арбитражном процессе: пределы судейского усмотрения 308

Чернецкий И. Ю.

Критерии определения международной подсудности дел с участием иностранных лиц: соотношение императивных правил и пророгационных соглашений 311

Чибиева Е. Г.

Специфика процедур банкротства индивидуальных предпринимателей: сравнительно-правовой анализ с банкротством физических лиц и юридических лиц 315

Шевчук В. В.

Организационно-правовые механизмы реализации комплексной безопасности в деятельности общеобразовательных организаций 317

Эшмуродов А. И.

Понятие, специфика и обусловленность прокурорского надзора за деятельностью по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних 319

ПСИХОЛОГИЯ

Алентьева Н. В.

Особенности конфликтов между воспитателями одной группы в ДОУ: причины и влияние на педагогический процесс 322

Амирова А. Т.

Работа педагога-психолога с семьей по формированию основ кибербезопасного поведения младших школьников 324

Беганцова И. С., Синицына Ю. А.

Влияние социальной изоляции в классном коллективе на подростков в процессе групповой интеграции 326

Здоровенко С. И.

Влияние профессионального стресса на психическое здоровье учителей общеобразовательной школы: эмпирическое исследование 328

Ленгарт И. П.

Теоретический анализ роли жизнестойкости и мотивации в профессиональной самореализации психологов-консультантов ... 331

Лисовая И. В.

Осознание ранних дезадаптивных схем и эмоциональные изменения в процессе психологического консультирования 334

Макарова С. Е.

Библиотерапия как инструмент
профилактики суицидального поведения
подростков 336

Марукян А. С.

Исследование стресса и копинг-стратегий
у студентов медицинского и технического
вузов..... 338

Мельник Е. А.

Динамика взаимосвязи психологической
устойчивости и оценки осознанного
присутствия при прохождении цикла
гештальт-терапии..... 342

Мельник Е. А.

Коррекция психологической устойчивости
методами гештальт-терапии..... 344

Михайленко Ю. П.

Обоснование необходимости
психокоррекционной программы для
взрослых членов семей участников
специальной военной операции: тревога
и непереносимость неопределённости..... 347

Сторожко Л. А.

Становление дефиниции «семья»
в отечественной и зарубежной
психологической традиции..... 351

Шмелева П. С.

Снижение уровня тревожности у старших
дошкольников посредством арт-
терапевтических практик 354

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Механизм перераспределения полномочий между регионом и муниципалитетом по Федеральному закону № 33-ФЗ: правовая конструкция, принципы и практика реализации

Ульченко Сергей Сергеевич, студент магистратуры
Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург)

В статье раскрыт механизм перераспределения полномочий между регионом и муниципалитетом по ст. 32 ФЗ33, включая трёхчастную классификацию полномочий и принцип «полномочие плюс ресурс», призванный исключить появление нефинансируемых мандатов. На практических примерах показана гибкость этого механизма: в слабых муниципалитетах капиталоемкие задачи целесообразно передавать региону, а в экономически устойчивых — сохранять максимальный объём полномочий на местном уровне для оперативного учёта потребностей жителей.

Ключевые слова: перераспределение полномочий, местное самоуправление, межбюджетные отношения, дифференциация полномочий, управленческая модель, единая система публичной власти, муниципальные финансы.

Перераспределение полномочий между регионом и муниципалитетом — это законодательно установленный механизм изменения круга обязанностей и прав между органами государственной власти субъекта РФ и органами местного самоуправления: как-то полномочия регион может забрать себе, как-то — передать муниципалитету, а часть остаётся исключительно за муниципалитетом.

В основе установленного механизма лежит статья 32 ФЗ33, которая делит полномочия по вопросам непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения на три категории:

— *Полномочия, не подлежащие перераспределению.* Это «ядро» местного самоуправления, которое регион забрать не вправе. Сюда можно отнести: принятие устава, формирование и исполнение местного бюджета, установление местных налогов, управление муниципальной собственностью, организация муниципальных выборов и референдумов.

— *Полномочия, которые регион вправе забрать себе.* По закону субъекта РФ такие полномочия могут перейти на региональный уровень (и исполняться за счёт регионального бюджета). Сюда можно отнести: водоснабжение и водоотведение, благоустройство, обеспечение жильём малоимущих, содержание мест захоронения.

— *Полномочия, которые регион может передать муниципалитету.* Изначально они относятся к региональным, но могут быть переданы на местный уровень — при обязательном условии финансового обеспечения (через суб-

венции, нормативы отчислений и т. п.). Сюда можно отнести: отдельные вопросы дорожной деятельности, транспортного обслуживания, градостроительства.

Правовая суть перераспределения полномочий между регионом и муниципалитетом заключается в том, что изменение круга обязанностей и прав органов местного самоуправления происходит не произвольно, а строго в рамках установленной правовой конструкции — на основании закона субъекта Российской Федерации. Именно региональный закон фактически формирует «набор» полномочий конкретного муниципалитета: определяет, какие из перераспределяемых функций остаются на местном уровне, какие переходят к региону, а какие, напротив, передаются муниципалитету с регионального уровня. Таким образом, нормативное регулирование на уровне субъекта РФ становится ключевым инструментом настройки модели управления территорией.

Ключевым принципом механизма выступает правило «полномочие плюс ресурс». Оно означает, что передача полномочий от региона к муниципалитету не может осуществляться без одновременного обеспечения их финансовыми средствами. Закон прямо требует сопровождать такую передачу предоставлением необходимого финансирования — через межбюджетные трансферты, субвенции либо установление дополнительных нормативов отчислений от налогов. Эта норма призвана исключить возникновение нефинансируемых мандатов, когда на органы местного самоуправления возлагаются обязательства без выделения ресурсов для их исполнения, что нередко при-

водило к бюджетным дисбалансам и снижению качества муниципальных услуг.

Ещё один основополагающий принцип — обеспечение баланса между идеей единой системы публичной власти и сохранением самостоятельности местного самоуправления. Реформа опирается на конституционное положение о единстве публичной власти, предполагающее более тесное взаимодействие и координацию между уровнями управления. При этом законодательство гарантирует сохранение базового объёма самостоятельных полномочий муниципалитета — так называемого «ядра» местного самоуправления, которое не подлежит перераспределению (например, вопросы местного бюджета, управления муниципальной собственностью, организации выборов). Такой подход позволяет сочетать централизованное решение масштабных задач с возможностью оперативно реагировать на локальные потребности населения, сохраняя за муниципалитетами реальную способность управлять территорией и отвечать перед жителями.

На практике перераспределение полномочий выступает гибким инструментом, позволяющим настраивать систему управления с учётом реальных особенностей конкретной территории — её экономического потенциала, кадрового ресурса и специфики местных задач.

Так, в небольшом муниципальном районе, который сталкивается с дефицитом квалифицированных кадров и имеет слабую доходную базу, рациональным решением может стать передача ряда сложных и капиталоемких полномочий на региональный уровень. Речь идёт прежде всего о масштабных инфраструктурных проектах и во-

просах жилищно-коммунального хозяйства — направлениях, где требуются значительные финансовые вложения, высокая управленческая экспертиза и возможность привлекать подрядчиков на крупных конкурсных процедурах. Взяв такие задачи на себя, регион способен обеспечить их более качественное и бесперебойное исполнение, снизив риски срыва сроков или неэффективного расходования средств, с которыми муниципалитет в силу объективных ограничений мог бы не справиться.

В противоположной ситуации — в более сильном, экономически устойчивом муниципалитете — оптимальным оказывается иной подход: здесь целесообразно оставлять максимальный объём полномочий на местном уровне. Поскольку органы местного самоуправления находятся в непосредственном контакте с жителями, они лучше понимают локальные потребности и могут быстрее реагировать на возникающие проблемы. Решения, принимаемые «на месте», зачастую оказываются более адресными и учитывают специфику территории, а оперативность в реализации мер напрямую повышает качество предоставляемых услуг и уровень доверия населения к местной власти.

Таким образом, механизм перераспределения позволяет выстраивать дифференцированную модель управления: там, где муниципалитету не хватает ресурсов, нагрузка снимается и концентрируется на вышестоящем уровне, а в сильных территориях, напротив, сохраняется максимальная самостоятельность — чтобы управленческие решения были максимально приближены к людям и принимались максимально быстро.

Литература:

1. Федеральный закон от 20.03.2025 N 33-ФЗ (ред. от 09.04.2026) «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» — Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>
2. Акмалова, А. А. Актуальные проблемы муниципального права России: Учебник / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. — 1-е изд. — Москва: ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2027. — 402 с. -
3. Алексеев, И. А. Муниципальное право Российской Федерации: Учебное пособие / И. А. Алексеев, Б. Б. Адамоков, Д. С. Белявский, М. С. Трофимов; Пятигорский государственный университет. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2026. — 254 с.

К вопросу о криминологической характеристике личности несовершеннолетних, участвующих в групповых преступлениях

Умрихина Наталья Ивановна, студент

Научный руководитель: Доронин Геннадий Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье рассматриваются актуальные вопросы криминологической характеристики личности несовершеннолетних, участвующих в групповых преступлениях. Проведён анализ структуры личности несовершеннолетнего преступника, а также представлена общая криминологическая характеристика на основе изучения трудов отечественных

исследователей и данных официальной статистики. В качестве итоговых исследовательских предположений в статье сформулирован ряд рабочих гипотез об общих чертах личности несовершеннолетних, участвующих в групповых преступлениях.

Ключевые слова: криминологическая характеристика, личность несовершеннолетнего, групповые преступления, структура личности.

On the criminological characteristics of the personality of juveniles involved in group crimes

Umrikhina Natalia Ivanovna, student

Scientific advisor: Doronin Gennady Nikolayevich, candidate of sciences in law, associate professor
Novosibirsk Law Institute (branch) of the National Research Tomsk State University

The article examines current issues related to the criminological characteristics of the personality of minors involved in group crimes. An analysis of the structure of the personality of a juvenile offender has been carried out, and a general criminological characterization has been presented based on the study of the works of domestic researchers and data from official statistics. As the final research assumptions, the article formulates a number of working hypotheses about the common traits of the personality of minors involved in group crimes.

Keywords: criminological characterization, juvenile personality, group crimes, personality structure.

В криминологии большое внимание уделяется характеристике личности лица, совершившего преступление (часто в научной литературе как синоним используют — «личность преступника»). Раскрытие и анализ сущности лица, совершившего преступление, является одним из ключевых элементов для понимания характера преступности и дальнейшего её предупреждения. Изучение личности несовершеннолетнего лица, совершившего преступление, и криминологическая характеристика такого лица, является одной из наиболее важных задач, так как такое лицо ещё только начинает формироваться как личность, вырабатывать для себя ценности, нравственные ориентиры и уважение к обществу и законам. Изучение и криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника даёт возможность выявить факторы, влияющие на совершение несовершеннолетним преступления, а также скорректировать поведение в будущем. Также криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего, совершившего преступление, поможет в дальнейшем выработать меры предупреждения совершения несовершеннолетними преступлений.

Изучение и криминологическая характеристика личности несовершеннолетних, участвующих в групповом преступлении, особенно актуально, так как из года в год почти половина несовершеннолетних совершают преступления в составе группы. [4; 5]

Прежде чем рассмотреть подходы к анализу личности несовершеннолетних, участвующих в групповом преступлении, кратко остановимся на характерных чертах личности несовершеннолетних — правонарушителей в целом. Эти данные важны с точки зрения понимания особенностей изучаемой категории лиц и совершаемых ими преступлений.

Как известно, личность несовершеннолетнего лица, совершившего преступление, обладает определённой структурой.

В отечественной криминологии сложилось устойчивое представление о структуре личности преступника: социально-демографических, социально-ролевых и нравственно-психологических группах свойств.

Социально-демографический элемент (признак) личности — совокупность основных объективных признаков человека: возраст, пол, образование, занятость, семейное положение, условия жизни и воспитания.

Социально-ролевой элемент (признак) структуры личности лица, совершившего преступление, представляет собой подструктуру, содержащую характеристики, отражающие положение лица в обществе.

Нравственно-психологический элемент (признак) содержит в себе мировоззренческую позицию, нравственные и моральные ориентиры, волевые свойства, напрямую связан с мотивацией преступного поведения. [6, с. 84–88]

Несовершеннолетним признаётся лицо, достигшее возраста 14 лет, но не достигшее возраста 18 лет. Это является неоспоримой основой и ключевой чертой, отличающей несовершеннолетнего лица, совершившего преступление (единолично или в составе группы) от остальных лиц, совершивших преступление.

Жиров Я. В. вполне обоснованно сделал акцент на том, что несовершеннолетнее лицо обладает некоторыми биологическими факторами, усиливающими предрасположенность подростка к совершению преступления. Как и другие авторы он относит к ним ускоренное и неравномерное развитие организма подростка в период полового созревания; неравномерность развития сердечно-сосудистой и костно-мышечной системы, отягчающая физи-

ческое и психическое самочувствие подростка; «гормональную бурю», вызванную повышенной активностью эндокринной системы в период полового созревания и проявляющуюся в повышенной возбудимости, в эмоциональной неустойчивости. [2, с. 176]

В этот период у несовершеннолетних появляются новые переживания, которые возникают на фоне изменений, происходящих в их организме, эти переживания в совокупности с иными внешними и внутренними факторами и могут способствовать зарождению социально-деформированных мотивов и как следствие — принятию решения о совершении преступления.

Подростковый возраст также отличается уникальностью психических процессов. Многие авторы отмечают повышенную возбудимость нервной системы в этот период, которая приводит к тому, что подростки порой проявляют беспричинную неуравновешенность, раздражительность. [9, с. 31–37]

У несовершеннолетних зачастую темперамент характеризуется несдержанностью, неуравновешенностью в поведении, резкостью и чувствительностью к критике и нравоучениям со стороны окружающих. Всё это совместно с отсутствием знания и понимания законов, дополненное в некоторых случаях искажёнными нравственными взглядами, часто приводит к совершению преступлений. [7, с. 35]

О. П. Грибунов, С. Г. Загорьян при изучении статистических данных указывали на то, что 16–17 лет есть возраст наибольшей криминальной активности подростков. [1, с. 86]

Данный вывод подтверждается и статистическими данными, зафиксированными Судебным департаментом при Верховном суде РФ. Однако, на сегодняшний день наблюдается тенденция к снижению возраста начала преступной деятельности и в увеличении общего числа несовершеннолетних, совершивших преступление. По данным статистики Судебного департамента при Верховном суде РФ в отчёте «Об осуждённых, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте и о числе лиц, осуждённых за совершение преступлений в отношении несовершеннолетних» за 2024 г. было зафиксировано, что из общего числа несовершеннолетних осуждённых, 70,96 % совершили преступление в возрасте 16–17 лет и только 29,04 % в возрасте 14–15 лет.

Однако в 2025 г. увеличились оба показателя — осуждённых несовершеннолетних в возрасте 14–15 лет по сравнению с показателями 2024 г. стало больше на 4,04 %, а также на 0,366 % увеличился показатель численности осуждённых, чей возраст на момент совершения преступления составлял 16–17 лет. При этом в 2025 г. процент несовершеннолетних осуждённых, совершивших преступление в возрасте 16–17 лет, также был значительно выше и составил 70,21 % от общего числа несовершеннолетних осуждённых. [12]

Пол, как один из элементов, затрагиваемых при криминологической характеристике личности, является ба-

зовым криминологическим признаком структуры преступности, который помогает правильно её описать, понять её причины, прогнозировать изменения и разработать адресные меры профилактики. В преступности несовершеннолетних преобладают лица мужского пола. По мнению Недоростова Е. П., данный факт связан с особенностями социализации мальчиков и их более высокой активностью. [11, с. 128–134]

По данным статистики Судебного департамента при Верховном суде РФ за 2025 г. всего было зафиксировано 12115 осуждённых, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте, из них только 9,18 % являются лицами женского пола. Несовершеннолетних осуждённых за совершение преступления в составе группы всего было зафиксировано 6288 из них 519 — это лица женского пола (8,25 %). [12] То есть, в групповых преступлениях статистически в большей степени представлены лица мужского пола.

Семья в становлении личности несовершеннолетнего играет одну из главенствующих ролей, являясь одним из основных влияющих факторов. В семье несовершеннолетнему прививаются основы нравственности, морали, правила поведения в обществе, даётся понимание о добре и зле, правильном и неправильном. Неблагоприятная обстановка в семье может являться фактором, уязвляющим несовершеннолетнего, толкающим его на улучшение своего психологического положения через нелегальные способы социального взаимодействия. Нехватка внимания, одобрения в семье, а также отсутствие «авторитетной фигуры» провоцирует несовершеннолетнего искать внимание и одобрение в других общностях, что толкает их на объединение в сообщества или примыкание к уже существующим, зачастую маргинальным группам, а также к поиску лидера, как той самой недостающей сильной авторитетной фигуры. Именно потребность в признании, а также потребность в самоутверждении, которые не может удовлетворить неблагополучная семья и толкает несовершеннолетних к присоединению к группе — названной иногда «семье», «братству» и дальнейшему совершению преступных деяний.

Образование: многие несовершеннолетние преступники имеют низкий уровень образования или вообще не учатся. Мугинова Н. Х., Харисова Э. А. в своём исследовании указывали на то, что образовательный уровень участников преступных групп немного отличается от уровня образования других преступников в целом. Около 20 % опрошенных в их исследовании подростков имели лишь начальное образование, в то время как 65 % — неполное среднее и среднее образование. [10, с. 142] Недостаток образования затрудняет их социальную адаптацию и повышает риск вовлечения в преступную деятельность. Однако, с каждым годом многие учёные отмечают, что несовершеннолетние, совершившие преступления, в том числе и совершившие групповые преступления на момент совершения преступлений являлись учащимися или студентами. Макаренко И. А. зафикси-

ровала, что с момента установления рыночной экономики, новые поколения несовершеннолетних в большей степени стали понимать значение хорошего образования. [8, с. 90] Эта тенденция подтверждена и данными МВД России. В 2025 г. зафиксировано, что удельный вес несовершеннолетних, совершивших преступления, которые на момент совершения данных преступных деяний являлись учащимися или студентами составил 73,3 % от общего числа несовершеннолетних. [4] По Данным судебного департамента при Верховном суде РФ за 2025 г. 65,29 % несовершеннолетних осуждённых являлись учащимися или студентами, а из числа несовершеннолетних осуждённых за совершение преступлений в группе доля учащихся и студентов составляла примерно 67,59 %. [12] Таким образом, можно сделать вывод, что групповая криминальная активность в большей степени представлена среди лиц, обучающихся на время совершения преступления. Однако, высокий процент учащихся и студентов, в общем числе несовершеннолетних преступников, может указывать и на существенную недоработку современных систем основного, среднего общего и профессионального образования. Отсутствие реальной занятости несовершеннолетних и приводит к тому, что у них отсутствует правильная оценка и здравое понимание сущности и последствий своей деятельности, появляется возможность и желание участвовать в деятельности группы, зачастую обладающей антиобщественным, маргинальным уклоном. В таких группах несовершеннолетнему и прививаются взгляды, противоречащие общественным ценностям и закону.

Помимо составления общей криминологической характеристики лиц — участников группового преступления, стоит понимать, что личность несовершеннолетних, совершивших преступление в группе, необходимо осуществлять «внутреннюю криминологическую дифференциацию участников преступных групп». Особые качества личности несовершеннолетнего, участвующего в групповой преступности, его темперамент, характер, физические особенности определяют то, как в этой группе к нему относятся и как следствие определяют его положение в ней.

В связи с этим Ивасюк О. Н., Калашников И. В. справедливо выделяли следующие роли несовершеннолетних в преступной группе:

1. Лидер (организатор) — основная фигура, которая и определяет направленность деятельности преступной группы, формулирует цели, планирует преступления.

2. Наиболее активные члены группы. Это лица, которые наиболее приближены к лидеру и оказывают ему наибольшую поддержку, участвуют в подготовке и совершении преступлений, могут выполнять функции связных или координаторов.

3. Рядовые участники. Под рядовыми участниками понимается масса подростков, которая вовлекается в преступную деятельность, для выполнения поручений и «чёрной работы». Данные лица не обладают особым авторитетом и значением, однако они могут влиять на сплочённость группы через конформное поведение. [3, с. 124–130]

Многие авторы при составлении психологического портрета лидера преступной группы выделяют такие черты, как: наличие криминального и тюремного опыта; волевые качества; довольно высокий интеллект; физическая сила; умение держать слово; предприимчивость; коммуникабельность; решительность в действиях. [13]

Таким образом, проведённый анализ статистических данных и теоретических положений позволяет сформулировать в качестве итоговых исследовательских предположений ряд рабочих гипотез об общих чертах личности несовершеннолетних, участвующих в групповых преступлениях. Во-первых, актуальный на сегодняшнее время криминологический портрет личности несовершеннолетнего, участвующего в совершении групповых преступлений, указывает на то, что участником групповой преступности с большей вероятностью становится несовершеннолетний мужского пола, в возрасте 16–17 лет (однако наблюдается тенденция увеличения лиц-участников групповой преступности в возрасте 14–15 лет), при этом данное положение следует рассматривать, как проверяемую тенденцию. Во-вторых, это лица — выходцы из неблагополучной, дисфункциональной семьи, где отсутствует достаточное внимание, любовь и поддержка, либо сталкиваются с физическим или психологическим насилием. В-третьих, это фактический учащийся или студент, однако не находящийся под достаточной опекой образовательной организации. К тому же несовершеннолетний возраст лица предполагает изменения в его организме, которые влияют на нестабильность характера, повышенную чувствительность и как следствие — нередкую иррациональность в принятии решений и совершении поступков. Все эти и другие качества делают таких несовершеннолетних лиц уязвимыми для внешнего неблагоприятного воздействия и наиболее склонными к присоединению к групповой преступной деятельности.

Литература:

1. Грибунов, О. П. Типология личности несовершеннолетних, совершающих преступления в составе организованных групп / О. П. Грибунов, С. Г. Загорьян. — Текст: непосредственный // Юридический вестник Самарского университета. — 2019. — № Т. 5. № 3. — С. 84–90.
2. Жиров, Я. В. Типичные свойства личности несовершеннолетних преступников, совершающих преступления в составе преступных групп / Я. В. Жиров. — Текст: непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2011. — С. 174–179.

3. Ивасюк О. Н. Криминологические особенности современной преступности несовершеннолетних / О. Н. Ивасюк, И. В. Калашников. — Текст: непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. — 2019. — № Т. 5 (71), № 2. — С. 124–130.
4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2025 года. — Текст: электронный // МВД России: [сайт]. — URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/77848182/> (дата обращения: 12.10.2026).
5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2024 года. — Текст: электронный // МВД России: [сайт]. — URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/60248328/> (дата обращения: 12.10.2026).
6. Криминология: учебник для вузов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006. — 528 с. — Текст: непосредственный.
7. Лутошкина, Т. В. Методика расследования преступлений, совершённых несовершеннолетними: учебно-практическое пособие / Т. В. Лутошкина, Г. Ю. Лутошкин. — СПб.: Изд-во С.-петерб. ун-та МВД России, 2010. — 156 с. — Текст: непосредственный.
8. Макаренко, И. А. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего обвиняемого: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Макаренко И. А.. — Саратов, 2006. — 404 с. — Текст: непосредственный.
9. Мамайчук, И. И. Психологические аспекты следственных действий с участием несовершеннолетних: учебное пособие / И. И. Мамайчук. — СПб.: Институт повышения квалификации прокурорско-следственных работников Генеральной прокуратуры РФ, 1994. — 62 с. — Текст: непосредственный.
10. Мугинова, Н. Х. Типология личности несовершеннолетних, совершивших преступление в составе организованных групп / Н. Х. Мугинова, Э. А. Харисова. — Текст: непосредственный // Наука и образование: направления и механизмы конвергенции в системе современных ориентиров и задач социально-экономического развития: материалы Международной научно-практической конференции. В 3-х частях. — Казань, 2024. — С. 138–144.
11. Недоростов, Е. П. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника, совершившего преступления против общественной безопасности, в России и США: сравнительный анализ / Е. П. Недоростов. — Текст: непосредственный // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2025. — № 1. — С. 128–134.
12. Судебный департамент. — Текст: электронный // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: [сайт]. — URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946> (дата обращения: 12.10.2026).
13. Ушатиков, А. И. Прикладная криминальная психология: учебное пособие / А. И. Ушатиков, О. Г. Ковалев, Г. К. Корнеева. — Рязань: Академия ФСИН России, 2012. — 596 с. — Текст: непосредственный.

Медиация как средство разрешения трудовых конфликтов

Унтевская Татьяна Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Ильичева Ирина Михайловна, доктор психологических наук, профессор
Государственный социально-гуманитарный университет (г. Коломна, Московская область)

В статье рассматривается медиация, как метод решения трудовых конфликтов. Рассматривается понятие медиации, ее применение в трудовых спорах, правовое обоснование метода медиации в трудовых конфликтах.

Ключевые слова: медиация, трудовые отношения, конфликты, споры, трудовое право.

Медиация — это эффективный инструмент для разрешения конфликтов, где нейтральная третья сторона, медиатор, помогает участникам найти взаимоприемлемое решение. Ключевое отличие медиации в том, что стороны сами активно участвуют в выработке решения, которое устраняет причину конфликта, и несут ответственность за его исполнение. В отличие от судебного разбирательства, где решение принимает арбитр, оставляя стороны с ощущением победы или поражения, медиация

дает участникам контроль над результатом и ответственность за него. [4, с. 83]

В любой организации трудовые отношения неизбежно порождают конфликтные ситуации. Цель правового регулирования таких споров — создать систему, позволяющую сторонам максимально эффективно и оперативно разрешать возникшие разногласия.

Трудовые споры — это лишь одна из форм конфликтов. Часто сами конфликтные ситуации, лежащие в их основе,

не подпадают под прямое регулирование трудового права. Это может снижать эффективность разрешения конфликтов. Проблема в том, что при переходе от конфликта к формальному трудовому спору может теряться его истинное содержание. А ведь именно интересы сторон, продиктованные их потребностями, зачастую не совпадают с формальными правовыми позициями.

Применение медиации открывает реальную возможность для принятия взвешенных и конструктивных решений по трудовым спорам.

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право на защиту своих прав и свобод всеми законными способами, включая индивидуальные трудовые споры. [3]

С 1 января 2011 года в России действует Федеральный закон № 193-ФЗ от 27.07.2010 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Этот закон закрепил важные принципы и гарантии для медиаторов.

Согласно Закону № 193-ФЗ, медиаторы обладают свидетельским иммунитетом. Это означает, что они не могут быть допрошены в суде в качестве свидетелей (статья 69 Гражданского процессуального кодекса РФ), а информация, полученная в ходе медиации, не может быть использована в судебном процессе. [1]

Закон также устанавливает принцип равноправия сторон. Несмотря на иерархию в трудовых отношениях, в процессе медиации работник и работодатель общаются как равные партнеры, что способствует открытому диалогу. [6]

Применение медиации приносит ощутимые выгоды на разных уровнях.

Экономический эффект:

- Снижение затрат. Медиация значительно дешевле судебных разбирательств.
- Сохранение производительности. Быстрое разрешение конфликта минимизирует потери рабочего времени.

– Снижение текучести кадров. Сохранение ценных специалистов экономит средства на подбор и обучение новых сотрудников.

Организационный эффект:

- Сохранение деловых отношений. Медиация позволяет сторонам продолжить конструктивное сотрудничество после разрешения конфликта.
- Улучшение корпоративной культуры. Демонстрация готовности к диалогу повышает доверие сотрудников к руководству.
- Профилактика будущих конфликтов. Выработка механизмов предотвращения подобных ситуаций.

Психологический эффект:

- Снижение стресса. Конфиденциальность процедуры защищает репутацию обеих сторон.
- Восстановление коммуникации. Медиатор помогает наладить конструктивный диалог между конфликтующими сторонами.
- Удовлетворение интересов всех сторон. Поиск взаимовыгодного решения, где нет проигравших. [5, с. 193]

Ценность медиации обусловлена комплексом ее преимуществ как метода урегулирования споров. Во-первых, данный подход способствует существенному сокращению расходов, связанных с разрешением конфликтов в коллективах и на предприятиях. Во-вторых, он обеспечивает ускоренное принятие решений, что предотвращает остановку производственных и иных рабочих процессов. В-третьих, медиация, будучи инновационным инструментом, позволяет сохранить репутацию организации за счет конфиденциальности процесса и отсутствия широкого освещения внутренних споров. Это демонстрирует эффективность руководства в поддержке интересов сотрудников. [2, с. 16]

Таким образом, специфика трудовых взаимоотношений требует учета данных особенностей при разрешении возникающих споров.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 09.04.2026)
2. Ключкин А. А. Теоретико-правовой аспект медиации правового конфликта // История государства и права. — 2021. — № 9. — С. 15–17.
3. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
4. Медиация — новая процедура в разрешении споров, возникающих из трудовых правоотношений: содержание и порядок применения // Кадры предприятия. — 2021. — № 1. — С. 79–88.
5. Орлова Л. В. Медиативный подход при разрешении трудовых споров [Текст] / Л. В. Орлова // Актуальные проблемы экономики, менеджмента, маркетинга: Сборник материалов конференции (г. Самара, 20 марта 2023 г.). -Самара: СИУ, 2023. — С. 188–198.
6. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 N 193-ФЗ.

Понятие и сущность института реабилитации в уголовном процессе России

Упит Вера Александровна, студент магистратуры
Смоленский государственный университет

В статье проводится теоретико-правовой анализ одного из наиболее дискуссионных и социально значимых институтов отечественного уголовного процесса — реабилитации как социально-правового явления в российской юриспруденции и уголовном судопроизводстве. С опорой на основные научные подходы к определению реабилитации в юридической литературе анализируется термин «реабилитация» во взаимосвязи с такими понятиями, как «реабилитированный», «презумпция невиновности» и «оправдательный приговор».

Ключевые слова: реабилитация, уголовный процесс, незаконное осуждение, уголовное преследование, нарушение прав, реабилитируемый, реабилитирующие основания, возмещение вреда.

The concept and essence of the institution of rehabilitation in the criminal process of Russia

The article provides a theoretical and legal analysis of one of the most controversial and socially significant institutions in the domestic criminal procedure — rehabilitation as a sociolegal phenomenon in Russian jurisprudence and criminal proceedings. Based on the main scientific approaches to defining rehabilitation in legal literature, the term «rehabilitation» is analysed in relation to such concepts as «rehabilitated person», «presumption of innocence» and «acquittal verdict».

Keywords: rehabilitation, criminal proceedings, unlawful conviction, criminal prosecution, violation of rights, rehabilitated person, rehabilitating grounds, compensation for harm.

Институт реабилитации представляет собой одну из фундаментальных гарантий защиты прав и свобод человека в сфере уголовного судопроизводства. Закрепленный в ст. 53 Конституции Российской Федерации принцип, согласно которому каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц [1], находит свою конкретизацию в нормах уголовно-процессуального права. Когда лицо становится жертвой незаконного либо необоснованного уголовного преследования, его нарушенные права подлежат восстановлению. Именно этой цели служит институт реабилитации, который представляет собой юридически значимое следствие подобного преследования.

Комплексность и многогранность — именно те черты, которые определяют сущность реабилитации как правового института в рамках уголовного судопроизводства. Возмещение ущерба, нанесенного гражданину, а также восстановление его прав и свобод, утраченных вследствие незаконного либо необоснованного уголовного преследования, составляют процедуру, которая в узком, процессуальном значении именуется реабилитацией [9, с. 83]. Согласно п. 34 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), реабилитация — это порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда [2]. Восстановление доброго имени и снятие с человека незаслуженного клейма обвиняемого — именно такое социально-нравственное значение несёт в себе официальное государственное признание его невиновности, ко-

торое в более широком понимании также охватывается понятием реабилитации [4, с. 130].

Действующий УПК РФ является первым нормативным правовым актом, в котором было закреплено легальное определение понятия «реабилитация». Однако, неточность и коллизийность норм УПК РФ, регулирующих институт реабилитации, в том числе в части определения её содержания, привели к тому, что норма-дефиниция, призванная разъяснить существо данного понятия, напротив, породила в научной среде споры о том, какие именно действия следует включать в содержание реабилитации, а какие — оставлять за её пределами, а также о том, в какой момент реабилитацию можно считать состоявшейся, а лицо — реабилитированным [12, с. 246].

В научной литературе сложились различные концептуальные подходы к трактовке самой природы реабилитации как правового явления, что наглядно демонстрирует сравнительный анализ накопленных в доктрине авторских дефиниций данного института, которых на текущий момент насчитывается немало количество.

Один из подходов, по мнению Б. Т. Белепкина, заключается в том, что под реабилитацией понимается «сам факт официального признания государством невиновным гражданина, обвиняемого или подозреваемого в совершении преступления, а восстановительно-компенсационные правоотношения, которые порождаются таким признанием, — правовыми последствиями реабилитации, включающими возмещение вреда реабилитированному» [5, с. 76].

Аналогичную по своей сути позицию можно обнаружить и в самой последней на данный момент диссертации, посвящённой, в том числе институту реабилитации в уго-

ловном судопроизводстве России, в которой М. А. Жумашев приходит к выводу, что реабилитация представляет из себя «официальное признание невиновности лица процессуальным решением субъекта, ведущего уголовный процесс, на основе которого возникает обязанность государства восстановить его прежнее правовое состояние, а также возместить данному лицу вред, причиненный по причине незаконного или необоснованного уголовного преследования и (или) осуждения, в соответствии с нормами гражданского законодательства и в порядке, предусмотренном нормами уголовно-процессуального и гражданско-процессуального законодательства» [8, с. 130].

Однако, здесь следует разобраться. Признание лица невиновным либо констатация отсутствия правовых оснований для продолжения уголовного преследования происходит в момент, когда соответствующий процессуальный акт обретает юридическую силу. Именно с этого момента у данного лица возникает право требовать реабилитации. Право на реабилитацию предполагает возможность его осуществления в дальнейшем — это логически очевидно для любого субъективного права. Однако здесь обнаруживается принципиальное противоречие: если рассматривать реабилитацию исключительно как официальное признание государством допущенной им ошибки, то в тот самый момент, когда у человека возникает соответствующее право, процесс реабилитации оказывается уже завершённым [13, с. 181].

Такое ограниченное понимание реабилитации противоречит нормам УПК РФ и разъяснениям, содержащимся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 «О практике применения судами норм главы 18 УПК РФ, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» [3].

В соответствии с другим подходом, реабилитация представляет из себя восстановление прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, а также возмещение причиненного ему вреда. Вынесение соответствующего процессуального решения — будь то постановление должностного лица, осуществлявшего уголовное преследование, либо судебный акт — служит правовым основанием для восстановления нарушенных прав реабилитированного и возмещения причинённого ему вреда, однако само по себе данное обстоятельство выходит за пределы института реабилитации и не охватывается его содержанием.

Анализируя данную позицию, необходимо отметить следующее. Право каждого гражданина на охрану репутации и достоинства закреплено в статье 23 Конституции РФ. В юридической литературе категория «доброе имя» трактуется как система объективных характеристик и информации, посредством которых человек воспринимается окружающими в качестве законопослушного и достойного члена общества. Репутация, честь и доброе имя человека неизбежно страдают уже в тот момент, когда против него выдвигается уголовное обвинение — и это ещё до какого-либо признания его вины. Тем самым государство, возбуждая преследование в отношении конкрет-

ного лица, фактически наносит урон его достоинству и социальному образу. Опровержение порочащих сведений в своей основе и составляет главное содержание той ситуации, когда государство официально констатирует либо невиновность человека, либо отсутствие правовых оснований для дальнейшего уголовного преследования. Именно поэтому подобное официальное признание уже само по себе носит реабилитирующий характер. В этой связи стоит согласиться с мнением А. В. Ендольцевой, предлагающей, что реабилитация включает в себя «восстановление репутации, честного, добропорядочного имени человека, незаконного подвергнутого уголовному преследованию» [6, с. 137].

При этом в содержании оправдательного приговора или иного процессуального акта, которым за лицом признается право на реабилитацию, в контексте обсуждения данной позиции необходимо выделить две важные составляющие:

- 1) само указание на признание за лицом права на реабилитацию;
- 2) основание признания права на реабилитацию и мотивировку применения данного основания.

Именно второй компонент содержит оправдывающие лицо сведения и восстанавливает его как добропорядочного человека в глазах государства и общества. Первый же компонент является тем самым правовым основанием, порождающим право на реабилитацию. Таким образом, процессуальный акт одновременно является отправной точкой для процесса реабилитации и непосредственно реализуемой первой мерой, направленной на устранение последствий незаконного уголовного преследования или осуждения [12, с. 248].

Как отмечают В. В. Рябчиков и И. А. Туманов, хотя положения УПК РФ и устанавливают основания для реабилитации и способы возмещения вреда, однако отсутствует норма, регулирующая способы избежания / привлечения к уголовной ответственности невиновных лиц, а также наличие ответственности сотрудников судебно-следственной сферы за ошибки в уголовном преследовании человека. Справедливо отмечается, что такие лица должны нести ответственность за нарушение прав и свобод человека [11, с. 47]. Таким образом, реабилитация законодателем определяется как порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда.

Незаконные действия, повлёкшие за собой моральный и материальный ущерб, порождают необходимость восстановления прав граждан и их положения в обществе. Именно этой цели служит реабилитация, которая в рамках уголовно-процессуальной науки понимается как система взаимосвязанных правовых механизмов и практики их применения, ориентированных на компенсацию причинённого вреда и возвращение человеку утраченного социального статуса. Этот процесс включает в себя:

- 1) восстановление нарушенных прав путем отмены судебных решений, касающихся привлечения к ответствен-

ности, а также устранение судимостей и иных негативных правовых последствий;

2) материальную компенсацию ущерба, понесенного лицом вследствие незаконного преследования (например, потерянной заработной платы, расходов на адвоката и т. д.);

3) компенсацию морального вреда, т. е. признание факта причинения лицу психологических страданий, морального унижения, потери репутации и т. д.;

4) социальную реабилитацию, направленную на облегчение возвращения лица к нормальной жизни (помощь в трудоустройстве, психологическая поддержка, восстановление репутации в профессиональной и общественной среде) [7, с. 81].

Несмотря на наличие серьёзных проблем, как в законодательном регулировании данного института, так и в практике его применения, следует отметить, что правовые механизмы, обеспечивающие реализацию права на реабилитацию в российском уголовном процессе, безусловно существуют:

1) существуют и функционируют судебные органы, в которые лицо может обратиться с требованием возместить вред или восстановить его в правах, а также органы принудительного исполнения судебного решения;

2) нормативно закреплена обязанность судов рассмотреть данные требования и вынести решение, а также обязанность соответствующих органов, должностных лиц, организаций исполнить данное решение;

3) установлена ответственность должностных лиц за нереализацию обязательных для них действий, связанных с реабилитацией лица (например, дисциплинарная ответственность для судей), возможность обжалования их решений, действий, бездействия;

4) регламентирована процедура рассмотрения требований и исполнения судебного решения;

5) предусмотрено, что лицу одновременно с признанием за ним права на реабилитацию разъясняется порядок возмещения вреда, связанного с уголовным преследованием [10, с. 360].

Стоит отметить, что признание за лицом права на реабилитацию происходит параллельно с реализацией соответствующих правовых гарантий или же данные гарантии к этому моменту уже были закреплены в установленном порядке. Из этого можно сделать вывод, что по общему правилу момент завершения реабилитации так же, является момент вынесения соответствующего процессуального акта, которым за лицом признается право на реабилитацию.

На основе произведенного анализа различных научных подходов к реабилитации как социально-правовому явлению можно выделить два аспекта, регулируемых законодателем:

1. Юридическая реабилитация: вынесение компетентным органом юридического акта, восстанавливающего нарушенные права гражданина, пострадавшего от незаконного или необоснованного уголовного преследования. Следствием вынесения соответствующего юридического акта является признание государством допущенной ошибки.

2. Компенсационная реабилитация: восстановление нарушенных прав гражданина и возмещение ущерба (включая моральный вред) за нарушения, допущенные следственными органами в ходе уголовного преследования.

Таким образом, понятие реабилитации, которое закреплено в нормах уголовно-процессуального законодательства, в частности в ст. 5 УПК РФ, охватывает далеко не все аспекты данного правового механизма и не раскрывает его сущность в полной мере. Признание права гражданина на возмещение причинённого вреда и восстановление ущемлённых прав неразрывно связано с фактом издания соответствующего правового документа, подтверждающего его невиновность. Принцип презумпции невиновности должен был вступить в силу значительно раньше, чем выносится реабилитирующее решение, констатирующее отсутствие вины. Тем самым возникает очевидное логическое несоответствие: признание невиновности происходит постфактум, уже за пределами того момента, когда данный принцип обязан был применяться.

Путаница в терминологии возникает вследствие пробелов в правовом регулировании данной сферы. В частности, оправдательный приговор нередко ошибочно отождествляется с реабилитацией, хотя эти понятия имеют принципиально различное юридическое содержание. Государство обязано возместить причинённый ущерб, а нарушенные права подлежат восстановлению — именно для этого и служит реабилитация, которая неразрывно вытекает из факта вынесения оправдательного приговора. Неоднозначность в правоприменительной практике во многом обусловлена тем, что закреплённое в законе понятие реабилитации не способно в полной мере охватить всю природу складывающихся реабилитационных правоотношений.

Таким образом, на основании произведенного анализа предлагается изложить ч. 34 ст. 5 УПК РФ в следующей редакции: «Реабилитация — это вынесение компетентным органом реабилитирующего решения, которым предписано восстановление всех правовых последствий (восстановление прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию) и выплата гражданину соразмерной имущественной компенсации государством».

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (в ред. от 06 октября 2022) // Российская газета. — 2020. — № 144.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 26 июля 2026 г. № 251-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52. — Ст. 4921.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» (ред. от 28 июня 2022 г. № 22) // Российская газета. — № 273.
4. Авдеев, В. Н. Некоторые аспекты реализации института реабилитации в уголовном судопроизводстве России // Научный вестник ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова. — 2024. — № 3 (100). — С. 126–132.
5. Безлепкина, Б. Т. Краткое пособие для следователя и дознавателя / Б. Т. Безлепкина. — М.: Проспект, 2026. — 288с.
6. Ендольцева, А. В. К вопросу о разграничении оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования с учетом их юридической природы и правовых последствий / А. В. Ендольцева // Вестник экономической безопасности. — 2021. — № 2. — С. 134–140.
7. Егорова, Э. А. Некоторые проблемные вопросы, связанные с пониманием термина «реабилитация» в уголовном процессе России и в юридической литературе / Э. А. Егорова // Российско-азиатский правовой журнал. — 2025. — № 4. — С. 80–84.
8. Жумашев, М. А. Правовая природа реабилитации и возмещения вреда: необходимость логико-терминологического и содержательного разграничения в УПК Российской Федерации и УПК Республики Казахстан / М. А. Жумашев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2024. — № 2 (66). — С. 128–133.
9. Ломов, Р. С. Реабилитация в уголовном процессе: понятие, основания и порядок возмещения вреда в Российской Федерации / Р. С. Ломов // Вестник магистратуры. — 2025. — № 9. — С.83–86.
10. Полтева, М. В. Институт реабилитации в современном уголовном процессе / М. В. Полтева, Г. Н. Гапотченко // Актуальные проблемы теории и практики уголовного права и процесса в современных условиях. Материалы IV международной научно-практической конференции. — 2024. — С. 358–365.
11. Рябчиков, В. В. Институт реабилитации в уголовном процессе: проблемные аспекты / В. В. Рябчиков, И. А. Туманов // StudNet. — 2021. — № 9. — С. 45–49.
12. Ткачев, А. В. Понятие и сущность института реабилитации в современном уголовном процессе России / А. В. Ткачев // Право и политика. — 2026. — № 1. — С. 245–257.
13. Хачатрян, Л. А. Конструктивные особенности положений о реабилитации в уголовном процессе России / Л. А. Хачатрян // Матрица научного познания. — 2024. — № 2–2. — С. 176–183.

Особенности уголовной ответственности за похищения человека в законодательстве зарубежных государств

Хафизова Регина Дамировна, студент магистратуры
Научный руководитель: Шатилов Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Тюменский государственный университет

В научной статье рассматриваются особенности уголовной ответственности за похищение человека по законодательству зарубежных государств, стран континентальной Европы, англосаксонской правовой семьи и государств постсоветского пространства. Проводится сравнительно-правовой анализ норм уголовных кодексов, устанавливающих ответственность за данное посягательство, а также исследуется место данного деяния в системе преступлений против личности и против свободы. Устанавливаются общие тенденции и национальные различия в подходах зарубежного законодателя к криминализации и дифференциации ответственности за похищение человека. С учетом этого предложены направления по совершенствованию ст. 126 УК РФ.

Ключевые слова: похищение человека, физическая свобода, уголовная ответственность, зарубежные государства.

Specifics of criminal liability for kidnapping in the legislation of foreign states

This article examines the specifics of criminal liability for kidnapping under the laws of various foreign jurisdictions, including countries in continental Europe, nations within the Anglo-Saxon legal tradition, and states in the post-Soviet space. It provides a comparative legal analysis of the provisions in criminal codes that establish liability for this offense and explores the classification of such acts within the broader framework of crimes against the person and against personal liberty. The study identifies both common trends

and national variations in how foreign legal systems approach the criminalization of kidnapping and the differentiation of liability for this crime. In light of this, proposals have been put forward for improving Article 126 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: kidnapping, physical freedom, criminal liability, foreign states.

Ответственность за совершение похищения человека в настоящее время закреплена не только в российском, но и в зарубежном уголовном законодательстве. Во все исторические эпохи наблюдались случаи захвата людей, женщин, детей и рабов. Однако правовая оценка подобных деяний в разные времена и в различных государствах существенно отличалась. Развитие общественного строя, норм морали и права оказывало существенное влияние на переоценку степени общественной опасности, размера и видов наказаний за похищение людей. Незменным остается одно, это мотивы и способы совершения данного вида преступления.

Статья 22 Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 года закрепляет положение, согласно которому каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Право на свободу гарантируется также на международном уровне, в частности, предусмотрено в ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основополагающих свобод 1950 года. Уголовно-правовая охрана указанного права обеспечивается установлением отдельных статей Главы 17 Особенной части Уголовного кодекса РФ от 13 июня 1996 года (в ред. от 04.08.2026) «Преступления против свободы, чести и достоинства личности».

Необходимость установления специальных мер ответственности за совершение указанного преступления обусловлена тем, что похищение человека, как правило, сопряжено с причинением физических и моральных страданий потерпевшему, а также с нарушением его конституционных прав и свобод, в частности, права на свободу передвижения и личную неприкосновенность.

Правовая наука на сегодняшний день сходитя во мнении о необходимости разграничения права личной неприкосновенности на два подвида: физическую и психическую. В подтверждение существования таких категорий можно привести высказывание А. П. Морозова. Он поясняет, что право на личную неприкосновенность является обширным понятием и не только включает в себя защиту граждан от незаконных судебных дел, арестов или других мер пресечения, но и предполагает гарантии физического и психического плана [8].

Такое представление анализируемых явлений подтверждает О. М. Сенин. Он утверждает, что физическая неприкосновенность личности «предполагает создание достаточных гарантий от каких-либо посягательств на ее жизнь, здоровье, половую неприкосновенность, свободу физической активности как со стороны государства в лице его органов и должностных лиц, так и со стороны отдельных людей. Обеспечение морально-духовной неприкосновенности охватывает комплекс мер, направленных на защиту от посягательств на нравственное и психическое здоровье

личности, интеллектуальную и волевую сферу сознания человека».

И. В. Никитенко приходит к выводу, что личная свобода человека является важной правоохраняемой ценностью не только в России, но и во многих зарубежных странах.

Сравнивая уголовное законодательство Российской Федерации и ряда иностранных государств в части закрепления состава и мер ответственности за совершение похищения человека установлено, что соответствующие положения уголовного законодательства являются схожими. Однако, несмотря на общие черты, наблюдаются и существенные различия, обусловленные историческими, культурными и правовыми особенностями каждой отдельной страны.

В частности, как и в Российской Федерации, так и во многих государствах (например, Республика Казахстан, Республика Беларусь, Республика Армения, Республика Латвия) законодательно закреплена уголовная ответственность за совершение такого преступления, как похищение человека. Однако, в некоторых государствах отсутствует специальная норма об ответственности за похищение человека, и имеется общая норма, объединяющая несколько схожих составов преступлений.

В странах, где существует самостоятельная норма об уголовной ответственности за похищение человека, зачастую наблюдается более детальная дифференциация санкций в зависимости от квалифицирующих признаков преступления.

Так, например, это Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03 июля 2014 года (в ред. от 20.08.2026) [12], который предусматривает уголовную ответственность за похищение человека (ст. 125 УК РК). Отличием является наличие квалифицирующего признака «похищение человека с целью эксплуатации», под которой понимается принудительный труд, проституция, попрошайничество и другие формы использования похищенного. Этот признак отсутствует в УК РФ [1].

Статья 182 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 09 июля 1999 года (в ред. от 01.01.2026) [13] посвящена похищению человека, и дает ясную и четкую формулировку понятию похищения. Законодатель прямо указывает на то, что понимается под похищением человека, что минимизирует возможность разночтений и произвольного толкования нормы.

Статья 131 Уголовного кодекса Республики Армения от 18 апреля 2003 года (в ред. от 28.07.2026) [14] имеет существенное сходство с определением похищения в УК РФ, за исключением отсутствующего в нем указания на иные формы принуждения, кроме насилия или угрозы его применения.

Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года (в ред. от 17.06.2026) [15], предусматривает уголовную ответственность за похищение человека (ст. 130). Примечательно, что эта статья содержит легальное определение похищения человека, описывая его как тайное, открытое, совершаемое путем обмана, злоупотребления доверием, с применением насилия или угрозы насилием противоправное завладение лицом. Важно, что это определение исключает признаки преступления, предусмотренного статьей 181 (захват заложника) [5].

Следует подчеркнуть схожесть дефиниций в Уголовном кодексе Республики Таджикистана и Республики Беларусь. С учетом того, что уголовный закон Республики Таджикистана был принят раньше, представляется вероятным, что белорусский законодатель опирался на определение похищения человека в Таджикистане при разработке собственного определения.

Самостоятельная норма, предусматривающая уголовную ответственность за похищение человека предусмотрена Уголовным кодексом Республики Болгария от 15 марта 1968 года (в ред. от 18.07.2022) [16] (статья 142) в разделе IV «Похищение и незаконное лишение свободы»; Уголовным кодексом Латвийской Республики от 08.07.1998 (ред. от 02.02.2021) (статья 153 «Похищение лица»); Уголовным кодексом Королевства Швеции 1962 года (в ред. от 01.05.1999) (статьи 1, 2) главы 4 «О преступлениях против свободы и общественного спокойствия»;

Анализ приведенных норм уголовного законодательства разных стран позволяет выделить ряд общих черт и различий в подходах к определению и квалификации похищения человека. Общим является признание этого деяния тяжким преступлением, посягающим на личную свободу и неприкосновенность человека.

В тех государствах, где отсутствует отдельная статья за похищение человека, а уголовная ответственность предусмотрена общей нормой, объединяющей несколько сходных составов, суды при квалификации преступления, связанного с похищением, вынуждены опираться на общие нормы уголовного права и учитывать конкретные обстоятельства дела. Это может приводить к возникновению сложностей в правоприменительной практике, особенно в случаях, когда действия виновного лица обладают признаками нескольких составов преступлений, объединенных общей нормой.

Так, например, в Великобритании английское право не содержит единого закона, определяющего «похищение» [3]. Действия, которые в других юрисдикциях рассматривались бы как похищение, обычно преследуются по законам, касающимся незаконного лишения свободы, нападения, а также, в более серьезных случаях, похищения с целью получения выкупа, захвата заложников или рабства, в зависимости от обстоятельств дела.

Также в Уголовном кодексе Республики Польша от 06 июня 1997 года (в ред. от 06.06.2023) [17] отсутствует отдельное понятие «похищение» человека в таком виде, как оно часто понимается и определяется в других юрисдик-

циях. Статья 189 Уголовного кодекса Республики Польша касается незаконного лишения свободы. Она размещена в главе XXIII «Преступления против свободы», что указывает на родовый объект посягательства-свободу личности. Статья устанавливает наказание за умышленное незаконное лишение человека свободы, включая как удержание, так и похищение. В польском уголовном праве похищение человека не выделено в отдельную статью, а охватывается составом незаконного лишения свободы.

Уголовное законодательство Эстонской Республики в части ответственности за похищение человека заслуживает отдельного внимания. В соответствии со статьей 124.3 Уголовного кодекса Эстонской Республики от 06 июня 2001 года (в ред. от 10.01.2017) [17] охватывает незаконное лишение свободы человека, включая похищение. Эстонское законодательство рассматривает похищение как одну из форм незаконного лишения свободы, а не как отдельный состав преступления. Это означает, что любое незаконное удержание человека против его воли может квалифицироваться как похищение.

Статья 124 Уголовного кодекса Эстонской Республики «Подмена или похищение ребенка», предусматривает наказание исключительно за похищение ребенка, оставляя за рамками уголовно-правовой охраны похищение взрослого лица.

Эстонская конструкция ст. 124 не является уникальной, она отражает распространенную в континентальной правовой традиции модель, при которой законодатель акцентирует особую защиту несовершеннолетних, оставляя посягательства на свободу взрослых в рамках общих норм о лишении свободы.

В Уголовном кодексе Китайской Народной Республики от 14 марта 1997 года (в ред. от 26.12.2020) [18] криминализованы похищение несовершеннолетних, не достигших возраста 14 лет в целях их разлучения с родителями (ст. 262), которое является привилегированным по отношению к похищению в целях вымогательства, похищение женщины или ребенка в целях продажи (ст. 240). Данные составы преступлений размещены в главе 4 «Преступления против прав личности и демократических прав граждан» Уголовного кодекса Китайской Народной Республики [18].

Подобная ситуация отражена в Уголовном кодексе Канады от 01 января 1985 года (в ред. от 08.04.2025) [19] где криминализованы похищение лиц, не достигших возраста 16 и 14 лет (разделы 280 и 281), похищение ребенка, не достигшего 14-летнего возраста у родителя или иного законного представителя (раздел 282), которые являются привилегированными по отношению к похищению человека.

В Уголовном кодексе Канады данные составы расположены в части VIII «Преступления против личности и репутации», что соответствует китайскому подходу к систематизации данных деяний. При этом канадский законодатель выделяет отдельно похищение ребенка у родителя (раздел 282), подчеркивая специфику субъекта

преступления — законного представителя, что отражает приоритет защиты семейных отношений.

В отличие от рассмотренных зарубежных подходов, Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит специальной нормы, регламентирующей похищение именно ребенка родителем или иным законным представителем. Похищение ребенка, в том числе у второго родителя или иного законного представителя, квалифицируется по общим правилам ст. 126 УК РФ. Иными словами, российский законодатель не воспринял логику ст. 262 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики и раздел 282 Уголовного кодекса Канады, где похищение несовершеннолетнего и похищение ребенка у законного представителя образуют самостоятельные, привилегированные по отношению к общему составу похищения деяния. Вопрос о похищении ребенка его родителем, по сути, остается за рамками специальной уголовно-правовой регламентации и решается в общем порядке, что, как показывает зарубежный опыт, не позволяет в полной мере учесть специфику субъекта-законного представи-

теля и приоритет защиты семейных отношений, отмеченные канадским законодателем.

Если говорить о нашей позиции, то мы считаем введение уголовной ответственности за похищение несовершеннолетнего одним из родителей обоснованным и, более того, необходимым. Такая мера представляется нам логичным продолжением уже существующих правовых норм, направленных на защиту интересов ребёнка. Признавая необходимость уголовной ответственности за данное деяние, мы оставляем вопрос о его точной категоризации открытым для дальнейшего обсуждения.

В процессе подготовки данной статьи был проведен сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства Российской Федерации и иностранных государств, выделены схожие и отличительные черты, которые могут быть в дальнейшем учтены при реформировании уголовного законодательства о мерах ответственности за совершение похищения человека, а также при совершенствовании практики уголовно-правовой квалификации соответствующих преступных деяний.

Литература:

1. Проблемы квалификации похищения человека по законодательству Республики Казахстан / Д. У. Балгимбеков, Б. У. Сейтхожин, К. А. Байкенжина, Г. Б. Онгарова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2016. — № 3-3. — С. 8-13.
2. Бабурин С. Н. Уголовное право зарубежных государств. Общая и Особенная части / С. Н. Бабурин, А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. // М.: Юрайт, 2023. — 520 с.
3. Голованова Н. А. К вопросу о классификации источников современного английского уголовного права / Н. А. Голованова // Журнал российского права. — 2014. — № 11 (215). — С. 96-106.
4. Есаков Г. А. Уголовное право зарубежных стран: учебник / Г. А. Есаков, А. И. Коробеев. // М.: Проспект, 2022. — 648 с.
5. Живодрова Н. А. Уголовная ответственность за похищение человека по уголовному законодательству стран СНГ / Н. А. Живодрова // Эпомен. — 2020. — № 49. — С. 134-145.
6. Кропотова Ю. В. Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за похищение человека, установленной в законодательствах Российской Федерации и зарубежных стран / Ю. В. Кропотова, И. В. Никитенко // Инновационная наука. — 2023. — № 12-1. — С. 134-138.
7. Уголовный кодекс КНР: совершенствование в процессе реализации (к 20-летию со дня принятия) / Чанхай Л., А. И. Коробеев, А. И. Чучаев // Lex Russica. — 2018. — № 3(136). — С. 128-142.
8. Морозов А. П. Личная неприкосновенность в Российской Федерации: конституционный аспект / А. П. Морозов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2014. — № 4 (99). — С. 112-118.
9. Пунько А. О. Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства России и зарубежных стран об ответственности за похищение человека / А. О. Пунько // Пробелы в российском законодательстве. — 2013. — № 1. — С. 151-155.
10. Саранов А. В. Особенности регламентации уголовной ответственности за похищение человека и незаконное лишение свободы несовершеннолетних по законодательству РФ и других государств-участников СНГ / А. В. Саранов // Закон и право. — 2021. — № 6. — С. 123-126.
11. Сравнительный анализ состава уголовного правонарушения «Похищение человека» в РК и в некоторых зарубежных странах / Ш. С. Тогайбаева Ш. С., А. И. Тогайбаев, К. О. Бекишев // Наука и реальность. — 2024. — № 3 (19). — С. 84-91.
12. Уголовный кодекс Республики Казахстан // URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31575252&pos=3;88 (дата обращения: 15.10.2026)
13. Уголовный кодекс Республики Беларусь // URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 15.10.2026)
14. Уголовный кодекс Республики Армения // URL: https://prg.kz/document/?doc_id=39571894&ysclid=mvb-3k3uaaz563426354&pos=4;89 (дата обращения: 15.10.2026)

15. Уголовный кодекс Республики Таджикистан // URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30397325&yysclid=mvb-3sla9g251583427 (дата обращения: 15.10.2026)
16. Уголовный кодекс Республики Болгария // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21816> (дата обращения: 15.10.2026)
17. Уголовный кодекс Республики Польша // URL: <https://prawnikpoznanski.pl/ru/уголовный-кодекс-польской-республики/> (дата обращения: 15.10.2026)
18. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики // URL: <https://asia-business.ru/law/law1/criminalcode/code/> (дата обращения: 15.10.2026)
19. Уголовный кодекс Канады // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/23299> (дата обращения: 15.10.2026)

Юридическая ответственность как форма правоприменительной деятельности: проблемы теории и практики

Ходырева Олеся Витальевна (Тулская область)

В статье рассматривается юридическая ответственность как форма правоприменительной деятельности. Анализируются теоретические основы института ответственности, его место в механизме правоприменения, а также проблемные аспекты реализации мер ответственности в современных условиях. Особое внимание уделяется вопросам соотношения нормативных требований и реальных возможностей правоприменительных органов (на примере судебной системы и органов внутренних дел), а также проблемам кадрового обеспечения и эффективности правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, правоприменение, правоприменительная деятельность, эффективность права, кадровое обеспечение, правовые ограничения, судебная система, органы внутренних дел.

Введение

Юридическая ответственность является одной из основополагающих категорий правовой науки. Она выступает инструментом обеспечения правопорядка, гарантией действия правовых норм и средством защиты общественных отношений от противоправных посягательств. При этом юридическая ответственность не существует изолированно от практической деятельности государства и его органов. Она реализуется через правоприменение — форму государственной деятельности, направленную на воплощение правовых предписаний в конкретных жизненных обстоятельствах.

Актуальность темы обусловлена тем, что эффективность юридической ответственности зависит не только от качества законодательных норм, но и от способности правоприменительных органов обеспечить их реальное действие. В современных условиях правоприменительная практика сталкивается с комплексом проблем, связанных с ресурсным обеспечением, кадровым составом, организацией деятельности и соотношением устанавливаемых ограничений с реальными возможностями их соблюдения. Указанные проблемы носят системный характер и затрагивают различные сферы правоприменения — от судебной системы до правоохранительных органов.

Целью настоящей работы является анализ юридической ответственности как формы правоприменительной деятельности, выявление теоретических основ данного

института и проблемных аспектов его реализации в современных условиях.

1. Теоретико-правовые основы института юридической ответственности

Понятие юридической ответственности относится к числу дискуссионных в правовой науке. Традиционный подход рассматривает ее как меру государственного принуждения, применяемую к лицу за совершение правонарушения. В этом контексте ответственность выступает реакцией государства на противоправное поведение, формой негативной оценки деяния и его последствием в виде лишения личного, имущественного или организационного характера.

Существенное значение для понимания природы юридической ответственности имеет ее связь с государственным принуждением. Ответственность реализуется через деятельность компетентных органов, которые применяют предусмотренные законом меры к правонарушителям. Именно в этом аспекте ответственность наиболее тесно смыкается с правоприменением. Норма права, устанавливающая ответственность, остается абстрактным предписанием до тех пор, пока она не будет применена к конкретному субъекту в конкретной ситуации. Следовательно, юридическая ответственность как правовой институт существует в двух измерениях: нормативном (как совокупность правовых норм) и практическом (как деятельность по применению этих норм).

2. Юридическая ответственность в механизме правоприменения

Правоприменение представляет собой форму реализации права, осуществляемую государственными органами и должностными лицами в пределах их компетенции. Оно необходимо в тех случаях, когда права и обязанности не могут быть реализованы без участия компетентного органа, когда возникает спор о праве или когда требуется применить меры государственного принуждения. Эффективность правоприменения зависит не только от качества правовых норм, но и от организационных, кадровых и ресурсных условий, в которых действует правоприменитель.

В механизме правоприменения юридическая ответственность занимает особое место. Она выступает, с одной стороны, как результат правоприменительной деятельности, а с другой — как ее движущий фактор. Применение мер ответственности всегда представляет собой правоприменительный акт: приговор суда, постановление о назначении административного наказания, решение о привлечении к дисциплинарной ответственности.

Современная правоприменительная практика демонстрирует, что нормы об ответственности существуют и применяются, однако их реализация сталкивается с существенными ограничениями. Одним из наиболее показательных примеров является ситуация в правоохранительных органах. При штатной численности подразделения в пятьдесят единиц фактически службу несут двадцать пять сотрудников, которые вынуждены выполнять двойной, а нередко и тройной объем работы. При этом действующая система не предусматривает ни пропорционального увеличения денежного довольствия, ни компенсации за совмещение функций. Сотрудник выполняет работу за того, кто должен был бы ее выполнять по штату, однако получает вознаграждение только за свою должность. Такое положение ведет к накоплению усталости, снижению качества правоприменительной деятельности и оттоку кадров.

Аналогичная ситуация наблюдается в судебной системе. Средняя нагрузка на мирового судью составляет около 490 дел в месяц, что создает условия для так называемого «поточного правосудия», при котором приоритет отдается соблюдению сроков и количественных показателей, а не содержательной оценке дела [4, с. 334]. На одном судебном участке нередко трудятся судья и один сотрудник аппарата, который одновременно исполняет функции помощника, секретаря судебного заседания, архивариуса и делопроизводителя. Автоматизация судопроизводства, призванная облегчить работу, внедрена не повсеместно: в отдаленных судебных участках по-прежнему отсутствует полноценное электронное оповещение и доступ к информации о делах через официальные сайты.

Таким образом, юридическая ответственность как форма правоприменительной деятельности реализуется

в условиях, когда правоприменительные органы испытывают существенные ресурсные ограничения. Это создает разрыв между нормативным содержанием института ответственности и его практическим воплощением.

3. Отраслевые особенности применения мер ответственности: проблемные аспекты

Юридическая ответственность не является монолитным институтом. Она дифференцируется по отраслям права, каждая из которых имеет свои особенности в основаниях, субъектном составе и мерах воздействия. Анализ отраслевых аспектов позволяет выявить как специфические, так и общие проблемы, характерные для правоприменительной практики в целом.

В административном праве одной из наиболее острых проблем является квалификация правонарушений с бланкетными диспозициями. Как отмечает А. Н. Агарков, современное административно-деликтное право характеризуется стремительным увеличением количества составов с бланкетными диспозициями, что порождает серьезные проблемы квалификации и приводит к нарушению фундаментальных принципов юридической ответственности, прежде всего соразмерности и *non bis in idem* [1, с. 49]. Введение в 2022 году частей 5 и 6 статьи 4.4 КоАП Российской Федерации стало важным, но половинчатым шагом, поскольку не разрешило квалификационный тупик полностью и создало новые коллизии [1, с. 50].

Вопросы эффективности правовых норм об ответственности рассматриваются и в научной литературе. Так, О. С. Рогачева и Ю. Б. Носова указывают на необходимость комплексного подхода к оценке эффективности административно-правовых норм, отмечая, что действующее регулирование не всегда обеспечивает достижение целей юридической ответственности [2, с. 178]. Проблемы совершенствования системы юридической ответственности рассматриваются и в контексте противодействия коррупционным правонарушениям. Д. В. Сигалаев отмечает необходимость комплексного подхода, сочетающего меры уголовной, административной и дисциплинарной ответственности [3, с. 385].

Отдельного внимания заслуживает проблема несоразмерности правовых ограничений, устанавливаемых для сотрудников правоохранительных органов, и отсутствия адекватных компенсаций за них. Сотрудникам запрещено заниматься другой оплачиваемой деятельностью, за исключением педагогической, научной и творческой работы. Этот запрет носит абсолютный характер и не учитывает фактический уровень денежного довольствия, который в регионах остается невысоким. При этом законодательно предусмотрены санаторно-курортное лечение, льготы для детей и иные меры социальной поддержки, однако на практике большинство рядовых сотрудников ими не пользуются. Возникает ситуация, при которой требований и ограничений много, а реальных компенсаций за них нет.

Проблемы кадрового обеспечения и перегрузки правоприменительных органов носят системный характер и признаны на высшем государственном уровне. Председатель Верховного Суда Российской Федерации И. Л. Краснов на совещании судей сообщил, что по состоянию на начало года более 3,5 тысячи должностей мировых и федеральных судей оставались незанятыми [5]. Президент Российской Федерации В. В. Путин на том же совещании отметил, что дефицит судей составляет около 15 % в федеральных судах общей юрисдикции и в арбитражных судах [6].

Аналогичная ситуация складывается в органах внутренних дел. На ежегодном расширенном заседании Министерства внутренних дел Российской Федерации Президент назвал существенный некомплект личного состава одной из самых острых проблем ведомства [8]. Министр внутренних дел В. А. Колокольцев привел данные о том, что с 2020 года из органов ушли 350 тысяч человек, а личный состав обновился наполовину [7]. Общее количество вакансий в системе МВД достигает 212 тысяч, из которых 186,5 тысячи — аттестованные должности [7]. Наибольший дефицит наблюдается в патрульно-постовой службе — около 40 %, среди участковых уполномоченных — свыше 25 % [7].

В гражданском праве проблемы ответственности связаны с неопределенностью отдельных составов правонарушений и сложностью установления вины юридических лиц. Значительная часть составов в КоАП Российской Федерации сформулирована с использованием оценочных категорий, таких как «в установленном порядке», «надлежащим образом», «своевременно», что допускает разночтения и создает условия для произвольного применения закона.

Анализ отраслевых аспектов позволяет сделать вывод о том, что проблемы правоприменения в сфере юридической ответственности носят универсальный характер. Кадровый дефицит, высокая нагрузка, несоразмерность ограничений и отсутствие адекватных компенсаций — эти факторы в равной степени характерны для судебной системы, правоохранительных органов и прокуратуры.

Литература:

1. Агарков А. Н. Системный сбой или конвейер нарушений: проблема квалификации по бланкетным составам КоАП РФ // Судья. — 2026. — № 6. — С. 49–53.
2. Рогачева О. С., Носова Ю. Б. К дискуссии об эффективности правовых норм о юридической ответственности в административном праве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2023. — № 3 (54). — С. 177–182.
3. Сигалаев Д. В. Пути совершенствования системы юридической ответственности за коррупционные правонарушения // Молодой ученый. — 2026. — № 22 (625). — С. 384–386.
4. Кириленко Н. Е. Перспективы развития законодательства в сфере правового регулирования административных правонарушений // Молодой ученый. — 2025. — № 50 (601). — С. 333–336.
5. Краснов: в России остаются незанятыми 3,5 тыс. должностей судей [Электронный ресурс] // ТАСС. — 2026. — 19 февраля. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/26499367>
6. Путин отметил нехватку судей в России [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 2026. — 19 февраля. — URL: <https://ria.ru/20260219/putin-2075468822.html>

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Юридическая ответственность как правовой институт существует в единстве нормативного и практического измерений. Нормативное измерение включает совокупность правовых норм, устанавливающих основания, виды и меры ответственности. Практическое измерение представляет собой деятельность компетентных органов по применению этих норм к конкретным субъектам. Без эффективного правоприменения нормы об ответственности остаются абстрактными предписаниями, не способными обеспечить реальную защиту правопорядка.

Место юридической ответственности в механизме правоприменения определяется тем, что применение мер ответственности всегда осуществляется через правоприменительные акты. Приговор суда, постановление о назначении административного наказания, решение о привлечении к дисциплинарной ответственности — все эти акты являются результатом правоприменительной деятельности и одновременно инструментами реализации ответственности.

Анализ отраслевых особенностей применения мер ответственности выявляет комплекс проблем, носящих системный характер. Высокий уровень некомплекта кадров в правоохранительных органах, значительная нагрузка на судей и прокурорских работников, несоразмерность правовых ограничений реальным рискам, отсутствие адекватных компенсаций за ограничения — эти факторы создают разрыв между нормативным содержанием института ответственности и его практическим воплощением.

Преодоление выявленных проблем требует комплексного подхода. Представляется необходимым совершенствование системы компенсаций за правовые ограничения, дифференциация ограничений в зависимости от должностной категории и реальных коррупционных рисков, оптимизация нагрузки на правоприменителей, а также повышение уровня социальных гарантий для сотрудников правоохранительных органов и судебной системы.

7. Колокольцев рассказал о текучке кадров в МВД [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 2026. — 4 марта. — URL: <https://ria.ru/20260304/kolokoltsev-2078476522.html>
8. Путин назвал некомплект личного состава одной из важнейших проблем МВД [Электронный ресурс] // Дума ТВ. — 2026. — 4 марта. — URL: <https://dzen.ru/a/aahGhQLFUhfRkn96>

Международный терроризм и судебная экспертиза

Царева Дарья Сергеевна, студент магистратуры
Херсонский технический университет (г. Геническ)

В статье определяется круг судебных экспертиз, существенных по делам о терроризме в российском уголовном процессе, и условия использования их результатов за рубежом. Показано, что отсутствие общего определения международного терроризма переносит значение на национальные нормы и осложняет правовую помощь. Выделены три направления экспертизы и три условия использования её выводов.

Ключевые слова: международный терроризм, судебная экспертиза, правовая помощь, двойная криминальность.

International terrorism and forensic examination

The article defines the range of forensic examinations that are relevant in terrorism cases in the Russian criminal process, as well as the conditions for using their results abroad. It is shown that the lack of a general definition of international terrorism shifts the focus to national norms and complicates legal assistance. Three areas of expertise and three conditions for using its conclusions are identified.

Keywords: international terrorism, forensic examination, legal assistance, dual criminality.

Международный терроризм отличается от внутригосударственного тем, что его подготовка и последствия распределены между несколькими странами, а жертвами становятся граждане разных государств [1, с. 153]. Для доказывания это означает, что материалы и экспертизы оказываются в разных юрисдикциях, а заключение одной из них приходится использовать в другой.

С. П. Жданов, Т. В. Кувырченкова и А. М. Скрычев исходят из того, что «единого международного определения терроризма нет» [2, с. 87], А. Г. Волеводз показывает следствие этого, а именно нарушение при несовпадении национальных формулировок требования двойной криминальности, из-за чего в правовой помощи, как правило, отказывают [1, с. 151–152]. Значение судебной экспертизы для противодействия терроризму отмечалось ещё в 2004 г. на первой конференции проекта «Восток — Запад» [3, с. 36].

Условия, на которых выводы экспертов одного государства используются в деле другого, остаются нерешённым вопросом. Цель статьи состоит в том, чтобы определить круг экспертиз, существенных по делам о терроризме в российском процессе, и выявить эти условия.

Российское право не содержит общего определения международного терроризма. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» определяет терроризм через идеологию насилия и практику воздействия на решения органов власти или международных организаций, связанные с устрашением на-

селения и иными противоправными насильственными действиями [4, ст. 3]. Международный элемент выделяется лишь в Уголовном кодексе Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ, где акт международного терроризма (ст. 361) определён через действия за пределами России, опасные для её граждан и направленные против интересов страны либо мирного сосуществования государств [5].

Назначение экспертиз от этой терминологии не зависит. Глава 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ предусматривает назначение экспертизы постановлением следователя [6, ст. 195] и делает её обязательной, когда нужно установить причину смерти [6, ст. 196], а теракт, повлёкший смерть человека, образует квалифицированный состав (ч. 3 ст. 205 УК РФ) [5]. Особых правил для дел о терроризме эта глава не содержит, поэтому круг экспертиз определяется потребностями доказывания.

Границы преступления зависят от национального права и на международном уровне. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15.06.2001) определяет терроризм через перечень деяний из договоров Приложения и общее описание насильственного деяния, но требует, чтобы оно преследовалось по национальному законодательству сторон [7, ст. 1]. С этим согласуется вывод А. Г. Волеводза о нацеленности договоров на криминализацию внутригосударственного, а не международного терроризма [1, с. 154].

Национальные нормы задают круг преступлений и порядок назначения экспертиз, а международное определение отсылает к праву государств, поэтому условия использования выводов за рубежом нужно искать в нормах о правовой помощи.

Организационные границы задают Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», допускающий экспертизу и вне государственных учреждений [8, ст. 1, 41], и Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», по которому заключение не имеет заранее установленной силы [9, п. 19]. В статье выделены три направления, связанные с останками погибших, взрывным устройством и текстовыми материалами.

Первое направление вытекает из ст. 196 УПК РФ, по которой при гибели людей установление причины смерти обязательно [6], а при массовых жертвах добавляется задача опoznания. Р. М. Лопес Торибио с соавторами, систематизировав публикации об идентификации жертв массовых катастроф, пришли к выводу, что ДНК-анализ сыграл важную роль в опoznании, а судебно-стоматологическая идентификация полезна как вспомогательный метод [10, с. 372]. Теракты среди объектов их исследования прямо не названы, поэтому перенос выводов на дела о терроризме остаётся допущением.

Взрыв назван в ст. 205 УК РФ среди действий, образующих террористический акт [5], поэтому второе направление составляют взрывотехнические исследования. А. А. Картавий, анализируя практику таких исследований, обращается к поражающему действию взрывных устройств и необходимости его учёта в правоприменении [11, с. 15].

Третье направление связано со смыслом материалов. Статья 205.2 УК РФ устанавливает ответственность за публичные призывы к террористической деятельности, оправдание терроризма и его пропаганду [5]. К. Ушакова предлагает соотносить правовые компоненты этой статьи с лингвистическими и строить на этом модель вопросов эксперту [12, с. 78], а А. И. Усов отмечает, что методики Российского федерального центра судебной экспертизы Минюста России для дел об экстремизме и терроризме одобрены Национальным антитеррористическим комитетом [3, с. 39].

Во всех трёх направлениях вопросы эксперту формулируются через признаки национального состава, что осложняет использование заключений за рубежом.

Канал, по которому заключение одного государства попадает в дело другого, задан в российском процессе главой

53 УПК РФ. Запрос о проведении за рубежом процессуальных действий, включая экспертизу, подаётся на основании международного договора, соглашения или принципа взаимности [6, ст. 453] и содержит квалификацию деяния и текст статьи УК РФ [6, ст. 454]. Доказательства, полученные за рубежом, имеют ту же юридическую силу, что и собранные в России, если они удостоверены и переданы в установленном порядке [6, ст. 455], однако особых условий для экспертных заключений эта статья не содержит.

Первое условие связано с составом преступления. Запрос содержит российскую квалификацию, поэтому иностранный орган сопоставляет её со своим правом, и несовпадение формулировок даёт «основание для непризнания двойной криминальности», а с ним и для отказа в правовой помощи [1, с. 151–152].

Второе условие касается доверия к самому заключению. Суд оценивает его по общим правилам, учитывая квалификацию эксперта [9, п. 19], но для иностранного заключения эту квалификацию нужно подтвердить. М. А. Агафонов отмечает, что на международном уровне закреплено «небольшое количество правовых норм» о совместной деятельности экспертов разных стран, и называет приоритетом международную сертификацию экспертов [13, с. 6]. А. И. Усов описывает иной путь через проект «Восток — Запад», согласования между министерствами юстиции и аккредитацию лабораторий [3, с. 37–38]. Расхождение кажущееся, поскольку М. А. Агафонов оценивает правовое регулирование, а А. И. Усов практику взаимодействия.

Использование экспертных выводов за рубежом зависит от совпадения квалификации деяния в обоих государствах, соблюдения процедуры главы 53 УПК РФ и подтверждённой квалификации эксперта. Первые два условия задаются нормами, а третье пока опирается скорее на практику сотрудничества.

Российское право не содержит общего определения международного терроризма, а международные акты отсылают к национальным нормам. Поэтому круг судебных экспертиз по делам о терроризме определяется общим порядком главы 27 УПК РФ и потребностями доказывания, а в статье выделены три направления, связанные с гибелью людей, взрывом и содержанием материалов. Использование экспертных выводов за рубежом зависит от совпадения квалификации деяния, соблюдения процедуры главы 53 УПК РФ и подтверждённой квалификации эксперта. Практика запросов о правовой помощи и судебные решения не изучались, что ограничивает выводы.

Литература:

1. Волеводз А. Г. Международно-правовая криминализация международного терроризма // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 150–160.
2. Жданов С. П., Кувырченкова Т. В., Скрычев А. М. К проблеме терроризма в условиях вооружённого конфликта // Экономика. Право. Общество. 2022. Т. 7, № 4 (32). С. 85–91.

3. Усов А. И. Формирование облика судебной экспертизы на примере международного проекта «Восток — Запад: партнёрство в судебной экспертизе» // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 3 (115). С. 34–44.
4. О противодействии терроризму: федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 25.05.2026) // КонсультантПлюс.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // КонсультантПлюс.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // КонсультантПлюс.
7. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом: заключена в г. Шанхае 15.06.2001 // Собрание законодательства РФ. 2003. № 41. Ст. 3947.
8. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // КонсультантПлюс.
9. О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021) // КонсультантПлюс.
10. Лопес Торибио Р. М., Кастаньеда Эухенио Н. Э., Манрике де Лара Суарес Д. А. Связь между судебно-медицинской экспертизой ДНК и судебной одонтологией при идентификации личности в случаях массовой гибели людей: систематический обзор // Судебная медицина. 2024. Т. 10, № 3. С. 372–397.
11. Картавый А. А. Поражающее действие взрывных устройств и необходимость его учёта в правоприменительной практике // Российский следователь. 2021. № 2. С. 15–18.
12. Ушакова К. Категориальная принадлежность значения в лингвистической экспертизе по террористическим материалам // Юрислингвистика. 2024. № 33 (44). С. 78–83.
13. Агафонов М. А. Международное сотрудничество в судебно-экспертной деятельности: современное состояние // Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 19 окт. 2023 г.). М.: Моск. акад. Следств. комитета Рос. Федерации им. А. Я. Сухарева, 2024. С. 5–8.

Умышленная форма вины: содержание и проблемы уголовно-правовой оценки

Цыдыпова Лариса Цыреновна, слушатель магистратуры
Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск)

В статье исследуется содержание умышленной формы вины и особенности её установления при квалификации преступлений. Рассматриваются интеллектуальные и волевые признаки прямого и косвенного умысла, критерии разграничения косвенного умысла и преступного легкомыслия. Анализируется юридическое значение отдельных разновидностей умысла, особенности оценки неоконченных преступлений и деяний с двумя формами вины.

Ключевые слова: вина, умышленная форма вины, прямой умысел, косвенный умысел, субъективная сторона преступления, квалификация преступлений, преступное легкомыслие.

Принцип вины, закреплённый в ст. 5 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), исключает уголовную ответственность за невиновное причинение вреда. Наличие общественно опасного результата само по себе не позволяет судить о характере психического отношения лица к содеянному. Между тем именно такое отношение нередко определяет выбор между смежными составами преступлений, пределы ответственности за неоконченное посягательство и правовую оценку наступивших последствий. Исследование умышленной формы вины предполагает обращение к содержанию умысла и особенностям его установления в правоприменительной деятельности.

Согласно ст. 25 УК РФ умысел подразделяется на прямой и косвенный. Оба вида объединяет осознание общественной опасности действия или бездействия. Интеллектуальный момент характеризует также предвидение

общественно опасных последствий, а волевой выражает отношение лица к их наступлению. При прямом умысле виновный предвидит возможность либо неизбежность последствий и желает их наступления; при косвенном предвидит возможность последствий, не желает, но сознательно допускает их либо относится к ним безразлично. Такое разграничение основано на сочетании указанных признаков, а не на оценке тяжести фактически причинённого вреда [1; 2, с. 266–270].

Желание последствий не обязательно предполагает, что причинённый вред выступал конечной целью поведения. При прямом умысле соответствующий результат может рассматриваться виновным как средство достижения иной цели либо необходимый этап осуществления замысла. В свою очередь, косвенный умысел означает сознательное допущение возможности побочного общественно опасного результата при продолжении избран-

ного поведения. Поэтому установление мотива ещё не разрешает вопрос о виде умысла: стремление получить материальную выгоду или избежать задержания само по себе не раскрывает отношения виновного к жизни и здоровью потерпевшего [3, с. 293–295].

Наибольшие трудности возникают при разграничении косвенного умысла и преступного легкомыслия. В обоих случаях лицо предвидит возможность общественно опасных последствий, однако при легкомыслии без достаточных оснований рассчитывает на их предотвращение. При косвенном умысле подобный расчёт отсутствует: лицо продолжает действовать, сознавая реальную возможность причинения вреда и допуская её. Для квалификации необходимо исследовать, на какие именно обстоятельства рассчитывал субъект, могли ли они предотвратить наступление результата и как сам виновный воспринимал их значение. Ссылка на надежду, что неблагоприятных последствий удастся избежать, не равнозначна установлению расчёта на конкретные предотвращающие факторы [2, с. 274–277].

Дополнительные разновидности умысла, выделяемые в уголовно-правовой доктрине, связаны с моментом его возникновения и определённой предвидимостью результата. Различают заранее обдуманый и внезапно возникший, определённый, альтернативный и неопределённый умысел. Эти категории не заменяют предусмотренного законом разграничения прямого и косвенного умысла, однако позволяют уточнить содержание намерения. В. И. Акимочкин и С. Ю. Кораблева обращают внимание на противоречия, возникающие при механическом применении правила о квалификации по фактически наступившим последствиям в ситуации прямого неопределённого умысла [4, с. 125–127]. Если из обстоятельств содеянного следует направленность воли на более тяжкий результат, его ненаступление не всегда исключает оценку действий как покушения на преступление.

Особенно отчётливо значение направленности умысла проявляется при посягательствах на жизнь. В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации оконченное убийство может совершаться с прямым или косвенным умыслом, тогда как покушение на убийство возможно только с прямым. Это требует установления желания причинить смерть, которая не наступила по обстоятельствам, не зависящим от виновного [5, п. 2]. Ни применение опасного предмета, ни тяжесть ранения, взятые изолированно, не доказывают наличие именно такого желания.

Разграничение убийства и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлёкшего по неосторожности смерть потерпевшего, связано с различием психического отношения к летальному исходу. При убийстве причи-

нение смерти охватывается умыслом; в случае, предусмотренном ч. 4 ст. 111 УК РФ, отношение к смерти является неосторожным. Статья 27 УК РФ допускает ответственность за тяжкие последствия умышленного преступления при установлении предусмотренных законом признаков неосторожности по отношению к ним. Следовательно, умышленный характер первоначального насилия не даёт оснований автоматически распространять умысел на любой последовавший результат [1; 5, п. 3; 6, с. 391]. Аналогичный подход к разграничению преступлений против жизни и здоровья представлен в учебной литературе [8, с. 19–22].

Установление умысла осложняется тем, что интеллектуальные и волевые процессы недоступны непосредственному наблюдению. Как отмечается в современных исследованиях, вывод о форме вины делается по совокупности доказательств, включая обстоятельства подготовки, способ совершения деяния, действия во время посягательства и последующее поведение лица [6, с. 388–391; 7, с. 129–130]. Однако объективные признаки являются доказательственным материалом для вывода о внутреннем отношении субъекта, а не его безусловными эквивалентами. Например, локализация повреждений приобретает значение совместно с характером воздействия, последовательностью действий, обстановкой конфликта и другими установленными обстоятельствами.

Существенное методологическое значение имеет раздельная проверка осознания общественной опасности, предвидения конкретного результата и волевого отношения к нему. Такой подход препятствует ошибке, когда тяжесть наступивших последствий используется одновременно как свидетельство их предвидения и желания. Для преступлений с формальным составом анализ должен учитывать особенности законодательного описания деяния: поскольку последствие не входит в число обязательных признаков соответствующего состава, содержание умысла раскрывается прежде всего через осознание общественно опасного характера действий и волевою направленность на их совершение [3, с. 294–295].

Представляется, что значительная часть трудностей квалификации умышленных преступлений обусловлена применением законодательных определений видов умысла к конкретным обстоятельствам содеянного. Вывод о прямом либо косвенном умысле должен объяснять, какие обстоятельства подтверждают предвидение последствий и какое отношение к ним занимал субъект. Последовательное разграничение установленных фактов и сделанных на их основании выводов позволяет избежать объективного вменения и точнее определить пределы уголовной ответственности.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ.
2. Сенцова, А. С. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / А. С. Сенцова, В. В. Намнясовой, О. В. Стрильца. — 2 изд., исп. и доп. — Волгоград, 2017. — 274 с. — Текст: непосредственный.

3. Акимочкин, В.И., Кораблева, С. Ю. Виды умысла и их влияние на квалификацию / В. И. Акимочкин, С. Ю. Кораблева — Текст: непосредственный // Бизнес в законе. 2012. № 2. С. 124–130.
4. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 3 марта 2015 г.).
5. Баймухаметов, А. С. Проблемы вины в правоприменительной практике / А. С. Баймухаметова — Текст: непосредственный // Социальное управление. 2025. Т. 7, № 6. С. 387–393.
6. Пержан, И. О. Вопросы квалификации преступлений при вменении умышленной формы вины / И. О. Пержан — Текст: непосредственный // Вестник магистратуры. 2025. № 12–2 (171). С. 129–131.
7. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под общ. ред. С. А. Денисова, Л. В. Готчиной, А. Г. Хлебушкина. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. 656 с. — Текст: непосредственный.

Надлежащее извещение иностранных лиц в арбитражном процессе: пределы судейского усмотрения

Чернецкий Иван Юрьевич, студент магистратуры

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

В статье анализируется проблема обеспечения надлежащего извещения иностранных лиц, находящихся в недружественных юрисдикциях, в арбитражном процессе России. Рассматривается нормативная модель извещения, закреплённая в части 3 статьи 253 АПК РФ и международных договорах. Исследуются альтернативные способы извещения, признаваемые судами в условиях ограничения официальных каналов правовой помощи. Обосновывается необходимость законодательного закрепления критериев эффективного (фактического) извещения.

Ключевые слова: арбитражный процесс, извещение иностранных лиц, недружественные юрисдикции, судебное поручение, Гаагская конвенция 1965 года, эффективное извещение, статья 253 АПК РФ.

Введение

В соответствии с частью 3 статьи 253 АПК РФ извещение иностранных лиц, находящихся за пределами Российской Федерации, осуществляется путём направления судебного поручения в учреждение юстиции или иной компетентный орган иностранного государства. Срок рассмотрения дела продлевается на срок, установленный договором о правовой помощи, а при его отсутствии — не более чем на один год [1]. Международно-правовую основу указанного порядка составляют Гаагская конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам 1965 года [2], Минская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 года [3] и Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, 1992 года [4]. При отсутствии международного договора судебные документы направляются в порядке международной вежливости [5].

Однако после 2022 года применение данной модели столкнулось с системными затруднениями, обусловленными ограничением почтового обмена с рядом государств и неисполнением компетентными органами иностранных государств судебных поручений [6]. В сложившихся условиях арбитражные суды вынуждены изыскивать альтерна-

тивные способы доведения информации до иностранного участника спора. Цель настоящей статьи — определить пределы судейского усмотрения при оценке надлежащего такого извещения.

1. Нормативная модель извещения иностранных лиц

В доктрине международного гражданского процесса традиционно выделяют три способа извещения: дипломатический, через центральные органы и прямой [7]. Дипломатический способ, закреплённый в двусторонних договорах об оказании правовой помощи, является наиболее сложным и многоступенчатым. При присоединении к Гаагской конвенции 1965 года Российская Федерация заявила, что дипломатические и консульские агенты иностранных государств не вправе осуществлять вручение документов на её территории, за исключением случаев вручения документов гражданам запрашивающего государства [8; 2]. Основным каналом передачи судебных документов выступают центральные органы; для Российской Федерации по Гаагской конвенции таким органом является Министерство юстиции РФ [2; 9]. Прямой способ, предполагающий направление документов по почте непосредственно заинтересованному лицу, ограничен: статья 10 названной Конвенции на территории России не применяется [8; 2].

Приоритетность применения указанных актов закреплена в пункте 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23: суд обязан последовательно проверить наличие двустороннего договора о правовой помощи, участие обоих государств в многостороннем договоре, а при их отсутствии — возможность применения принципа международной вежливости [5]. Произвольный выбор способа извещения не допускается. Минская конвенция 1993 года применяется в отношении лиц, находящихся на территории Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Молдовы, Украины, Туркмении, Узбекистана, Азербайджана и Грузии; она не требует перевода и нотариального заверения пересылаемых документов [3].

2. Проблемы применения нормативной модели в условиях санкционных ограничений

С 2022 года официальные каналы извещения фактически перестали функционировать в отношении ряда юрисдикций. Арбитражные суды констатируют отсутствие объективной возможности направления поручения в учреждение юстиции иностранного государства вследствие ограничения почтового обмена с государствами, включёнными в перечень, утверждённый распоряжением Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р [10]. В открытых источниках приводятся примеры судебных актов, в которых извещение признавалось надлежащим, несмотря на неисполнение поручения; однако полные тексты этих актов доступны в справочно-правовых системах.

В ответ на указанные затруднения судебная практика выработала подход, получивший наименование эффективного (фактического) извещения. Суть его состоит в том, что помимо официального поручения суд использует совокупность альтернативных мер: направление документов международной курьерской службой с нотариально заверенным переводом, электронную почту, публикацию информации в картотеке арбитражных дел [11]. Данный подход согласуется с разъяснением, содержащимся в пункте 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57, согласно которому размещение информации на официальном сайте суда признаётся надлежащим извещением [12]. Бремя доказывания факта извещения при этом не перекладывается на суд: заинтересованные участники процесса должны предпринимать попытки доведения информации до иностранного лица.

Шестимесячный срок, установленный статьёй 15 Гаагской конвенции 1965 года и воспроизведённый в пунктах 29–30 постановления Пленума ВС № 23, выполняет двоякую функцию: с одной стороны, он обеспечивает иностранному лицу достаточное время для получения информации, с другой — ограничивает суд, не позволяя откладывать разбирательство на неопределённый срок [2; 5]. Практика признаёт надлежащим извещение, осуществлённое совокупностью каналов (курьерская служба,

почта, электронная почта), при условии истечения шестимесячного срока с даты первого уведомления [11].

3. Пределы судебного усмотрения при оценке надлежащего извещения

Часть 3 статьи 253 АПК РФ сформулирована как императивная норма: суд обязан направить поручение в учреждение юстиции иностранного государства [1]. Однако практическая недоступность указанного канала создаёт ситуацию, не урегулированную законодателем. Суд оказывается перед выбором: приостановить производство на неопределённый срок либо изыскать обходные пути. Выбор второго варианта и составляет сферу судебного усмотрения.

Анализ судебной практики позволяет выделить три критерия, фактически применяемых судами при оценке надлежащего извещения в условиях недоступности официального канала. Первый критерий — совокупность использованных каналов: надёжным признаётся не какой-либо один способ, а их сочетание, исключающее возможность неосведомлённости иностранного лица [11]. Второй критерий — истечение шестимесячного срока с даты первого уведомления [2; 5]. Третий критерий — публикация информации в картотеке арбитражных дел, что опирается на часть 6 статьи 121 АПК РФ и пункт 16 постановления Пленума ВС № 57 [1; 12].

Перечисленные критерии не образуют единой системы, что порождает ряд рисков. Первый риск — отмена решения по безусловному основанию, предусмотренному пунктом 2 части 4 статьи 270 АПК РФ, в случае признания вышестоящей инстанцией извещения ненадлежащим [1]. Второй риск — нарушение права на защиту: формально извещённое лицо фактически лишается возможности участвовать в состязательном процессе, что противоречит статье 123 Конституции РФ и статье 7 АПК РФ [1]. Третий риск — отсутствие единообразия судебной практики, подрывающее принцип правовой определённости [11].

Представляется, что выход из описанной ситуации лежит в законодательном закреплении критериев эффективного извещения. Часть 3 статьи 253 АПК РФ могла бы быть дополнена положением, согласно которому при документально подтверждённой невозможности направления поручения суд использует альтернативные способы извещения (курьерская служба с нотариальным переводом, электронная почта, публикация в картотеке арбитражных дел). Использование не менее двух таких способов создаёт опровержимую презумпцию надлежащего извещения; иностранное лицо вправе её опровергнуть, доказав, что ни один из каналов не обеспечил фактического получения информации. Подобная конструкция сохраняет обязанность суда направлять официальное поручение и одновременно предоставляет работающий механизм на случай его неисполнимости.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что часть 3 статьи 253 АПК РФ перестала выполнять свою функцию: норма рассчитана на работающий механизм международной правовой помощи, который в отношении ряда юрисдикций в настоящее время отсутствует. Судебная практика выработала подход эффективного извещения, однако он существует вне законодательной регламентации, вследствие чего усмотрение судов не ограничено ни перечнем допустимых способов, ни критериями их достаточности. Результатом является нестабильность

правоприменения и риск отмены судебных актов по безусловному основанию [1].

Предлагается дополнить часть 3 статьи 253 АПК РФ тремя положениями: об альтернативном порядке извещения при подтверждённой недоступности официального канала; о способах такого извещения и опровержимой презумпции надлежащего извещения при использовании не менее двух из них; о праве иностранного лица опровергнуть указанную презумпцию. Законодатель уже корректировал данную норму в 2018 году, увеличив срок продления рассмотрения дела с шести месяцев до одного года [13]. Нынешние обстоятельства требуют следующей корректировки.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.
2. Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 49 (ч. I). — Ст. 7523.
3. Федеральный закон от 12.02.2001 № 10-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам» // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 7. — Ст. 609.
4. Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 11. — Ст. 1748.
5. Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам (заключена в Гааге 15.11.1965) // Собрание законодательства РФ. — 2004. — № 47. — Ст. 4572.
6. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в Минске 22.01.1993) // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 17. — Ст. 1472.
7. Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (заключено в Киеве 20.03.1992) // Закон. — 1992. — № 7.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложнённых иностранным элементом» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2017. — № 10.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2018. — № 4.
10. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 09.12.2025 № Ф01-3936/2025 по делу № А82-8396/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Решение Арбитражного суда Удмуртской Республики от 25.05.2023 по делу № А71-510/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.05.2025 по делу № А40-85706/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Определение Арбитражного суда Республики Карелия от 12.10.2023 по делу № А26-3098/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Кольцов, А. А. Участие иностранных лиц в российском арбитражном процессе: дис. канд. юрид. наук: 12.00.15 / Кольцов Андрей Александрович. — Саратов, 2004. — 215 с.
15. Гальперин, М. Л. Извещение иностранного ответчика: принципиальное значение для эффективной реализации права на судебную защиту / М. Л. Гальперин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2023. — № 11. — С. 198–206.
16. Шевченко, И. М. О некоторых вопросах рассмотрения дел с участием иностранных лиц в арбитражном процессе / И. М. Шевченко // Право и экономика. — 2026. — № 9. — С. 82–84.
17. Гетьман-Павлова, И. В. Международный гражданский процесс: учебник для вузов / И. В. Гетьман-Павлова, А. С. Касаткина, М. А. Филатова; под общ. ред. И. В. Гетьман-Павловой. — 2-е изд. — Москва: Юрайт, 2024. — 341 с.

Критерии определения международной подсудности дел с участием иностранных лиц: соотношение императивных правил и пророгационных соглашений

Чернецкий Иван Юрьевич, студент магистратуры

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

В статье анализируется соотношение императивных правил международной подсудности, закреплённых в статьях 247 и 248 АПК РФ, и пророгационных соглашений, допускаемых статьёй 249 АПК РФ. Исследуется проблема определения пределов автономии воли сторон при выборе компетентного суда. Рассматривается судебная практика, иллюстрирующая критерии действительности и исполнимости пророгационных соглашений. Обосновывается необходимость разграничения общей, исключительной и договорной подсудности для обеспечения правовой определённости в спорах с иностранным элементом.

Ключевые слова: международная подсудность, пророгационное соглашение, исключительная компетенция, статья 247 АПК РФ, статья 249 АПК РФ, автономия воли сторон, иностранный элемент, арбитражный процесс.

Введение

Институт международной подсудности в российском арбитражном процессе представляет собой систему норм, определяющих компетенцию арбитражных судов Российской Федерации по рассмотрению экономических споров, осложнённых иностранным элементом. Правовую основу этого института составляют статьи 247–249 АПК РФ, а также разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложнённых иностранным элементом» [2]. Центральная проблема, вокруг которой строится настоящее исследование, заключается в соотношении двух разнонаправленных начал: с одной стороны, императивных правил, закрепляющих исключительную компетенцию российских судов, с другой — принципа автономии воли сторон, допускающего заключение пророгационных соглашений об изменении подсудности.

Статья 247 АПК РФ устанавливает общие критерии международной подсудности дел с участием иностранных лиц. К их числу относятся, в частности, нахождение ответчика или его имущества на территории Российской Федерации, наличие органа управления, филиала или представительства иностранного лица на территории России, а также случаи, когда спор возник из договора, исполнение по которому должно иметь место или имело место на территории Российской Федерации [1]. Перечень оснований, закреплённый в статье 247 АПК РФ, не является исчерпывающим: пункт 10 части 1 данной статьи допускает рассмотрение спора при наличии тесной связи спорного правоотношения с территорией Российской Федерации [1]. Как разъяснил Верховный Суд РФ в Тематическом обзоре от 17.06.2026 № 8/2026, на основании общего критерия международной юрисдикции, закреплённого в пункте 10 части 1 статьи 247 АПК РФ, спор в любом случае может быть рассмотрен в арбитражном суде Российской Федерации, если имеет место тесная связь спорного правоотношения с её территорией, вне зависимости от того, отнесено ли рассмотрение дела к исключительной подсудности [4].

Однако общие правила статьи 247 АПК РФ действуют с изъятиями, установленными статьёй 248 АПК РФ. Исключительная компетенция российских арбитражных судов, закреплённая в данной норме, не может быть изменена соглашением сторон. Пункт 7 постановления Пленума ВС РФ № 23 прямо указывает, что исключительная компетенция арбитражных судов Российской Федерации не может быть изменена ни пророгационным соглашением о передаче спора в компетентный суд иностранного государства, ни дерогационным соглашением об исключении компетенции российских судов [2]. Аналогичное разъяснение содержится в информационном письме Президиума ВАС РФ от 09.07.2013 № 158, согласно которому арбитражный суд не признаёт себя компетентным, если установит наличие действительного и исполнимого соглашения о рассмотрении спора исключительно судом иностранного государства [3].

Статья 249 АПК РФ, напротив, допускает договорную подсудность. Стороны, хотя бы одна из которых является иностранным лицом, вправе заключить соглашение об определении компетенции арбитражного суда Российской Федерации. Такое соглашение должно быть заключено в письменной форме, быть действительным и исполнимым, а также определённо называть арбитражный суд Российской Федерации в качестве органа, обладающего компетенцией по рассмотрению соответствующего спора [1]. Судебная практика последовательно применяет эти критерии, подчёркивая, что под исполнимым пророгационным соглашением понимается соглашение, позволяющее установить истинное намерение (действительную волю) сторон в отношении компетенции арбитражного суда. В случаях, когда стороны хотя и указали на рассмотрение спора в иностранном суде, но не определили конкретный компетентный орган, а спор касается недвижимого имущества, расположенного на территории России, пророгационное соглашение признаётся недействительным и неисполнимым, поскольку такой спор относится к исключительной компетенции российских судов [3].

Цель настоящей статьи — проанализировать критерии разграничения императивной и договорной международной подсудности, выявить условия действительности

и исполнимости пророгационных соглашений, а также определить пределы судебного усмотрения при оценке конкурирующих правил о компетенции.

1. Система критериев международной подсудности и её соотношение с исключительной компетенцией

Система критериев международной подсудности, закреплённая в статье 247 АПК РФ, построена по принципу открытого перечня. Федеральный законодатель не ограничивает компетенцию российских арбитражных судов исчерпывающим набором формальных признаков, а формулирует общее правило, согласно которому спор подлежит рассмотрению в российском суде при наличии достаточной связи с территорией Российской Федерации. Как разъяснил Верховный Суд РФ в Тематическом обзоре от 17.06.2026 № 8/2026, на основании общего критерия международной юрисдикции, закреплённого в пункте 10 части 1 статьи 247 АПК РФ, спор в любом случае может быть рассмотрен в арбитражном суде Российской Федерации, если имеет место тесная связь спорного правоотношения с её территорией, вне зависимости от того, отнесено ли рассмотрение дела к исключительной подсудности [4]. Этот подход принципиально важен: он означает, что критерий тесной связи выполняет самостоятельную функцию и не может рассматриваться как субсидиарный по отношению к формальным основаниям, перечисленным в пунктах 1–9 части 1 статьи 247 АПК РФ.

Подтверждением наличия тесной связи, как следует из пункта 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23, могут служить доказательства того, что территория Российской Федерации является местом, где должна быть исполнена значительная часть обязательств, вытекающих из отношений сторон; предмет спора наиболее тесно связан с территорией Российской Федерации; основные доказательства по делу находятся на территории Российской Федерации [2]. Таким образом, суд не связан исключительно местом нахождения ответчика или местом заключения договора — он оценивает совокупность обстоятельств, свидетельствующих о реальной связи спора с российской юрисдикцией.

Однако общие правила статьи 247 АПК РФ действуют с изъятиями, установленными статьёй 248 АПК РФ. Исключительная компетенция российских арбитражных судов охватывает пять категорий дел: споры в отношении государственного имущества Российской Федерации; споры о недвижимом имуществе, находящемся на территории России; споры, связанные с регистрацией или выдачей патентов и свидетельств на товарные знаки; споры о признании недействительными записей в государственных реестрах; споры, связанные с учреждением, ликвидацией или регистрацией юридических лиц на территории Российской Федерации [1]. Кроме того, в исключительной компетенции российских судов находятся дела с участием иностранных лиц, возникающие из административных и иных публичных правоотношений [1].

Принципиальное отличие исключительной компетенции от общих правил статьи 247 АПК РФ состоит в её императивном характере. Пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 23 прямо указывает: исключительная компетенция арбитражных судов Российской Федерации не может быть изменена ни пророгационным соглашением о передаче спора в компетентный суд иностранного государства, ни дерогационным соглашением об исключении компетенции российских судов [2]. Это означает, что стороны не вправе своим соглашением преодолеть императивное правило о подсудности — такое соглашение будет признано недействительным и неисполнимым. Судебная практика последовательно применяет это разъяснение. Так, арбитражный суд признал оговорку о рассмотрении спора в иностранном суде недействительной и неисполнимой, поскольку предметом спора являлось обременение недвижимого имущества, расположенного на территории Российской Федерации, что относится к исключительной компетенции российских судов в силу пункта 2 части 1 статьи 248 АПК РФ [3].

Изложенное позволяет сделать промежуточный вывод: система критериев международной подсудности, закреплённая в статьях 247 и 248 АПК РФ, построена на сочетании гибкого критерия тесной связи и императивных правил исключительной компетенции. Такое сочетание обеспечивает, с одной стороны, достаточную гибкость для учёта фактических обстоятельств конкретного спора, с другой — правовую определённость в тех категориях дел, где интересы Российской Федерации требуют безусловного рассмотрения спора в российском суде.

2. Условия действительности и исполнимости пророгационных соглашений

Статья 249 АПК РФ закрепляет три требования, которым должно соответствовать соглашение об определении компетенции арбитражного суда Российской Федерации: письменная форма, действительность и исполнимость. Часть 2 данной статьи прямо указывает, что пророгационное соглашение должно быть заключено в письменной форме, быть действительным и исполнимым, а также определённо называть арбитражный суд Российской Федерации в качестве органа, обладающего компетенцией по рассмотрению соответствующего спора [1]. Судебная практика последовательно применяет эти критерии в их совокупности, не допуская расширительного толкования ни одного из них в ущерб другим [1; 2].

Требование письменной формы, как разъяснено в пункте 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23, считается соблюденным не только при составлении единого документа, подписанного сторонами, но и при обмене процессуальными документами, в которых одна из сторон заявляет о наличии пророгационного соглашения, а другая не возражает против этого [2; 5]. Такой подход существенно расширяет возможности признания соглашения заключённым и соответствует современным

стандартам обмена информацией, при которых воля сторон может быть выражена не только в классическом договоре, но и в ходе процессуальной переписки. Доктринальная оценка этого разъяснения сводится к тому, что оно ориентирует суды на установление действительной воли сторон, а не на формальное соблюдение реквизитов [5].

Наибольшую сложность представляет критерий исполнимости пророгационного соглашения. Пункт 8 постановления Пленума № 23 определяет исполнимое пророгационное соглашение как соглашение, на основании которого возможно установить истинное намерение (действительную волю) сторон в отношении компетенции арбитражного суда Российской Федерации [2]. Это означает, что суд не должен отказывать в признании соглашения действительным только потому, что в нём допущены неточности, опечатки или юридически небезупречные формулировки, если из содержания документа в целом можно вывести намерение сторон передать спор на рассмотрение российского арбитражного суда [5]. Подобный подход получил поддержку в доктрине международного гражданского процесса: он позволяет отграничить неисполнимость как объективную невозможность установить компетенцию от формальных дефектов, не влияющих на существо волеизъявления [5].

Вместе с тем исполнимость не тождественна действительности. Соглашение может быть действительным (то есть заключённым без пороков воли и формы), но неисполнимым, если из его содержания невозможно установить, какой именно суд компетентен рассматривать спор. Пункт 8 постановления № 23 приводит пример: если стороны указали на рассмотрение спора в арбитражном суде Российской Федерации, но не назвали конкретный суд, применяются общие правила подсудности, установленные параграфами 1 и 2 главы 4 АПК РФ; если же и они не позволяют определить компетентный суд, спор подлежит рассмотрению в Арбитражном суде Московской области [2; 5]. Таким образом, законодатель и высшая судебная инстанция стремятся сохранить силу соглашения там, где это возможно, и прибегают к субсидиарным правилам лишь при отсутствии достаточной определённости.

Принципиальное значение имеет разъяснение, содержащееся в пункте 10 постановления № 23: в силу автономности соглашения о порядке разрешения споров недействительность и (или) незаключение основного договора сами по себе не влекут недействительности и неисполнимости пророгационного соглашения; равным образом истечение срока действия основного договора не прекращает действие пророгационного соглашения [2]. Автономность пророгационного соглашения означает, что его судьба не зависит от судьбы материально-правового договора, в отношении споров из которого оно заключено. Это соответствует общему принципу процессуальной автономии соглашений о подсудности и обеспечивает стабильность договорных связей: стороны, согласовавшие компетентный суд, могут рассчитывать на то, что их выбор сохранит силу даже в случае оспаривания или расторжения основного договора [5].

Последствия несоблюдения требований статьи 249 АПК РФ дифференцированы. Если пророгационное соглашение признано недействительным, неисполнимым или утратившим силу, арбитражный суд не применяет его и рассматривает вопрос о компетенции на основании общих правил статей 247 и 248 АПК РФ. Если же соглашение действительно и исполнимо, но предусматривает передачу спора в компетентный суд иностранного государства, арбитражный суд по заявлению ответчика оставляет исковое заявление без рассмотрения применительно к пункту 5 части 1 статьи 148 АПК РФ [1; 3]. Как разъяснено в информационном письме Президиума ВАС РФ от 09.07.2013 № 158, при наличии действительного пророгационного соглашения о передаче спора в компетентный суд иностранного государства арбитражный суд оставляет иск без рассмотрения, если ответчик заявит соответствующее возражение до первого заявления по существу спора [3]. Если же ответчик участвует в рассмотрении дела, выдвигает доводы по существу и не оспаривает компетенцию российского суда, это подтверждает его волю на рассмотрение спора данным судом и влечёт утрату права ссылаться на наличие пророгационного соглашения в пользу иностранного суда [3].

3. Проблема конкуренции правил о подсудности при наличии международного договора и пределы судебного усмотрения

Соотношение императивных правил и пророгационных соглашений осложняется, когда в правовую ткань спора вторгается международный договор. Статья 3 АПК РФ устанавливает, что, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила судопроизводства, чем те, которые предусмотрены законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах, применяются правила международного договора [1]. Это общее правило конкретизировано в пункте 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23: если международный договор содержит иные правила определения компетенции, чем АПК РФ, приоритетному применению подлежат нормы международного договора [2]. Следовательно, суд, разрешая вопрос о своей компетенции, обязан последовательно проверить не только нормы АПК РФ, но и применимый международный договор — двусторонний или многосторонний.

Наиболее значимым многосторонним актом в рассматриваемой сфере является Гагская конвенция о соглашениях о выборе суда 2005 года. Российская Федерация в данной Конвенции не участвует [6]. Для государств — участников СНГ действует Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, 1992 года, статья 4 которого закрепляет правило о компетенции компетентного суда государства — участника СНГ по месту нахождения ответчика [7]. Кроме того, Минская конвенция 1993 года содержит развёрнутую систему правил подсудности,

включая исключительную компетенцию судов договаривающихся государств по спорам о недвижимом имуществе (пункт 3 статьи 20) [8]. Именно коллизия между национальными правилами исключительной компетенции и международными договорными нормами порождает наиболее сложные практические вопросы.

Судебная практика демонстрирует два подхода к разрешению такой коллизии. Первый подход исходит из безусловного приоритета международного договора: если договор относит спор к компетенции иностранного суда, российский суд обязан оставить иск без рассмотрения, даже если спор, по мнению заявителя, связан с исключительной компетенцией российских судов. Второй подход предполагает оценку реальной возможности рассмотрения спора в иностранном суде: если доступ к правосудию объективно затруднён, российский суд может признать свою компетенцию, ссылаясь на оговорку о публичном порядке [4]. Верховный Суд РФ в Тематическом обзоре от 17.06.2026 № 8/2026 не дал однозначного ответа на вопрос о приоритете одного подхода над другим, указав лишь, что суд обязан оценивать совокупность обстоятельств конкретного дела, включая наличие действительного пророгационного соглашения, участие сторон в параллельных процессах и реальность исполнения будущего решения [4].

Пределы судебного усмотрения при оценке конкурирующих правил о подсудности ограничены несколькими факторами. Во-первых, суд не вправе игнорировать императивные нормы международного договора, имеющего приоритет над АПК РФ. Это следует из статьи 3 АПК РФ и пункта 17 постановления Пленума № 23 [1; 2]. Во-вторых, суд не вправе произвольно расширять понятие «публичный порядок» для обоснования своей компетенции: как разъяснено в информационном письме Президиума ВАС РФ от 09.07.2013 № 158, ссылка на публичный порядок допустима лишь в исключительных случаях, когда рассмотрение спора в иностранном суде привело бы к нарушению фундаментальных принципов российского права [3]. В-третьих, суд обязан учитывать принцип правовой определённости: если стороны заключили пророгационное соглашение в пользу иностранного суда, они вправе рассчитывать на то, что их выбор будет соблюден, за исключением случаев, когда соглашение недействительно, неисполнимо или противоречит императивным нормам [2].

Вместе с тем практика показывает, что суды не всегда последовательно применяют эти ограничения. В ряде случаев российские суды признавали свою компетенцию по спорам, которые, по буквальному смыслу международного договора, подлежали рассмотрению в иностранном суде, ссылаясь на то, что санкционные ограничения создают объективные препятствия для доступа к правосудию [9]. Такая мотивировка, хотя и соответствует принципу защиты права на судебную защиту, закреплённому в статье 46 Конституции РФ, создаёт риск произвольного расширения исключительной компетенции российских судов и подрывает автономию воли сторон. Доктрина ме-

ждународного гражданского процесса оценивает эту тенденцию неоднозначно: одни авторы рассматривают её как вынужденную реакцию на санкционное давление, другие — как отступление от международных стандартов, способное осложнить признание российских судебных решений за рубежом [5].

Представляется, что выход из описанной ситуации лежит в выработке единообразных критериев оценки конкуренции правил о подсудности. Такими критериями могли бы стать: (1) наличие действительного и исполнимого пророгационного соглашения, определяющего компетентный суд; (2) соответствие этого соглашения императивным нормам международного договора и АПК РФ; (3) реальная возможность рассмотрения спора в иностранном суде, включая оценку препятствий санкционного характера; (4) соблюдение баланса между правом на судебную защиту и принципом автономии воли сторон. Законодательное закрепление этих критериев в статье 249 АПК РФ или в постановлении Пленума Верховного Суда РФ позволило бы снизить неопределённость правоприменения и обеспечить предсказуемость решений для участников внешнеэкономической деятельности.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что соотношение императивных правил международной подсудности и пророгационных соглашений в российском арбитражном процессе построено на началах дуализма. С одной стороны, статья 248 АПК РФ закрепляет исключительную компетенцию российских судов, которая не может быть изменена соглашением сторон. С другой — статья 249 АПК РФ допускает договорную подсудность, признавая за сторонами, хотя бы одна из которых является иностранным лицом, право определить компетентный арбитражный суд Российской Федерации. Такое сочетание обеспечивает, с одной стороны, защиту публичных интересов, с другой — известную гибкость, необходимую для участников внешнеэкономической деятельности [1; 2].

Вместе с тем проведённый анализ показывает, что баланс между этими началами не является стабильным. Судебная практика, складывающаяся вокруг статьи 249 АПК РФ, демонстрирует отсутствие единообразных критериев оценки исполнимости пророгационных соглашений. Суды по-разному подходят к толкованию неопределённых формулировок, к оценке автономности соглашения от основного договора и к последствиям участия ответчика в процессе без возражений против компетенции российского суда. Ситуация осложняется тем, что международные договоры, имеющие приоритет над АПК РФ, содержат собственные правила подсудности, которые не всегда согласуются с национальным регулированием [2; 4].

Представляется, что выход из описанной ситуации лежит в выработке единообразных критериев оценки конкуренции правил о подсудности. Такие критерии могли бы

быть закреплены либо в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 23 (путём дополнения его новыми разъяснениями), либо в статье 249 АПК РФ. К числу этих критериев следовало бы отнести: (1) наличие действительного и исполнимого пророгационного соглашения, определяющего компетентный суд; (2) соответствие этого соглашения императивным нормам международного договора и АПК РФ; (3) реальную возможность рассмотрения спора в иностранном суде, включая оценку препятствий

санкционного характера; (4) соблюдение баланса между правом на судебную защиту и принципом автономии воли сторон.

Закрепление указанных критериев позволило бы снизить неопределённость правоприменения, обеспечить предсказуемость судебных решений для участников внешнеэкономической деятельности и укрепить доверие к российскому арбитражному процессу как механизму разрешения споров с иностранным элементом.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложнённых иностранным элементом» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2017
3. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 09.07.2013 № 158 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дел с участием иностранных лиц» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. — 2013.
4. Тематический обзор Верховного Суда Российской Федерации № 8/2026 «О применении арбитражными судами законодательства о специальных экономических мерах, предусмотренных в целях защиты национальных интересов Российской Федерации»: утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 17.06.2026 № 11А/2026 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Гетьман-Павлова, И. В. Международный гражданский процесс: учебник для вузов / И. В. Гетьман-Павлова, А. С. Касаткина, М. А. Филатова; под общ. ред. И. В. Гетьман-Павловой. — 2-е изд. — Москва: Юрайт, 2024. — 341 с.
6. Конвенция о соглашениях о выборе суда: заключена в Гааге 30.06.2005 // Официальный сайт Гаагской конференции по международному частному праву (HCCH). — URL: <https://www.hcch.net> (дата обращения: 14.10.2026).
7. Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности: заключено в Киеве 20.03.1992 // Закон. — 1992.
8. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: заключена в Минске 22.01.1993 // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 17. — Ст. 1472.
9. Еремьян, А. В. Пределы полномочий арбитражного суда при рассмотрении дел, осложнённых иностранным элементом / А. В. Еремьян // Актуальные вопросы экономики, права и социологии: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 10 дек. 2024 г.). — Чебоксары: Среда, 2024. — С. 289–291.

Специфика процедур банкротства индивидуальных предпринимателей: сравнительно-правовой анализ с банкротством физических лиц и юридических лиц

Чибиева Елена Геннадьевна, студент магистратуры
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск)

Цель исследования — выявить особенности правового регулирования банкротства индивидуальных предпринимателей посредством сопоставления его процедур с банкротством граждан и юридических лиц. Анализируются субъектный состав, процедуры, имущество, последствия и процессуальные вопросы, а также обосновывается необходимость самостоятельного режима для предпринимателей.

Ключевые слова: банкротство, индивидуальный предприниматель, гражданин-должник, юридическое лицо, конкурсная масса, финансовый управляющий.

Сравнительно-правовой анализ позволяет выявить противоречия правового положения предпринимателя-должника, которые особенно ярко проявляются в судебной практике [11, с. 170]. Закон о банкротстве [4]

(далее — ФЗ № 127-ФЗ) закрепляет три группы субъектов: юридические лица, граждане и граждане со статусом индивидуального предпринимателя. Однако предприниматель одновременно является гражданином, что

вызывает споры о субсидиарном применении норм: при пробеле в параграфе 2 главы X обращаются к параграфу 1.1 ФЗ № 127-ФЗ, а не к правилам о юридических лицах [10, с. 147; 9, с. 3]. Поэтому требуется сопоставить режимы по ключевым элементам и определить, насколько действующие нормы учитывают специфику бизнеса.

Банкротство индивидуального предпринимателя и юридического лица объединяет предпринимательская деятельность, но различается правовой природой. Для организаций предусмотрены наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление и конкурсное производство (ст. 27 ФЗ № 127-ФЗ). Эти процедуры ориентированы на сохранение бизнеса и восстановление платежеспособности [14, с. 309]. Для граждан, включая предпринимателей, установлены реструктуризация долгов, реализация имущества и мировое соглашение; действенных реабилитационных механизмов меньше, а реструктуризация применяется редко [13, с. 217]. Различается и управляющий. В организации арбитражный управляющий замещает или контролирует органы управления. Финансовый управляющий гражданина контролирует его финансовую деятельность и представляет интересы в отношениях с кредиторами, но не управляет бизнесом. Предприниматель оказывается между ограничением распоряжения имуществом по ст. 213.11 и 213.24 ФЗ № 127-ФЗ и отсутствием у управляющего полномочий поддерживать деятельность [5, с. 79].

Последствия завершения процедур также противоположны. Юридическое лицо ликвидируется и исключается из ЕГРЮЛ (ст. 149 ФЗ № 127-ФЗ). Предприниматель сохраняется как гражданин, но утрачивает статус ИП; повторная регистрация запрещена на пять лет (ст. 216 ФЗ № 127-ФЗ). Это трансформация статуса, а не ликвидация, что недостаточно последовательно отражено в специальных нормах [8, с. 312]. Конкурсная масса организации обособлена от имущества участников (ст. 56 ГК РФ [1]). У предпринимателя в нее входит все имущество гражданина, используемое в бизнесе и личное, кроме защищенного ст. 446 ГПК РФ [3], прежде всего единственного жилья (ст. 213.25 ФЗ № 127-ФЗ). Поэтому его имущественная уязвимость выше, чем у участника обанкротившейся организации.

После реформы 2015 г. банкротство предпринимателя максимально сближено с банкротством обычного гражданина: оба режима находятся в главе X. Это создает парадокс: более сложный бизнес с множеством кредиторов регулируется так же, как долг гражданина перед одним банком [7, с. 41]. Специальные последствия сохраняются: утрата статуса ИП и аннулирование лицензий (ст. 216 ФЗ № 127-ФЗ), а требования по личным обязательствам рассматриваются после предпринимательских (ст. 215 ФЗ

№ 127-ФЗ). При этом разграничение долгов затруднено: потребительский кредит, направленный на бизнес, формально личный, что вынуждает суд оценивать связь обязательства с предпринимательством и порождает неоднородную практику [6, с. 121].

Внесудебное банкротство через МФЦ, доступное гражданам при небольшой задолженности, для действующего ИП практически неприменимо: предпринимательские обязательства, необходимость прекращения деятельности и сложный состав имущества делают процедуру реальной главным образом для бывших предпринимателей. Освобождение от долгов по ст. 213.28 ФЗ № 127-ФЗ, напротив, едино для граждан и предпринимателей и обеспечивает «fresh start». Не списываются, в частности, требования о вреде жизни и здоровью и алименты. Однако освобождение от коммерческих долгов может подрывать доверие контрагентов; добросовестный предприниматель и лицо, намеренно наращивавшее долги, оказываются в одинаковом положении [12, с. 37].

Процессуально все дела рассматриваются арбитражными судами по АПК РФ [2] и ФЗ № 127-ФЗ. При сочетании предпринимательских и личных долгов возникает конкуренция юрисдикций. Закон и разъяснения Верховного Суда объединяют требования к гражданину-ИП в одном арбитражном производстве независимо от их природы. Решение практично, но не вполне согласуется с разграничением компетенции по субъекту и характеру правоотношения.

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет сделать вывод о том, что банкротство индивидуального предпринимателя занимает промежуточное положение между двумя полюсами — банкротством гражданина и банкротством организации, — не совпадая ни с одним из них в полной мере. Реформа 2015 года существенно сблизила режим банкротства предпринимателя с режимом банкротства обычного гражданина, устранив прежнюю порочную практику применения к физическому лицу норм о банкротстве юридических лиц. Однако это сближение обнажило иную проблему: специфика предпринимательской деятельности — множественность и разнородность обязательств, наличие работников и контрагентов, особый характер имущества, используемого в бизнесе, — требует самостоятельного правового режима, который в действующем законодательстве представлен лишь в рудиментарном виде. Восполнение этого пробела путем разработки развернутой системы специальных норм о банкротстве индивидуальных предпринимателей представляется одной из насущных задач совершенствования российского законодательства о несостоятельности.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ, 29.07.2002, № 30, ст. 3012.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета, № 220, 20.11.2002.
4. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ, 28.10.2002, № 43, ст. 4190.
5. Адаменко А. П. Банкротство индивидуальных предпринимателей — правовые проблемы // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. — № 8 (287). — С. 76–84.
6. Бруско Б. С. Добровольное банкротство гражданина: реализация права или исполнение обязанности // Хозяйство и право. 2016. — № 9 (476). — С. 118–128.
7. Егоров А. В. Процедура банкротства граждан-предпринимателей. Семь проблемных вопросов практики // Арбитражная практика. — 2014. — № 12. — С. 38–45.
8. Несостоятельность (банкротство). В 2 т. Т. 1: учебный курс / Е. Г. Афанасьева, А. В. Белицкая, А. З. Бобылева [и др.]; под ред. д.ю.н., проф. С. А. Карелиной. — Москва: Статут, 2019. — 925 с.
9. Попондопуло В. Ф., Слепченко Е. В. Банкротство граждан: материально-правовые и процессуальные аспекты // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 9. С. 3–10.
10. Попондопуло В. Ф., Слепченко Е. В. Производство по делам о банкротстве: монография. М.: Юридический центр «Пресс», 2004. 460 с.
11. Раннева Е. В. Проблемы правового регулирования несостоятельности (банкротства) индивидуальных предпринимателей // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 9–5 (96). — С. 169–172.
12. Рахвалова Д. О. Теория и практика применения норм о внесудебном банкротстве индивидуальных предпринимателей // Юрист. — 2023. — № 1. — С. 33–38.
13. Сергеева А. С. Процедура несостоятельности (банкротства) индивидуальных предпринимателей // Архонт. 2025. № 17. — С. 214–220.
14. Телюкина М. В. Основы конкурсного права. М.: Волтерс Клувер, 2004. — 560 с.

Организационно-правовые механизмы реализации комплексной безопасности в деятельности общеобразовательных организаций

Шевчук Валерий Викторович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

В статье автор проводит анализ механизмов практической реализации правовых норм в сфере безопасности общеобразовательных организаций. Исследуется правовой статус должностных лиц, распределение зон ответственности между администрацией школы, охранными структурами и правоохранительными органами, а также правовые аспекты профилактики правонарушений среди обучающихся.

Ключевые слова: локальные нормативные акты, должностная инструкция, внутриобъектовый режим, профилактика, правовой статус обучающегося, охранная деятельность.

Наличие качественного законодательства не гарантирует фактической безопасности. Эффективность правового регулирования определяется качеством его имплементации на микроуровне — уровне конкретной школы. В данной статье рассматриваются организационно-правовые инструменты, с помощью которых общеобразовательная организация трансформирует государственные требования в повседневную практику.

1. Локальное нормативное регулирование как инструмент реализации федерального законодательства

Каждая общеобразовательная организация обязана разработать и утвердить локальные нормативные акты

(ЛНА), конкретизирующие федеральные требования. К ним относятся: положение об организации пропускного режима, инструкция по действиям персонала при угрозе совершения террористического акта, положение о комиссии по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и т. п.

Юридическая сила ЛНА базируется на ст. 30 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями от 04.08.2026 г.). Однако правовая проблема заключается в частом формализме: инструкции копируются из интернета без учета специфики здания и прилегающей территории, что делает их юридически ничтожными при расследовании инцидентов. Актуальным требованием 2024–2025 годов является обязательная интеграция

в ЛНА алгоритмов действий при поступлении ложных сообщений о минировании, частота которых возросла.

2. Правовой статус субъектов обеспечения безопасности

Обеспечение безопасности — это распределенный процесс. Администрация общеобразовательной организации несет персональную ответственность (вплоть до уголовной по ст. 293 УК РФ «Халатность») за обеспечение мер безопасности. Субъекты охранной деятельности действуют на основании договора. Правовая коллизия возникает при разграничении полномочий между штатным сторожем (технический персонал) и лицензированным сотрудником ЧОП. Согласно ФЗ от 11.03.1992 № 2487–1 «О частной детективной и охранной деятельности», только лицензированные сотрудники имеют право на осмотр вещей и применение физической силы. Правоохранительные органы (Росгвардия, МВД) осуществляют внешний контроль. Приказ МВД России регламентирует порядок совместных обследований школ, по результатам которых выдается акт обследования, являющийся юридическим основанием для предписаний об устранении нарушений.

3. Правовые аспекты профилактики и защиты обучающихся

Комплексная безопасность включает превентивный компонент. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ

«Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» закрепляет правовой статус школьных советов профилактики. Юридически значимым является порядок постановки обучающегося на внутришкольный учет: нарушение регламента (отсутствие письменного уведомления родителей, отсутствие решения коллегиального органа) делает последующие меры дисциплинарного взыскания незаконными.

Отдельного внимания заслуживает правовое регулирование информационной безопасности. В соответствии с Федеральным Законом от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», школа обязана применять контент-фильтры. Однако правовая доктрина и судебная практика 2024 года начинают формировать ответственность школы не только за доступ к вредному контенту внутри здания, но и за бездействие при выявлении фактов кибербуллинга в школьных чатах, если администрация была о них уведомлена.

Подводя итог, отмечу, что организационно-правовой механизм обеспечения безопасности образовательных организаций трансформируется от пассивного соблюдения требований к инженерно-технической укрепленности к активному правовому управлению человеческим фактором. Дальнейшее развитие требует унификации типовых ЛНА на федеральном уровне и четкой правовой регламентации действий персонала в «серых зонах» (например, при получении анонимных угроз по телефону), что снизит риски как физического ущерба, так и необоснованного привлечения должностных лиц к ответственности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. от 28.02.2025).
3. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (в ред. от 28.12.2024).
4. Постановление Правительства РФ от 02.08.2019 № 1006 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) Министерства просвещения Российской Федерации.».. (с изм. от 2024 г.).
5. Приказ Минпросвещения России от 04.12.2024 № 851 (в контексте актуализации стандартов безопасности в ФГОС).
6. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (в ред. от 2024 г.).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации (ст. 293, ст. 217).
8. Федеральный закон от 11.03.1992 № 2487–1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации».

Понятие, специфика и обусловленность прокурорского надзора за деятельностью по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних

Эшмуродов Аббос Илёсович, самостоятельный исследователь (г. Ташкент, Узбекистан)

В статье с позиций теории прокурорского надзора, ювенального права и сравнительного правоведения исследуются понятие, специфика и факторы правовой, социальной и международно-правовой обусловленности прокурорского надзора за деятельностью по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. На основе анализа законодательства Республики Узбекистан, международных стандартов отправления правосудия в отношении несовершеннолетних и опыта Российской Федерации и Республики Казахстан автор обосновывает самостоятельный, правозащитно-профилактический характер данного вида надзора, отличающий его от общего надзора за законностью.

Ключевые слова: прокурорский надзор, профилактика безнадзорности, правонарушения несовершеннолетних, ювенальная юстиция, права ребёнка, минимальное вмешательство.

Предупреждение безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних традиционно относится к числу приоритетных направлений государственной правовой политики, поскольку затрагивает одновременно интересы общественной безопасности и защиту прав ребёнка. Специфика данной сферы состоит в том, что объектом воздействия выступают не уже совершённые правонарушения, а причины и условия, им способствующие, а субъектом профилактики — несовершеннолетний, обладающий особым, не полностью сформированным правовым статусом.

В этих условиях прокурорский надзор приобретает двойственную природу: он остаётся формой контроля за законностью деятельности органов профилактики, но одновременно выполняет правозащитную функцию, требующую повышенной осторожности во вмешательстве в жизнь ребёнка и его семьи.

В юридической литературе прокурорский надзор за деятельностью по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних нередко рассматривается как частный случай общего надзора либо надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних в целом, без достаточного раскрытия его понятия, специфики и обусловленности как самостоятельного объекта теоретического анализа. Целью настоящей статьи является сравнительно-правовое исследование правовой природы, пределов и эффективности данного вида надзора с учётом международных стандартов ювенальной юстиции и позитивного опыта зарубежных государств, а также определение реально применимых для Узбекистана направлений его совершенствования.

Базовым актом в данной сфере выступает Закон Республики Узбекистан от 29 сентября 2010 года № ЗРУ-263 «О профилактике безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних», определяющий цели, задачи, принципы профилактической деятельности и систему её субъектов — органы внутренних дел и их специализированные подразделения, межведомственные комиссии по делам несовершеннолетних, специализированные учебно-воспитательные учреждения и иные органы [3]. Организационно-правовой основой надзора служит Закон Респу-

блики Узбекистан «О прокуратуре», относящий к предмету надзора исполнение законов органами государственного управления, учреждениями и должностными лицами, а также соблюдение прав и свобод граждан, включая несовершеннолетних [2]. Непосредственный порядок осуществления надзора в данной сфере урегулирован приказом Генерального прокурора Республики Узбекистан от 11 сентября 2017 года № 139 «О повышении эффективности деятельности по надзору за исполнением законодательства о несовершеннолетних», закрепляющим в качестве задач прокуратуры предупреждение и профилактику безнадзорности, беспризорности, правонарушений и преступности среди несовершеннолетних, выявление и устранение способствующих им причин и условий [4].

Понятие прокурорского надзора за деятельностью по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних может быть определено как специализированный, правозащитно-профилактический вид прокурорского надзора, предметом которого является законность актов и действий органов системы профилактики, а также соблюдение прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних при применении к ним профилактических и воспитательных мер. Специфика данного вида надзора проявляется в нескольких аспектах: во-первых, его объектом выступает не единый орган, а многосубъектная система профилактики, объединяющая органы внутренних дел, межведомственные комиссии и специализированные учреждения; во-вторых, применяемые меры носят преимущественно предупредительный, а не карательный характер, что требует от прокурора оценки не только законности, но и соразмерности вмешательства; в-третьих, особый правовой статус несовершеннолетнего предполагает повышенные процессуальные и материальные гарантии защиты его прав при осуществлении надзорных мероприятий.

Обусловленность данного вида надзора носит комплексный характер. Социальная обусловленность связана с сохраняющимися факторами риска — неблагополучием семей, социальной незащищённостью, что объективно требует постоянного правозащитного сопровождения про-

филактической деятельности. Нормативная обусловленность вызвана фрагментарностью законодательной базы, включающей наряду с Законом № ЗРУ-263 также Закон «О профилактике правонарушений» и периодически обновляемые акты об административной ответственности несовершеннолетних. Институциональная обусловленность отражена в Указе Президента Республики Узбекистан от 9 августа 2021 года № УП-6275 «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы обеспечения гарантий прав ребенка», предусматривающем дальнейшую либерализацию ответственности детей и применение в отношении несовершеннолетних мер, альтернативных заключению под стражу, включая меры реституционного (восстановительного) правосудия [5]. Данный указ демонстрирует переход от преимущественно административно-полицейской модели профилактики к модели, ориентированной на права ребёнка, что прямо влияет на содержание и приоритеты прокурорского надзора в этой сфере.

Международно-правовую основу образуют статьи 19, 37 и 40 Конвенции ООН о правах ребёнка 1989 года, закрепляющие обязанность государства защищать детей от насилия и небрежного обращения, обеспечивать особые гарантии при лишении свободы и соблюдать принципы правосудия, учитывающего интересы ребёнка [6].

Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), устанавливают принципы соразмерности, индивидуализации мер воздействия и приоритета благополучия несовершеннолетнего при любом вмешательстве государственных органов [7].

Особое значение для оценки профилактической составляющей надзора имеют Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы), рассматривающие профилактику прежде всего как комплексную социальную политику, реализуемую через семью, школу и местное сообщество, и прямо предостерегающие от чрезмерного вовлечения формальных органов контроля в жизнь ребёнка, поскольку это способно привести к стигматизации и закреплению девиантного поведения [8]. Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишённых свободы (Гаванские правила), устанавливают гарантии для детей, помещаемых в специализированные учреждения, что имеет прямое значение для надзора за законностью содержания несовершеннолетних в специализированных учебно-воспитательных учреждениях, предусмотренных Законом № ЗРУ-263 [9].

В совокупности эти акты формируют принцип минимального вмешательства: формальное, в том числе прокурорское, реагирование оправдано тогда, когда профилактические и воспитательные меры социального характера являются недостаточными, а не выступает первичным инструментом профилактики.

В Российской Федерации, как и в Узбекистане, сохраняется модель объединённого надзора за правами несовершеннолетних, в рамках которой профилактика безнадзор-

ности и правонарушений не выделена в самостоятельный предмет, а охватывается более широким направлением надзора за законодательством о несовершеннолетних согласно приказу Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 13 декабря 2021 года № 744 [10]. Институционально эта модель подкреплена специализированным управлением по надзору за соблюдением прав несовершеннолетних в структуре Генеральной прокуратуры и тесным взаимодействием с комиссиями по делам несовершеннолетних. Сильной стороной модели является единство методического руководства; слабой — структурное смешение надзора за законностью актов органов профилактики с надзором за соблюдением прав детей, что затрудняет оценку соразмерности применяемых к несовершеннолетним мер.

Республика Казахстан пошла по иному пути, сделав акцент не на расширении прокурорского надзора, а на институциональной специализации судебной системы: Указом Президента Республики Казахстан от 23 августа 2007 года № 385 были образованы специализированные межрайонные суды по делам несовершеннолетних, первоначально в экспериментальном порядке в Астане и Алматы, а с 2012 года — повсеместно [11]. В рамках данной модели сформирована специализированная «ювенальная прокуратура», действующая во взаимодействии с ювенальными судами, психологами и социальными работниками и рассматривающая не только уголовные, но и гражданские дела, затрагивающие права несовершеннолетних. Казахстанский опыт демонстрирует, что эффективность защиты прав ребёнка в профилактической сфере может обеспечиваться не столько расширением полномочий прокурора вне судебного контроля, сколько встраиванием прокурорской деятельности в специализированную, судебно ориентированную ювенальную инфраструктуру.

Сопоставление двух моделей с принципом минимального вмешательства, закреплённым в Эр-Риядских руководящих принципах, показывает, что ни полное сохранение широкого административно-полицейского надзора по российскому образцу, ни немедленное заимствование казахстанской модели специализированных ювенальных судов не являются для Узбекистана равно реалистичными.

Анализ законодательства и практики позволяет выделить следующие проблемы. Во-первых, нормативная база профилактики остаётся фрагментарной: она рассредоточена между Законом № ЗРУ-263, Законом «О профилактике правонарушений» и периодически изменяемыми нормами об административной ответственности несовершеннолетних, что затрудняет определение точного предмета прокурорского надзора. Во-вторых, как и в сфере образования, отсутствует чёткое нормативное разграничение между надзором за законностью актов органов системы профилактики и надзором за соблюдением прав несовершеннолетних, что создаёт риск смешения контрольной и правозащитной функций. В-третьих, в профилактической практике по-прежнему преобладают административно-полицейские меры (постановка на профилактический учёт, деятельность профилактических

подразделений), тогда как международные стандарты требуют приоритета социальных и воспитательных мер и осторожного отношения к формальному реагированию во избежание стигматизации ребёнка. Наконец, отсутствуют публикуемые показатели эффективности надзора именно в профилактической сфере, что не позволяет объективно оценить соотношение между объёмом надзорных мероприятий и реальным снижением факторов риска безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

С учётом проведённого анализа предлагается:

1) закрепить в законодательстве самостоятельное определение понятия прокурорского надзора за деятельностью по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, отграничив его от общего надзора и от надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних в целом, в том числе путём дополнения Закона № ЗРУ-263 соответствующей нормой [3];

2) нормативно разграничить предмет надзора за законностью актов органов системы профилактики и предмет надзора за соблюдением прав несовершеннолетних, закрепив приоритет правозащитной составляющей;

3) переориентировать практику надзора на принцип минимального вмешательства, закреплённый в Эр-Риядских руководящих принципах, обеспечив оценку не только законности, но и соразмерности и необходимости применяемых к несовершеннолетнему профилактических мер [8], что соответствует направлению, уже заданному Указом Президента № УП-6275 [5];

4) обеспечить усиленный надзор за условиями содержания несовершеннолетних в специализированных учебно-воспитательных учреждениях в соответствии с Гаванскими правилами [9];

5) ввести публикуемые показатели эффективности надзора в профилактической сфере и организовать систематическое повышение квалификации прокурорских работников по вопросам ювенального права и международных стандартов.

Прокурорский надзор за деятельностью по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних представляет собой самостоятельный, правозащитно-профилактический вид надзора, понятие и специфика которого определяются особым статусом несовершеннолетнего и предупредительным, а не карательным характером объекта надзора.

Его обусловленность носит комплексный социальный, нормативный и международно-правовой характер и в настоящее время усиливается общим направлением реформ. Сравнительный анализ российской и казахстанской практики показывает, что реалистичным для Узбекистана путём развития является не расширение административно-полицейского надзора, а его постепенная трансформация в соответствии с принципом минимального вмешательства — через нормативное обособление правозащитной функции, институциональную специализацию и приведение практики в соответствие с международными стандартами ювенальной юстиции.

Литература:

1. Конституция Республики Узбекистан.
2. Закон Республики Узбекистан «О прокуратуре» (в действующей редакции) // Национальная база данных законодательства, lex.uz.
3. Закон Республики Узбекистан от 29 сентября 2010 года № ЗРУ-263 «О профилактике безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних» // lex.uz.
4. Приказ Генерального прокурора Республики Узбекистан от 11 сентября 2017 года № 139 «О повышении эффективности деятельности по надзору за исполнением законодательства о несовершеннолетних».
5. Указ Президента Республики Узбекистан от 9 августа 2021 года № УП-6275 «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы обеспечения гарантий прав ребенка» // lex.uz.
6. Конвенция о правах ребёнка от 20 ноября 1989 года (ст. 19, 37, 40).
7. Минимальные стандартные правила Организации Объединённых Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 40/33 от 29 ноября 1985 года.
8. Руководящие принципы Организации Объединённых Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы). Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 45/112 от 14 декабря 1990 года.
9. Правила Организации Объединённых Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишённых свободы (Гаванские правила). Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 45/113 от 14 декабря 1990 года.
10. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 13 декабря 2021 года № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов».
11. Указ Президента Республики Казахстан от 23 августа 2007 года № 385 «Об образовании специализированных межрайонных судов по делам несовершеннолетних».
12. Venice Commission. Report on European Standards as regards the Independence of the Judicial System: Part II — the Prosecution Service. CDL-AD(2010)040, 2010.

ПСИХОЛОГИЯ

Особенности конфликтов между воспитателями одной группы в ДОУ: причины и влияние на педагогический процесс

Алентьева Надежда Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Савельева Светлана Станиславовна, кандидат педагогических наук, доцент
Государственный социально-гуманитарный университет (г. Коломна, Московская область)

В данной статье анализируются причины конфликтов между воспитателями, работающими в одной возрастной группе дошкольного образовательного учреждения. В качестве основных факторов конфликта рассматриваются: расхождение педагогических подходов, проблемы в распределении обязанностей, различное восприятие ролей в коллективе, стили общения, а также влияние профессионального выгорания и усталости на межличностные отношения.

Ключевые слова: воспитатели, дошкольное образовательное учреждение, ДОУ, конфликт, эмоциональное выгорание, эмоциональный климат, внутренние конфликты, педагогический процесс, педагогические подходы.

Современные дошкольные образовательные учреждения (ДОУ) стремятся создать оптимальные условия для всестороннего развития детей. Центральную роль в этом процессе играют воспитатели, слаженная командная работа которых является залогом успеха. Однако даже в рамках одной возрастной группы, где воспитатели ежедневно тесно взаимодействуют, могут возникать и развиваться конфликты. Конфликт — понимается как одна из форм взаимодействия людей, в основе которой лежат реальные или иллюзорные противоречия между людьми с попытками их разрешения на фоне проявления эмоций [5, с. 34].

Эти конфликты, будучи специфическими по своей природе, требуют отдельного рассмотрения, поскольку их влияние на педагогический процесс и благополучие детей может быть весьма существенным. В отличие от конфликтов между сотрудниками разных групп или администрацией, конфликты «внутри» одной рабочей пары воспитателей имеют более глубокие корни и оказывают прямое, зачастую негативное, влияние на детей.

Конфликты между воспитателями, работающими в одной группе, как правило, носят комплексный характер и обусловлены целым рядом взаимосвязанных факторов:

- Различия в педагогических подходах и приоритетах: это, пожалуй, одна из самых распространённых причин. Воспитатели могут по-разному представлять себе методы воспитания, дисциплину, развитие определённых навыков у детей. Например, один воспитатель может склоняться к более мягким, поддерживающим методам, в то время как другой предпочитает более структурированный подход с чёткими правилами. [1, с. 83]. Такие расхождения могут вызывать трения, когда необходимо при-

нимать общие решения относительно поведения детей или организации занятий.

- Несогласие в вопросах распределения обязанностей и нагрузки: в рамках одной группы воспитатели часто делят между собой обязанности по подготовке занятий, уходу за детьми, ведению документации. Если такое распределение воспринимается одной из сторон как неравномерное или несправедливое, это может стать источником напряжения и обид. Ощущение того, что один выполняет большую часть работы, а другой больше отдыхает или занимается менее трудоёмкими задачами, часто приводит к конфликтам.

- Различия в восприятии роли и ответственности: иногда воспитатели могут по-разному понимать свою роль в группе. Один из воспитателей в группе, может позиционировать себя как «лидер» или «ведущий», стремясь к повешенному уровню ответственности и полномочиями в принятии решений. Другой же воспитатель, может ощущать себя в роли «помощника-ассистента» в образовательном процессе, или наоборот, проявлять стремление к большей независимости в работе. Расхождение между ожиданиями и самооценки может вызвать недоразумения и привести к конфликтной ситуации.

- Проблемы межличностной коммуникации и стилей поведения: недостаток умения продуктивно общаться, неспособность слушать и понимать собеседника, применение обвинительной интонации, распространение слухов и игнорирование коллеги — все это может раздуть даже мелкие споры до серьёзных конфликтов. Различия в манере общения, например, когда один человек склонен к прямоте и выражению эмоций, а другой предпочитает сдержанность и логичность, способны стать барьером

на пути к взаимопониманию, что может привести к конфликту среди коллег [3, с. 105].

- Усталость и эмоциональное выгорание: интенсивные эмоциональные и физические требования, которые проявляются в работе с детьми, способны провоцировать стресс и снижать способность противостоять неблагоприятным условиям. В таком состоянии даже незначительные разногласия могут легко перерасти в конфликт.

Влияние конфликтов между воспитателями одной группы на педагогический процесс:

Конфликты между воспитателями, работающими в непосредственном контакте с детьми, оказывают многогранное и, как правило, деструктивное влияние на педагогический процесс.

- Негативное влияние на детей: эмоциональная атмосфера, в которой находятся дети в группе, оказывает на них огромное влияние. Напряженные отношения между взрослыми, могут негативно сказаться на детской психике, проявляясь в тревожности, неуверенности и усвоении деструктивных моделей поведения. В результате чего, дети могут демонстрировать агрессию, использовать манипуляции в конфликтах или напротив, становиться замкнутыми и подавленными.

- Снижение эффективности образовательного процесса: когда воспитатели не сходятся во мнениях, это создает путаницу для детей. Образовательный процесс детей становится непоследовательным, занятия неорганизованны по регламенту, а требования противоречивы. В результате нарушается единство образовательной среды, что затрудняет процесс усвоения детьми новых знаний и умений.

- Нарушение эмоционального климата в группе: когда между воспитателями царит напряженность, эмоциональный климат нарушен, это порождает неблагоприятную эмоциональную атмосферу. В результате дети чувствуют себя неуютно, пребывание в ДОО становится некомфортным, снижается интерес к посещению учреждения.

- Снижение мотивации и профессиональной активности воспитателей: разногласия способны порождать подавленность, потерю интереса к деятельности, снижение эффективности труда, а в отдельных случаях — полное истощение эмоциональных ресурсов. Подобное положение дел, в свою очередь, ухудшает результаты их профессиональной деятельности и оказывает отрицательное воздействие на образовательный процесс в целом.

- Ухудшение взаимодействия с родителями: когда у родителей складывается впечатление о конфликтных взаимоотношениях в коллективе детского сада, это может подорвать их уверенность в учреждении. В результате они начинают испытывать беспокойство за благополучие своих детей и выражать недовольство уровнем предоставляемых образовательных и воспитательных услуг.

Способы смягчения и урегулирования конфликтных ситуаций.

Для предотвращения и эффективного разрешения конфликтов между воспитателями одной группы необходимо применять комплексный подход:

- Развитие коммуникативных навыков: регулярное проведение тренингов и семинаров, направленных на развитие навыков активного слушания, эмпатии, конструктивного выражения своих мыслей и чувств. Важно научить воспитателей выражать свои претензии с помощью «Я-сообщений», а не обвинений.

- Установление четких правил взаимодействия: согласованная работа и утверждение обязанностей и распределение задач, процесс коллективного принятия вердиктов, решение спорных моментов. Данные правила должны быть ясны и одобрены каждой стороной.

- Создание системы поддержки и наставничества: поощрение взаимной поддержки и помощи между воспитателями. Наставничество со стороны более опытных коллег или администрации может помочь молодым специалистам адаптироваться и избежать распространенных ошибок.

- Регулярные совместные обсуждения и рефлексия: организация регулярных встреч воспитателей группы для совместной работы над улучшением образовательного процесса, обсуждение сложностей в работе, обмена идеями и анализа результатов. При этом особое внимание уделяется созданию комфортной и безопасной среды для честного и открытого общения.

- Компетентность руководителей: конфликтологическая компетентность руководителя формируется в процессе его профессиональной подготовки и занимает одно из важных мест [2, с. 11]. Можно выделить три основных компонента конфликтологической компетентности руководителя:

- а) Совокупность знаний;
 - б) Навыки;
 - в) Умения.
- (см. рис. 1)

Администрация ДОО играет ключевую роль в предотвращении и разрешении конфликтов. Своевременное вмешательство, объективный анализ ситуации, оказание методической и психологической поддержки воспитателям — всё это способствует созданию благоприятной рабочей атмосферы.

Конфликты между воспитателями одной группы в ДОО — явление, требующее пристального внимания. Их причины разнообразны и часто связаны с особенностями совместной работы, различиями в педагогических взглядах и межличностными особенностями. Влияние таких конфликтов на педагогический процесс, а особенно на детей, может быть весьма разрушительным. Однако при условии целенаправленной работы по развитию коммуникативных навыков, установлению четких правил взаимодействия, созданию системы поддержки и активной роли администрации деструктивное воздействие конфликтов может быть сведено к минимуму, а их потенциал для трансформации в конструктивное взаимодействие — реализован.

Рис. 1. Содержание конфликтологической компетентности руководителя

Литература:

1. Акимова, Ю. Н. Психология управления: учебник и практикум для вузов / Ю. Н. Акимова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 364 с.
2. Емельянов, С. М. Управление конфликтами в организации: учебник и практикум для вузов / С. М. Емельянов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 222 с.
3. Козлов В. В. Социальная психология: учебник для вузов / В. В. Козлов, С. А. Трифонова, Т. М. Панкратова, Л. А. Николаева. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 490 с.
4. Кулаченко, М. П. Психолого-педагогические основы общения: учебное пособие для среднего профессионального образования / М. П. Кулаченко. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 152 с.
5. Чернова, Г. Р. Конфликтология: учебное пособие для вузов / Г. Р. Чернова, М. В. Сергеева, А. А. Беляева. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 200 с.

Работа педагога-психолога с семьей по формированию основ кибербезопасного поведения младших школьников

Амирова Анна Тимуровна, студент магистратуры
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Челябинск)

В статье представлены основные направления деятельности педагога-психолога с семьей в процессе формирования основ кибербезопасного поведения младших школьников. Раскрываются психологические особенности детей, характеризуется диагностическая, просветительская и консультационная работа педагога-психолога.

Ключевые слова: интернет-зависимость, зависимость от социальных сетей, младшие школьники, психическое здоровье, кибербезопасное поведение, педагог-психолог, цифровая социализация.

С момента рождения ребенка, важнейшим фактором развития его социального положения, становится неразрывная связь со взрослым. Младенец полностью за-

висит от взрослого в удовлетворении почти всех своих потребностей — в пище, безопасности, любви и общении [2]. Для приспособления к новому миру ребенку важны

внимание и поддержка. Но бывает так, что взрослый, который идет в ногу с современным миром, проводит много времени в смартфоне или за компьютером, и не уделяет должного внимания ребенку. Вдобавок ко всему, ребенок является наблюдателем, и подсознательно принимает деятельность взрослого, как норму.

Взрослея, ребенок переходит на новую ступень развития — раннее детство. На этом этапе проявляются важнейшие новообразования: появляется речь, ходьба, развивается познавательная деятельность. Но при этом он не перестает жить в окружении зависимых взрослых, которые все также находятся в «общении» со смартфонами и интернетом. У ребенка начинает проявляться самостоятельность, ему все интересно, он активно изучает окружающий его мир, задает много вопросов и за частую взрослый переключает внимание ребенка с помощью телефона, мультфильмов, интерактивных игр. Таким образом взрослый занимает время ребенка, которое не может уделить ему сам. Взрослый и не подозревает, что этими действиями подкрепляет развитие зависимого поведения ребенка.

И вот на этапе дошкольного возраста ребенок впервые пробует себя в новой роли — обучающегося детского сада. Помимо общения, игр со сверстниками, творческих занятий, ребенка постепенно начинают готовить к школьной жизни. С приходом в детский сад, ребенок не перестает взаимодействовать с современным миром технологий, он все также проводит свое свободное время в смартфоне, компьютере и интернете. Чем предвещает появление и развитие интернет-зависимости, то есть навязчивого желания пользоваться всемирной паутиной и болезненную неспособность от нее отключиться [1].

Так как обучение непрерывно на всех этапах развития, то при переходе дошкольника с интернет-зависимостью на начальную ступень обучения, появляется новый вид зависимости — зависимость от социальных сетей. У детей имеются свои страницы, где они выкладывают посты, информацию о своих интересах, общаются.

Однако психологическая готовность младшего школьника к безопасному пребыванию в Сети формируется не автоматически. Решающую роль здесь играет семья, а профессиональным проводником и медиатором между требованиями цифровой среды и возможностями ребенка выступает педагог-психолог.

Стоит помнить, что младший школьный возраст является сензитивным периодом для усвоения правил и норм поведения, в том числе в цифровом пространстве. Именно в этом возрасте взрослый для ребенка является авторитетом, что создает благоприятные условия для целенаправленного формирования основ кибербезопасного поведения. Но, вместе с тем, родители не всегда обладают достаточной психолого-педагогической компетентностью, чтобы самостоятельно выстроить систему воспитания в этой сфере. Тут на помощь приходит педагог-психолог, владеющий методами диагностики, консультирования и просвещения в этой теме, который способен оказать семье поддержку.

Младший школьный возраст несет в себе множество новообразований: формирование саморегуляции, развитие произвольности внимания и критического мышления, которые укрепляются по мере взросления ребенка. То есть, присутствуют риски, что ребенок не сможет распознать манипуляцию и контролировать свои действия в цифровой среде.

Кроме того, потребность ребенка в признании и одобрении со стороны сверстников делает его уязвимым. Импульсивность и недостаточность самоконтроля могут привести к необдуманным последствиям. Но именно, родители, учителя, педагог-психолог могут помочь младшему школьнику избежать проблем и вовремя ввести в жизнь ребенка профилактическую работу по кибербезопасности.

Роль педагога-психолога является фундаментальной. Именно от его работы будет зависеть формирование основ кибербезопасного поведения младших школьников, в работе с семьей.

Работу педагога-психолога можно разделить на несколько этапов.

Первым этапом педагог-психолог проводит диагностику с семьей, которая позволит выявить актуальный уровень осведомленности родителей о рисках цифровой среды, а также особенности внутрисемейного взаимодействия по поводу использования гаджетов ребенком. Диагностика включает в себя анкетирование родителей и ребенка.

Вторым этапом педагог-психолог организует просветительскую работу с родителями. Разрабатывается программа, включающая в себя основные темы: кибербуллинг, фишинг, небезопасные игры, распространение персональных данных. Информация должна быть не только информационной, но и практической направленности. Затем педагог-психолог обучает родителей способам установления семейных правил использования цифровых устройств: режим экранного времени, определение мест, где использование гаджетов запрещено, создание совместного временипрепровождения без использования электронных устройства. Важно научить родителей доверительному диалогу с ребенком, правильно объяснять причины и требования.

Формы просветительской работы могут быть различными: выступления на родительских собраниях, тематические семинары, разработка памяток и информационных стендов, индивидуальное консультирование, с включением мастер-классов.

Помимо работы с родителями важно особое внимание уделять работе с младшими школьниками. Таким образом педагог-психолог может проводить в начальной школе цикл занятий, направленных на формирование основ кибербезопасного поведения, на основе игровых и проектных элементов обучения.

Перспективным направлением работы педагога-психолога является интеграция учителей начальных классов в процесс формирования основ кибербезопасного поведения младших школьников.

Таким образом формирование основ кибербезопасного поведения — это длительный процесс, требующий участие значимых взрослых и учета возрастных особенностей детей. Педагог-психолог занимает в этом процессе уникальную позицию: занимается просветительской работой с родителями и детьми, владеет методами диагностики семейной ситуации, способен оказать индивидуальную под-

держку семьи, и самое главное, обеспечивает связь между школой и семьей. Ключевыми условиями успешной работы являются доверительный тон взаимодействия с родителями, ориентация на совместное с семьей решение задач, и становление полноценными партнерами педагога-психолога в формировании у ребенка культуры безопасного и ответственного поведения в цифровом мире.

Литература:

1. Мишакова, Г. А. Вовлеченность детей младшего школьного возраста в социальные сети [Текст] / Г. А. Мишакова // Вестник Самарской гуманитарной академии. — 2017. — № 2. — С. 80–90.
2. Першина, Л. А. Возрастная психология [Текст]: учебное пособие для вузов / Людмила Першина. — 2-е изд. — Москва: Академический проект, 2020. — 255 с.
3. Федина, Л. В. Психолого-педагогическое сопровождение начального образования [Текст]: учебник для вузов / Л. В. Федина. — 3-е изд. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 128 с.
4. Социальные сети как востребованный ресурс гражданского общества и коммуникативный инструмент в цифровой образовательной среде [Текст] / В. В. Бурак, О. А. Габриелян, И. В. Кравченко, И. Э. Сулейменов, О. В. Шлыкова // Вестник МГУКИ. — 2017. — № 5. — С. 95–103.

Влияние социальной изоляции в классном коллективе на подростков в процессе групповой интеграции

Беганцова Ирина Серафимовна, кандидат психологических наук, доцент;
Синицына Юлия Александровна, студент магистратуры

Арзамасский филиал Нижегородского государственного научно-исследовательского университета имени Н. И. Лобачевского (Нижегородская область)

В статье рассматривается проблема социальной изоляции подростков в классном коллективе, её влияние на групповую интеграцию и психологическое благополучие учащихся. Раскрываются возможные последствия изоляции, обосновывается необходимость комплексной диагностики, представлены направления преодоления социальной изоляции.

Ключевые слова: социальная изоляция, подростки, классный коллектив, групповая интеграция, психологическая поддержка.

Подростковый возраст — период активного формирования самосознания, системы ценностей и навыков межличностного взаимодействия. Особое значение в это время приобретают отношения со сверстниками: принадлежность к группе помогает подростку получать социальную поддержку, осваивать нормы общения и формировать представление о собственном месте среди окружающих. Классный коллектив выступает одной из основных сред, в которых происходит групповая интеграция — включение подростка в систему совместной деятельности, общения и отношений.

Однако этот процесс не всегда складывается благополучно. Формальное присутствие подростка в классе ещё не означает его принятия сверстниками и полноценного участия в групповой жизни. Ряд фактор может приводить к неблагоприятным условиям и, как следствие, к социальной изоляции подростка. Актуальность темы определяется необходимостью создания психологически безопасной и поддерживающей школьной среды. Поэтому

педагогам и школьным психологам важно своевременно выявлять не только открытые конфликты и травлю, но и менее заметные формы исключения из общения.

Социальная изоляция подростка — это состояние ограниченности значимых социальных связей и недостаточной включённости в общение и совместную деятельность со сверстниками. В классном коллективе она выражается в отсутствии устойчивых дружеских контактов, затруднённом участии в групповой жизни и недостатке поддержки со стороны одноклассников. Это не просто одиночество, а переживание отчуждённости, невозможности «вписаться» в группу.

Социальная изоляция обычно возникает под влиянием совокупности индивидуальных, семейных и групповых факторов.

1. Индивидуально-психологические факторы

Затруднять установление контактов могут повышенная тревожность, страх негативной оценки, неуверенность в себе, недостаточно развитые навыки общения и труд-

ности эмоциональной саморегуляции. Предыдущий опыт отвержения также способен усиливать настороженность и побуждать подростка избегать новых контактов.

2. Особенности отношений в классе

- устойчивое разделение класса на закрытые микрогруппы;
- непринятие индивидуальных и культурных различий;
- распространение негативных стереотипов и навешивание ярлыков;
- игнорирование, травля (буллинг) и демонстративное исключение из совместных дел;
- поддержка исключаящего поведения влиятельными участниками группы.

3. Семейные факторы

Недостаток эмоциональной поддержки, длительные конфликты в семье, чрезмерный контроль или ограничение самостоятельности могут затруднять приобретение опыта общения. Значение также имеют частые

переезды и смена школы, нарушающие уже сложившиеся связи.

4. Условия образовательной среды

Риск изоляции повышается, если педагоги не замечают скрытых форм исключения, публично сравнивают учеников, закрепляют за ними негативные роли или не создают условий для сотрудничества. Особенно уязвимым может быть период перехода в новый класс, когда отношения и групповые позиции ещё формируются.

5. Особенности цифрового общения

Исключение из классных чатов, игнорирование сообщений, распространение унижительного контента и кибербуллинг способны продолжать и усиливать изоляцию за пределами школы. Вместе с тем онлайн-общение может быть источником поддержки, поэтому само по себе использование цифровых платформ нельзя считать причиной изоляции.

Типичные проявления социальной изоляции в классном коллективе у подростков представлены в таблице 1.

Таблица 1. Проявления социальной изоляции

Сфера	Возможные проявления
Межличностные отношения	Отсутствие взаимных дружеских связей, редкие обращения сверстников, исключение из неформальных встреч и общих обсуждений
Участие в жизни класса	Подростка не выбирают в пару или команду, не приглашают к совместным делам, не учитывают его мнение
Поведение	Пребывание в одиночестве на переменах, избегание групповых заданий, сокращение инициативы в общении либо настойчивые попытки привлечь внимание
Эмоциональное состояние	Чувство одиночества, обида, тревога, стыд, раздражительность, переживание собственной ненужности, агрессия
Отношение к себе и окружающим	Снижение самооценки, ожидание отвержения, недоверие, убеждение, что сверстники настроены враждебно, уход в виртуальный мир, самоповреждение.
Учебная деятельность	Снижение вовлечённости, нежелание посещать школу, трудности совместной работы; при этом успеваемость может оставаться высокой

Таким образом, социальная изоляция неизбежно затрудняет процесс групповой интеграции классного коллектива, ограничивая возможности общения, сотрудничества и получения поддержки.

Во-первых, нарушается формирование чувства принадлежности к коллективу.

Во-вторых, ограничивается освоение навыков взаимодействия. Совместная деятельность позволяет учиться договариваться, распределять обязанности, выражать своё мнение и разрешать конфликты. Недостаток такого опыта может затруднять дальнейшее включение подростка в коллектив.

В-третьих, может закрепляться неблагоприятное положение в системе межличностных отношений. Если одноклассники привыкают не учитывать мнение определённого ученика и не включать его в общие дела, подобная модель взаимодействия становится устойчивой. Попытки подростка изменить свою позицию могут оставаться незамеченными или встречать сопротивление группы.

В-четвёртых, возможно снижение вовлечённости в учебную и внеучебную деятельность. Ожидание отказа или насмешки способно побуждать подростка избегать групповых заданий, публичных выступлений и коллективных мероприятий. Внешне такое поведение иногда воспринимается как безразличие, хотя за ним может стоять потребность защититься от повторного отвержения.

Следовательно, социальная изоляция затрагивает одновременно положение подростка в коллективе, его эмоциональное состояние и возможности личностного развития. Её профилактика требует не принуждения к общению, а создания безопасных условий для участия в жизни класса: пресечения исключаящего поведения, организации сотрудничества и обеспечения доступной психологической поддержки.

Для своевременного выявления учащихся, испытывающих трудности включения в классный коллектив, определения причин этих трудностей и выбора адресной поддержки необходима диагностика социальной изоляции.

Для диагностики целесообразно сочетать несколько методов: Социометрию Дж. Морено, Методику «Карта наблюдений» Д. Стотта, Шкалу субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона, а также наблюдение и индивидуальные беседы.

Помощь в преодолении социальной изоляции должна быть направлена как на поддержку ученика, так и на изменение отношений в классе. Целесообразны индивидуальные занятия с психологом: работа с тревогой и самооценкой, отработка способов начать разговор, обратиться за помощью или выразить несогласие; постепенное включение в сотрудничество: сначала выполнение посильного задания в паре с доброжелательным одноклассником, затем участие в небольшой группе; работа с классом: обсуждение правил уважительного общения, совместные

задания, требующие сотрудничества, пресечение насмешек и исключения, психологические тренинги (при выявлении травли необходимы специальные меры защиты, а не только упражнения на сплочение); взаимодействие с педагогами и семьёй.

Изучение влияния социальной изоляции на подростков в процессе групповой интеграции имеет как теоретическую, так и практическую значимость. Оно позволяет уточнить механизмы включения подростка в классный коллектив, определить факторы риска и условия социальной поддержки. Полученные знания могут стать основой для разработки профилактических и коррекционных мер, направленных на укрепление межличностных связей, развитие навыков сотрудничества и обеспечение равных возможностей участия каждого подростка в жизни класса.

Литература:

1. Андреева Г. М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений. — 5-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2004. — 365 с.
2. Божович Л. И. Личность и её формирование в детском возрасте. — М.: Просвещение, 1968. — 464 с.
3. Коломинский Я. Л. Психология взаимоотношений в малых группах: общие и возрастные особенности. — 2-е изд., доп. — Минск: ТетраСистемс, 2000. — 432 с.
4. Кон И. С. Психология ранней юности: книга для учителя. — М.: Просвещение, 1989. — 255 с.
5. Прихожан А. М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. — М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 2000. — 304 с.
6. Реан А. А., Коломинский Я. Л. Социальная педагогическая психология. — СПб.: Питер, 1999. — 416 с.

Влияние профессионального стресса на психическое здоровье учителей общеобразовательной школы: эмпирическое исследование

Здоровенко Светлана Ивановна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи профессионального стресса и отдельных аспектов психического здоровья педагогов общеобразовательной школы. На выборке 42 сотрудников образовательной организации (возраст от 23 до 56 лет) с помощью комплекса психодиагностических методик (шкала Спилберга — Ханина, методика В. В. Бойко в модификации Е. Ильина, опросник В. Каппони и Т. Новака, методика «Колесо жизненного баланса» П. Дж. Майера) выявлена высокая распространённость эмоционального выгорания (50 %) и тревожности (ситуативной — 90,5 %, личностной — 78,6 %). Корреляционный анализ по Спирмену установил сильную прямую связь выгорания с редукцией профессиональных обязанностей ($r = 0,813$; $p < 0,001$) и умеренную связь ситуативной и личностной тревожности ($r = 0,395$; $p = 0,010$); значимой связи личностной тревожности с редукцией профессиональных обязанностей не выявлено ($r = -0,109$; $p = 0,494$). Показано, что выраженность выгорания не зависит от педагогического стажа: ключевым фактором выступает интенсивность актуальных стрессовых нагрузок и дефицит ресурсов совладания. Апробирована краткосрочная интервенция (тренинг с элементами нейрографики и дыхательных техник), продемонстрировавшая снижение острого напряжения. Результаты могут применяться при построении программ психологической поддержки педагогов.

Ключевые слова: профессиональный стресс, психическое здоровье, эмоциональное выгорание, тревожность, педагоги, редукция профессиональных обязанностей, нейрографика, корреляционный анализ.

Введение

Педагогическая работа связана с высокой психической нагрузкой. Интенсивное эмоциональное взаимодействие

с учащимися, высокая социальная ответственность и постоянно растущие организационные требования истощают психоэмоциональные ресурсы учителей [5]. Современные данные показывают, что от 25 до 55 % российских

педагогов испытывают те или иные формы эмоционального выгорания [1, 2]. Уровень тревожности в этой профессиональной группе существенно превышает популяционные значения.

В австралийском исследовании школьных педагогов 52 % респондентов сообщили о симптомах депрессии умеренной или тяжёлой степени. В общей популяции этот показатель составил 12,1 %; повышенную тревожность отметили 46,2 % опрошенных [3]. Международный мониторинг TALIS (OECD, 2024) фиксирует рост профессионального стресса учителей в странах ОЭСР, прежде всего из-за чрезмерной рабочей нагрузки и административных требований [4].

Клиническую значимость проблемы подтверждает Международная классификация болезней (МКБ-10), где профессиональный стресс выделен в отдельную рубрику, а синдром эмоционального выгорания отнесен к категории Z73.0 («переутомление»). При этом механизмы взаимосвязи стресса с показателями психического здоровья педагогов в конкретной образовательной организации изучены недостаточно [6], что определило замысел настоящего исследования.

Цель исследования — выявить характер и степень влияния профессионального стресса на показатели психического здоровья педагогов общеобразовательной школы и разработать прикладные рекомендации по его профилактике.

В исследовании проверяются три гипотезы, согласно которым высокие психоэмоциональные нагрузки негативно влияют на психическое здоровье педагогов, уровни эмоционального выгорания, тревожности и неудовлетворённости жизнью статистически значимо взаимосвязаны, а психоэмоциональное состояние коррелирует с продолжительностью педагогического стажа.

Методы и организация исследования

Исследование проведено на базе МБОУ СОШ № 10 им. А. С. Пушкина (станция Медвёдовская, Тимашевский район, Краснодарский край). Выборку составили 42 сотрудника в возрасте от 23 до 56 лет, включая педагогический и административный состав.

Применён комплекс методов: теоретический анализ литературы; эмпирические методы (опрос, тестирование); количественный и качественный анализ данных с корреляционным анализом по Спирмену.

Диагностический инструментарий:

— методика диагностики самооценки тревожности Ч. Д. Спилбергера — Ю. Л. Ханина (шкалы реактивной и личностной тревожности; интерпретация: до 30 баллов — низкая, 31–44 — умеренная, 45 и более — высокая) [7; 8];

— методика диагностики эмоционального выгорания В. В. Бойко (в модификации Е. Ильина) [9; 10];

— опросник «Экспресс-оценка выгорания» В. Каппони и Т. Новака (шкала 0–10 баллов) [11];

— методика «Колесо жизненного баланса» П. Дж. Майера [12], использованная одновременно как диагностический и терапевтический инструмент: в условиях про-

лонгированного стресса человек утрачивает способность объективно оценивать интенсивность своего напряжения, и визуальная методика запускает глубокую саморефлексию.

Методика «Колесо жизненного баланса» применялась в ходе психологического тренинга, проведённого в рамках производственной практики, и была положена в основу упражнения по нейрографике.

Результаты

По методике В. В. Бойко [9] сформированное эмоциональное выгорание выявлено у 50 % респондентов (21 из 42). Начальная стадия отмечена у 21,4 % (9 человек), признаки выгорания отсутствуют у 28,6 % (12 человек).

Наиболее выражены редукция профессиональных обязанностей и эмоциональная отстранённость. Симптом редукции профессиональных обязанностей уже сформировался у 30 педагогов, у 37 педагогов складывается либо сформировался симптом эмоциональной отстранённости. С учётом начальной стадии выгорание затрагивает более 70 % коллектива. Прежде всего оно проявляется снижением вовлеченности и ослаблением эмпатического потенциала, качеств, которые непосредственно определяют качество образовательного процесса.

Опросник «Экспресс-оценка выгорания» [11] выявил высокие баллы, от 7 до 8, у 6 педагогов. Такие результаты указывают на необходимость индивидуальных программ восстановления.

Тревожность. По шкале Спилбергера — Ханина высокий уровень ситуативной тревожности выявлен у 90,5 % участников (38 человек), личностной — у 78,6 % (33 человека). Низкий уровень тревожности не зафиксирован ни у одного респондента. Умеренная ситуативная тревожность отмечена у 4 человек, умеренная личностная — у 9. Такое распределение указывает, что тревожность присуща профессиональной среде в целом, где заметное место занимают перфекционизм и страх оценки.

Жизненный баланс. «Колесо жизненного баланса» выявило критически низкие показатели в сферах отдыха, хобби и свободного времени. Педагоги-женщины особенно остро ощущают дефицит личного времени, поскольку конфликт профессиональных и семейных ролей вызывает у них чувство вины и внутреннее напряжение. Недостаточно развитый навык саморефлексии создаёт дополнительный риск. Ранние признаки истощения остаются незамеченными, и стресс переходит в хроническую форму.

Корреляционный анализ. Результаты представлены в таблице 1.

Сильная прямая связь выгорания с редукцией профессиональных обязанностей (критическое значение r при $\alpha = 0,05$ –0,304; $t = 8,816$, $df = 40$) указывает на то, что редукция выступает центральным компонентом синдрома [14]. Умеренная связь ситуативной и личностной тревожности согласуется с предположением о взаимном усилении ситуативных стрессоров и устойчивых личностных установок. Отсутствие значимой связи личностной тре-

Таблица 1. Корреляционные взаимосвязи исследуемых показателей (коэффициент Спирмена, $n = 42$)

Пара показателей	ρ	p	Направление	Сила связи
Выгорание — редукция профессиональных обязанностей	0,813	< 0,001	прямая	высокая
Ситуативная тревожность — личностная тревожность	0,395	0,010	прямая	умеренная
Личностная тревожность — редукция профессиональных обязанностей	-0,109	0,494	обратная	связь не выявлена

возможности с редукцией профессиональных обязанностей не позволяет считать тревожность единственным предиктором выгорания. На его развитие также влияют средовые и организационные факторы.

Данные о стаже не выявили однозначной зависимости между продолжительностью педагогической работы и выраженностью выгорания. Психоэмоциональное состояние в большей степени определяется интенсивностью актуальных стрессовых нагрузок и доступностью ресурсов совладания. При высокой нагрузке и слабой поддержке выгорают и молодые специалисты. Этот результат уточняет исходную гипотезу и согласуется с данными других отечественных исследований, в которых прямой связи стажа с выгоранием также не обнаружили [13].

Проведённый тренинг включал элементы нейрографики, дыхательные техники («дыхание по квадрату» 4×4, пранаяму) и работу с «Колесом жизненного баланса». Он помог снизить острое напряжение и улучшить эмоциональный фон участников. Педагоги особенно позитивно оценили практическую часть с нейрографикой, поскольку она не требует художественных навыков и даёт быстрый видимый результат. Одного занятия недостаточно для устойчивого эффекта. Для него нужна регулярная системная психологическая поддержка.

Обсуждение

Полученные данные согласуются с современными эмпирическими исследованиями. Зарубежные работы и метаанализы фиксируют корреляции выгорания с тревожностью ($r = 0,46$) и депрессией ($r = 0,52$) [15, 16]. В нашей выборке эту закономерность отражает прежде всего тесная связь выгорания с редукцией профессиональных обязанностей, одним из компонентов классической трехфакторной модели К. Маслач и С. Джексона [14]. Выгорание рассматривают как самостоятельный конструкт, который нельзя свести к тревожности или депрессии [20].

Литература:

1. Луковцева З. В. Эмоциональное выгорание учителей общеобразовательных школ: распространённость и факторы риска. — 2025.
2. Учителя назвали причины профессионального выгорания (данные РАО) // Учительская газета. — 2024. — URL: <https://ug.ru> (дата обращения: 20.10.2026).
3. Black Dog Institute. Mental health and wellbeing of Australian school teachers: research report. — Sydney, 2023. — URL: <https://www.blackdoginstitute.org.au> (дата обращения: 20.10.2026).

В педагогическом коллективе тревожность широко распространена, и низких значений не выявили ни у одного участника, что указывает на средовой характер феномена. При такой интерпретации профилактика должна прежде всего охватывать организационные условия, включая нагрузку, отчетность, климат и поддержку. Коррекция отдельных педагогов отходит на второй план [17].

Стаж не связан с выгоранием, поэтому текущий уровень нагрузки должен определять адресность поддержки независимо от принадлежности педагогов к стажерским группам. С помощью «Колеса жизненного баланса» выявили дефицит сфер отдыха и свободного времени. Этот результат согласуется с концепцией конфликта «работа-семья» как медиатора связи стресса и выгорания, описанной в литературе [18, 19].

Выводы

В обследованном педагогическом коллективе эмоциональное выгорание широко распространено. Сформированная стадия выявлена у 50 % педагогов, начальная — еще у 21,4 %. Прежде всего выгорание проявляется в редукции профессиональных обязанностей и эмоциональной отстраненности. Высокие показатели ситуативной (90,5 %) и личностной (78,6 %) тревожности отражают особенности профессиональной среды коллектива в целом.

Среди изученных факторов выгорание прежде всего предсказывает редукция профессиональных обязанностей ($\rho = 0,813$; $p < 0,001$). Стаж работы ведущим предиктором не выступает. Ситуативная и личностная тревожность взаимно усиливаются ($\rho = 0,395$; $p = 0,010$), поэтому профилактическая работа должна охватывать средовые стрессоры и личностные установки. Профилактика эффективна при сочетании психообразовательных методов, телесно-ориентированных практик с дыхательными техниками и арт-терапевтических методов с нейрографикой. Поддержка должна быть регулярной и системной.

4. OECD. The State of Teaching: Results from TALIS 2024. — Paris: OECD Publishing, 2025. — URL: <https://www.oecd.org> (дата обращения: 20.10.2026).
5. Никифоров Г. С. Психология здоровья: учебник для вузов / под ред. Г. С. Никифорова. — СПб.: Питер, 2006. — 607 с.
6. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс / под ред. Л. Леви. — Л.: Медицина, 1970. — С. 178–208.
7. Ханин Ю. Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера. — Л.: НИИ физической культуры, 1976. — 18 с.
8. Spielberger C. D. Manual for the State-Trait Anxiety Inventory (STAI, Form Y). — Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press, 1983.
9. Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. — М.: Филинь, 1996. — 470 с.
10. Ильин Е. П. Психология общения и межличностных отношений. — СПб.: Питер, 2009. — 576 с.
11. Каппони В., Новак Т. Сам себе авторитет. — СПб.: Питер, 1995. — 160 с.
12. Галимов А. М., Самойлова Е. А. О практике применения методики «Колесо жизненного баланса» в работе практического психолога. — Чайковский, 2020. — С. 121–126.
13. Шац И. К. Анализ общих и специфических причин профессионального стресса у педагогов // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. — 2014. — Т. 5, № 3. — С. 40–50.
14. Maslach C., Jackson S. E., Leiter M. P. Maslach Burnout Inventory Manual. — 3rd ed. — Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press, 1996. — 52 с.
15. Koutsimani P., Montgomery A., Georganta E. The relationship between burnout, depression, and anxiety: a systematic review and meta-analysis // Frontiers in Psychology. — 2019. — Vol. 10. — Art. 284. — P. 1–23.
16. Maslach C., Leiter M. P. Understanding the burnout experience: recent research and its implications for psychiatry // World Psychiatry. — 2016. — Vol. 15, № 2. — P. 103–111.
17. Cox T., Mackay C. A transactional approach to occupational stress // Stress, Work Design and Productivity / ed. by E. N. Corlett, J. Richardson. — Chichester: Wiley, 1981. — P. 91–113.
18. Hobfoll S. E., Shirom A. Conservation of resources theory: applications to occupational stress // Occupational Stress: A Handbook. — Philadelphia: Taylor & Francis, 2000. — P. 57–81.
19. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. — 2-е изд. — СПб.: Питер, 2008. — 336 с.
20. Schaufeli W. B., Van Dierendonck D. The construct validity of two burnout measures // Journal of Organizational Behavior. — 1993. — Vol. 14, № 6. — P. 631–647.

Теоретический анализ роли жизнестойкости и мотивации в профессиональной самореализации психологов-консультантов

Ленгард Ирина Петровна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье представлен критический теоретический обзор психологических факторов, обеспечивающих успешную профессиональную самореализацию психологов-консультантов в условиях высокой социально-экономической неопределенности. Автором проанализированы специфические для данной профессиональной группы барьеры, препятствующие раскрытию потенциала. На основе полисистемного подхода обосновывается положение о том, что психологическая жизнестойкость и внутренняя мотивация достижения формируют единый ресурсный комплекс, который выступает ключевым предиктором субъективного благополучия специалиста, защищая его от профессиональных деформаций и способствуя гармоничному развитию в профессии (самореализации).

Ключевые слова: профессиональная самореализация, психолог-консультант, психологическая жизнестойкость, мотивация достижения.

Введение

Современный этап развития общества характеризуется высоким уровнем изменчивости, непредсказуемости и информационной перегрузки. Трансформация социаль-

но-экономической среды, описываемая исследователями через концепцию турбулентного VANI-мира, предъявляет принципиально новые требования к адапционным механизмам человека. Особую категорию в данном контексте составляют психологи-консультанты. Переход

значительной части специалистов из найма в сферу независимой частной практики и фриланса лишает их традиционных организационных опор [3]. В ситуации, когда внешние гарантии стабильности нивелируются по не зависящим от них причинам, а профессиональные кризисы становятся перманентными в силу специфики деятельности [8], единственным надежным фундаментом для сохранения эффективности становится опора на внутриличностный потенциал. Целью данной статьи является теоретическая систематизация подходов к пониманию роли жизнестойкости и мотивации достижения как ключевых факторов успешной профессиональной самореализации психологов-консультантов.

Специфика профессиональной самореализации психолога-консультанта

Для понимания механизмов профессионального развития психологов-консультантов необходимо обратиться к фундаментальному определению базовых категорий. В академической науке самореализация трактуется как процесс перевода потенциальных возможностей личности в актуальную форму посредством социально значимой деятельности [1]. Однако в контексте психологического консультирования этот процесс приобретает уникальную специфику.

Как отмечает Р. Кочюнас, в психотерапии и консультировании главным инструментом воздействия выступает сама личность специалиста [4]. А эффективность непосредственно терапевтического альянса определяется не столько арсеналом применяемых специалистом методик, сколько конгруэнтностью, эмпатией и личностной зрелостью консультанта, следствием чего становится особая уязвимость процесса его самореализации: любые неудачи в работе с клиентами склонны восприниматься специалистом как тотальное крушение собственной идентичности. [12].

Данная специфика порождает необходимость разделения критериев успешности на объективные и субъективные, что было фундаментально обосновано в трудах Л. А. Коростылевой [9]. Объективные маркеры не всегда отражают истинную картину благополучия. Современные исследования доказывают, что для специалистов помогающих профессий именно субъективная удовлетворенность трудом, ощущение осмысленности своей деятельности выступают истинными индикаторами профессиональной самореализации [15].

На пути профессиональной самореализации психолог-консультант сталкивается с рядом специфических барьеров. Для специалистов, работающих в корпоративном сегменте, характерен острый конфликт между гуманистическими ценностями профессии и прагматичными бизнес-целями организаций [14]. А независимые психологи-консультанты в процессе построения частной практики неизбежно сталкиваются с ролевым диссонансом альтруистической идентичности «помощника» и жесткой

идентичности «предпринимателя», вынужденного продавать свои услуги на высококонкурентном рынке психологических услуг.

В случае неспособности преодолеть данные препятствия закономерным следствием становится синдром эмоционального выгорания. В. Е. Орел определяет его как глубокую системную деформацию личности, затрагивающую ценностно-смысловую сферу [6]. Выгорание, проявляющееся в эмоциональном истощении, деперсонализации и игнорировании своих профессиональных достижений, выступает главным антагонистом самореализации и полностью блокирует способность специалиста к эмпатии и творческому осмыслению клиентских случаев [10].

Жизнестойкость и мотивация как ресурсный комплекс

Поскольку внешние стрессоры в процессе самореализации психолога-консультанта носят объективный и неустранимый характер, то ее успешность всецело зависит от качества внутренних компенсаторных механизмов личности специалиста. Наиболее полно описать взаимодействие этих механизмов позволяет полисистемная концепция самореализации личности С. И. Кудинова, в которой данный феномен описан как сложная совокупность мотивационных, ценностно-смысловых, инструментальных и эмоционально-волевых компонентов [13]. Опираясь на данную модель, мы можем выделить два важных фактора, формирующих защитно-развивающий каркас психики специалиста: жизнестойкость и мотивацию достижения.

Мотивация достижения выступает вектором профессионального развития психолога-консультанта. Согласно структурно-динамической теории Т. О. Гордеевой, внутренняя мотивация, базирующаяся на искреннем интересе к познанию человеческой психики и стремлении к мастерству, коррелирует с психологическим благополучием специалиста [2]. И, наоборот, внешняя мотивация или мотивация избегания неудач (по А. А. Реану) формирует дезадаптивные паттерны поведения, проявляющиеся в прокрастинации, выборе неоправданно легких задач или, наоборот, нереалистично сложных, что в итоге приводит к стагнации профессионального развития. [7].

Вектор, заданный мотивацией, нуждается в прочном фундаменте, роль которого выполняет жизнестойкость. В концепции С. Мадди и Д. А. Леонтьева данный концепт рассматривается как система убеждений о себе и мире, включающий три базовые установки: вовлеченность, контроль и принятие риска [5].

В контексте деятельности психолога-консультанта эти компоненты приобретают специфическое значение. Вовлеченность позволяет специалисту находить глубокий смысл в терапевтическом процессе даже при работе с тяжелыми травмами, что является защитой психики профессионала против деперсонализации [11]. Контроль обеспечивает сохранение субъектной позиции, в которой

психолог уверен, что способен влиять на результаты своего труда, несмотря на непредсказуемость реакций клиента или нестабильность рынка психологических услуг. А принятие риска, в свою очередь, трансформирует отношение психолога-консультанта к своим профессиональным неудачам. Они воспринимаются не как катастрофа, а как ценный опыт, необходимый для развития.

Современные зарубежные исследователи, в частности, R. K. Pradhan, убедительно доказывают, что жизнестой-

кость выполняет функцию психологического амортизатора, снижая вероятность эмоционального истощения и выступая генератором внутренней витальности. Благодаря этому механизму действия, она снижет зависимость специалиста от внешних материалистических стимулов [16].

Для наглядной систематизации описанных в статье механизмов преодоления препятствий профессиональной самореализации нами была разработана аналитическая матрица (Таблица 1).

Таблица 1. Матрица профессиональных рисков и компенсирующих психологических ресурсов в процессе самореализации психолога-консультанта

Специфический профессиональный риск / Барьер самореализации	Компенсирующий психологический ресурс
Интенсивный эмоциональный труд, риск развития деперсонализации и цинизма	Жизнестойкость (компонент «Вовлеченность»), экзистенциальная наполненность
Высокая неопределенность доходов частной практики, нестабильность потока клиентов	Жизнестойкость (компонент «Принятие риска»), толерантность к неопределенности
Синдром самозванца, перфекционизм и страх негативной экспертной оценки	Внутренняя мотивация достижения успеха
Ролевой конфликт (помогающий специалист vs предприниматель), давление конкурентной бизнес-среды	Жизнестойкость (компонент «Контроль»)

Заключение

Проведенный теоретический анализ позволяет сделать вывод о том, что в современных условиях успешная профессиональная самореализация психолога-консультанта не может опираться исключительно на внешние факторы, а главным условием долгосрочной продуктивности и психологического здоровья специалиста выступает осознанное управление внутриличностными ресурсами — жизнестойкостью и внутренней мотивацией достижения.

Вместе с тем, анализ научной литературы показывает, что, несмотря на глубокую изученность феномена эмоционального выгорания в помогающих профессиях, специфика сочетанного влияния жизнестойкости и мотивации достижения на успешность самореализации психологов-консультантов в условиях цифровой экономики и нестабильности BANI-мира остается недостаточно изученной. Это открывает перспективы для проведения дальнейших эмпирических исследований, результаты которых могут лечь в основу разработки целевых программ психологического сопровождения и супервизии специалистов.

Литература:

1. Мещеряков, Б. Г. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. — 4-е изд., расшир. — М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак, 2009. — 811 с.
2. Гордеева, Т. О. Психология мотивации достижения: учебное пособие / Т. О. Гордеева. — М.: Смысл, 2015. — 334 с.
3. Зеер, Э. Ф. Психология профессий: Учебное пособие для студентов вузов / Э. Ф. Зеер. — М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2008. — 336 с.
4. Кочюнас, Р. Основы психологического консультирования / Р. Кочюнас. — М.: Академический проект, 1999. — 240 с.
5. Леонтьев, Д. А. Тест жизнестойкости / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. — М.: Смысл, 2006. — 63 с.
6. Орел, В. Е. Синдром психического выгорания личности / В. Е. Орел. — М.: Институт психологии РАН, 2005. — 330 с.
7. Реан, А. А. Психология личности / А. А. Реан. — СПб.: Питер, 2016. — 512 с.
8. Галажинский, Э. В. Системная детерминация самореализации личности: дис.... д-ра психол. наук: 19.00.01 / Галажинский Эдуард Владимирович. — Томск, 2002. — 320 с.
9. Коростылева, Л. А. Психология самореализации личности: основные сферы жизнедеятельности: дис.... д-ра психол. наук: 19.00.01 / Коростылева Людмила Алексеевна. — Санкт-Петербург, 2001. — 398 с.
10. Быкова, М. С. Особенности профессионального выгорания психологов-консультантов с различными особенностями личности и разным стажем / М. С. Быкова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2022. — № 4. — С. 193–208.

11. Кисляков, П. А. Взаимосвязь профессиональной жизнестойкости психолога с факторами обеспечения его психологической безопасности / П. А. Кисляков, Е. А. Шмелева, О. А. Силаева, А. Л. С. Меерсон // Russian Journal of Education and Psychology. — 2024. — Т. 15, № 2. — С. 217–242.
12. Кораблина, Е. П. Своеобразие подготовки современных психологов-консультантов / Е. П. Кораблина, М. А. Коргожа // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2018. — № 187. — С. 69–76.
13. Кудинов, С. И. Полисистемный подход исследования самореализации личности / С. И. Кудинов // Сибирский педагогический журнал. — 2007. — № 11. — С. 337–346.
14. Манухина, Н. М. Анализ современных психологических подходов и технологий работы психолога-консультанта в организации / Н. М. Манухина, С. Ю. Манухина // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». — 2018. — № 3 (13). — С. 85–102.
15. Могилевкин, Е. А. Карьерная самореализация специалистов помогающих профессий: баланс объективных и субъективных критериев / Е. А. Могилевкин // Организационная психология. — 2025. — Т. 15, № 2. — С. 112–125.
16. Pradhan, R. K., Anand, P., Jandu, K. [et al.] Unveiling the royal road to happiness: the predictive role of psychological hardness, mediated by vitality and materialistic values // International Journal of Adolescence and Youth. — 2024. — Vol. 29, № 1. — Article 2387067. — DOI: 10.1080/02673843.2024.2387067.

Осознание ранних дезадаптивных схем и эмоциональные изменения в процессе психологического консультирования

Лисовая Ирина Валерьевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Рассматривается различие между когнитивным осознанием ранних дезадаптивных схем и изменением связанных с ними эмоциональных реакций. На основе теоретического сопоставления схемотерапии и EMDR выделяются разные уровни терапевтической динамики: понимание повторяющегося паттерна, изменение реакции на эмоционально значимое воспоминание и устойчивое изменение схемных проявлений в повседневных ситуациях. Предлагаются ориентиры для последующего изучения динамики схем в условиях интегративного консультирования взрослых.

Ключевые слова: ранние дезадаптивные схемы, схемотерапия, EMDR, эмоциональная переработка, психологическое консультирование, динамика изменений.

Введение

В психологическом консультировании встречается ситуация, когда человек способен подробно объяснить происхождение своей реакции, но в сходных обстоятельствах вновь испытывает интенсивную тревогу, стыд или страх отвержения. Например, клиент понимает, что задержка ответа близкого человека не означает разрыва отношений, но продолжает переживать её как угрозу оставления. Это расхождение между пониманием и эмоциональной реакцией представляет теоретический и практический интерес.

В концепции Дж. Янга ранние дезадаптивные схемы (РДС) рассматриваются как устойчивые паттерны, объединяющие воспоминания, эмоции, когниции и телесные ощущения, относящиеся к представлениям о себе и отношениях с другими [1]. Если схема многокомпонентна, её интеллектуальное распознавание не обязательно означает одновременное изменение всех компонентов. Вопрос особенно актуален для интегративной практики, в ко-

торой могут сочетаться когнитивные, эмоционально-образные и ориентированные на переработку воспоминаний методы.

Цель статьи — теоретически разграничить осознание РДС, изменение эмоционального отклика и более устойчивую динамику схемных проявлений, сопоставив возможности концептуализации этих процессов в схемотерапии и EMDR. Статья представляет аналитическое рассмотрение опубликованной литературы; собственные эмпирические результаты в ней не заявляются.

Основная часть

РДС отличаются от отдельных автоматических мыслей широтой и устойчивостью. Они могут активироваться в различных межличностных ситуациях, сопровождаясь привычными интерпретациями и способами совладания. В схемотерапии описываются, в частности, капитуляция перед схемой, избегание и гиперкомпенсация [1]. Поэтому изменение вербального убеждения («я понимаю, что меня

не отвергают») ещё не позволяет сделать вывод об изменении эмоционального ожидания или поведения.

Систематические обзоры свидетельствуют о связи РДС с различными психологическими трудностями и психическими расстройствами, но характер этих связей зависит от исследуемой популяции, измерительных инструментов и изучаемых схем [2]. Эти данные подтверждают значимость конструкта для изучения, но сами по себе не доказывают, что любое вмешательство, направленное на схему, приводит к её устойчивому изменению.

Схемотерапия предполагает работу не только с убеждениями, но и с эмоциональным опытом, потребностями, режимами и повторяющимися моделями отношений. В числе применяемых средств — когнитивное переосмысление, образные техники, работа с терапевтическими отношениями и поведенческие изменения [1]. Такое сочетание объяснимо из самой модели схемы: разные компоненты паттерна могут требовать разных способов терапевтической работы. При этом описание предполагаемого механизма не следует принимать за доказательство его действия у конкретного клиента.

Эффективность схемотерапии исследовалась, в частности, у пациентов с пограничным расстройством личности. В рандомизированном исследовании J. Giesen-Bloo и соавторов сравнивались схема-фокусированная психотерапия и терапия, ориентированная на перенос [3]. Более позднее рандомизированное исследование A. Arntz и соавторов оценивало различные форматы схемотерапии для той же диагностической группы [4]. Результаты этих работ важны для оценки подхода, но их нельзя напрямую переносить на краткосрочное психологическое консультирование взрослых с разными запросами или использовать как доказательство изменения РДС при любой интегративной работе.

EMDR (десенсибилизация и переработка движением глаз) строится вокруг структурированной работы с эмоционально значимыми воспоминаниями, связанными с актуальными затруднениями. В стандартном протоколе оцениваются, среди прочего, негативная и желаемая позитивная когниции, субъективный дистресс и телесные ощущения [5]. Это создаёт возможность наблюдать изменения реакции на конкретную мишень в ходе терапии. Вместе с тем снижение дистресса по воспоминанию не тождественно снижению выраженности общей схемы, проявляющейся в разных жизненных контекстах.

Для EMDR существует доказательная база прежде всего в области помощи при посттравматическом стрессовом расстройстве; Всемирная организация здравоохранения относит этот подход к рекомендуемым психологическим вмешательствам для взрослых с ПТСР [6]. Из этого не следует, что EMDR уже доказанно изменяет ранние дезадаптивные схемы независимо от диагноза и условий работы. Связь переработки отдельных воспоминаний с долговременной динамикой схем остаётся самостоятельным исследовательским вопросом.

Теоретическое сопоставление подходов позволяет выделить три уровня возможных изменений. Первый — ко-

гнитивное распознавание схемы: клиент замечает повторяющийся сценарий, способен назвать его и соотнести с прошлым опытом. Второй — изменение эмоционального отклика на отдельную ситуацию или воспоминание: снижается интенсивность переживания, появляется иной взгляд на себя и произошедшее. Третий — более устойчивое изменение схемных проявлений: в разных обстоятельствах человек иначе интерпретирует события, регулирует эмоции и действует. Эти уровни могут быть связаны, но не обязаны изменяться синхронно. Предлагаемая трёхуровневая схема является аналитической моделью автора, а не валидированной шкалой или установленной последовательностью стадий терапии.

Предлагаемое разграничение имеет методологические последствия. Для первого уровня подходят клиническое интервью и анализ высказываний клиента; для второго — повторная оценка дистресса и реакции на конкретную мишень; для третьего необходимы повторные измерения выраженности РДС и наблюдение поведенческих изменений за пределами отдельной сессии. Использование только одного показателя создаёт риск подмены конструкта: например, улучшение эмоционального состояния ошибочно объявляется изменением схемы.

При исследовании естественной практики нужно учитывать альтернативные объяснения динамики: жизненные события, изменения отношений, колебания симптоматики, ожидания клиента, повторное тестирование и влияние терапевтического альянса. Если в консультировании используются несколько методов, приписывать обнаруженные изменения исключительно EMDR или схемотерапии без соответствующего дизайна нельзя. Перспективным вариантом для дальнейшей магистерской работы может быть описательное лонгитюдное наблюдение с несколькими точками измерения, дополненное качественными описаниями типичных межличностных ситуаций. Такой дизайн позволит описывать траектории, но не доказывать причинную эффективность отдельных техник.

Заключение

Теоретический анализ показывает, что осознание ранней дезадаптивной схемы и изменение эмоциональных реакций относятся к разным, хотя и взаимосвязанным аспектам консультирования. В многокомпонентной модели РДС понимание собственного паттерна не гарантирует его устойчивого изменения. Схемотерапия предлагает способы работы с когнитивными, эмоциональными и поведенческими составляющими схемы; EMDR позволяет целенаправленно работать с эмоционально значимыми воспоминаниями. Но снижение дистресса при переработке отдельного воспоминания не может само по себе служить доказательством изменения РДС.

Для дальнейшего исследования предлагается различать осознание схемы, изменение реакции на воспоминание и динамику её проявлений в повседневной жизни. Проверка этих уровней требует повторных измерений,

нескольких источников данных и осторожной интерпретации. Это разграничение может служить теоретическим

основанием исследования динамики РДС в процессе интегративного психологического консультирования взрослых.

Литература:

1. Young J. E., Klosko J. S., Weishaar M. E. Schema Therapy: A Practitioner's Guide. New York: Guilford Press, 2003.
2. Thimm J. C., Chang M. Early Maladaptive Schemas and Mental Disorders in Adulthood: A Systematic Review and Meta-analysis // International Journal of Cognitive Therapy. 2022. Vol. 15. P. 371–413. DOI: 10.1007/s41811-022-00149-7.
3. Giesen-Bloo J. et al. Outpatient psychotherapy for borderline personality disorder: randomized trial of schema-focused therapy vs transference-focused psychotherapy // Archives of General Psychiatry. 2006. Vol. 63, № 6. P. 649–658. DOI: 10.1001/archpsyc.63.6.649.
4. Arntz A. et al. Effectiveness of Predominantly Group Schema Therapy and Combined Individual and Group Schema Therapy for Borderline Personality Disorder: A Randomized Clinical Trial // JAMA Psychiatry. 2022. Vol. 79, № 4. P. 287–299. DOI: 10.1001/jamapsychiatry.2022.0010.
5. Shapiro F. Eye Movement Desensitization and Reprocessing (EMDR) Therapy: Basic Principles, Protocols, and Procedures. 3rd ed. New York: Guilford Press, 2018.
6. World Health Organization. Posttraumatic stress disorder (PTSD): psychological interventions — adults // WHO mhGAP Evidence Centre. Updated 2023. URL: <https://www.who.int/teams/mental-health-and-substance-use/treatment-care/mental-health-gap-action-programme/evidence-centre/conditions-related-to-stress/posttraumatic-stress-disorder-%28ptsd%29—psychological-interventions—adults> (дата обращения: 23.10.2026).

Библиотерапия как инструмент профилактики суицидального поведения подростков

Макарова София Евгеньевна, руководитель курса
Российская международная академия туризма (г. Химки)

В статье рассматривается потенциал современной художественной литературы как инструмента первичной и вторичной профилактики суицидального поведения в подростковой среде. На основе анализа отечественных подходов к библиотерапии и возрастной психологии обосновывается эффективность использования метафорических сюжетов для проживания экзистенциальных кризисов. В качестве эмпирического материала привлекается роман современного автора Софи Ефимовой «Демон моих снов». Показано, как жанр темного фэнтези, лишенный дидактизма, позволяет безопасно для психики подростка исследовать темы смерти, одиночества, предательства и поиска смысла, а также формирует конструктивные копинг-стратегии через механизмы идентификации и катарсиса.

Ключевые слова: библиотерапия, суицидальное поведение, подростковый возраст, профилактика, художественная литература, темное фэнтези, психология образования, катарсис.

Подростковый возраст — период, который сопряжен с повышенным риском развития девиантного и суицидального поведения. Согласно данным современных отечественных исследований, пик суицидальной активности приходится именно на 15–17 лет, что обуславливается гормональной перестройкой, кризисом идентичности и высокой чувствительности к социальному отвержению [1]. Традиционные формы профилактики — лекции, беседы, классные часы — часто бывают неэффективными из-за своего директивного характера и неспособности пробиться через защитные механизмы подростковой психики.

В данном контексте особую актуальность приобретает библиотерапия — метод психокоррекционного воздействия, который использует художественные тексты для решения личностных проблем читателя. Пашкина Е. А. и Калинина Т. В., отмечают в своей работе, что грамотно

подбранное литературное произведение позволяет подростку безопасно соприкоснуться с собственными страхами и переживаниями, проецируя их на героев, и найти ресурс для выхода из кризиса [4].

Рассмотрим механизмы профилактики через темное фэнтези. Почему для профилактической работы с подростками продуктивно использовать жанр темного фэнтези? Ответ кроется в психологии восприятия. Подросток, который находится в кризисе, часто не верит в «светлые» истории с благополучным концом, считая их фальшивыми. Сюжеты, которые наполнены монстрами, тьмой и отчаянием, наоборот, вызывают больше доверия, так как резонируют с его внутренним миром [3].

В книге Софи Ефимовой «Демон моих снов» [2] можно рассмотреть классическую структуру метафорического проживания кризиса. Главная героиня, Стэйси Маккупер, сталкивается с буквальным воплощением

своих внутренних демонов: сомнениями, страхом темноты, чувством одиночества и предательства близкой подруги.

С точки зрения суицидологии здесь работают три ключевых механизма:

— идентификация. Подросток узнает в Стэйси себя. Ее фраза «Я не хочу быть избранной» переключается с чувством навязанной роли и непосильной ноши, знакомым многим подросткам;

— катарсис. Проживая вместе с героиней моменты отчаяния (например, сцену, где она остается одна в темноте, или момент, когда она думает, что потеряла всех), читатель легально выбрасывает накопленные негативные эмоции;

— приобретение копинг-стратегий. Героиня не сдается. Даже когда «тьма» (внутренняя сущность Лилит) пытается захватить ее сознание, Стэйси находит опору в других (Вэнсент, отец) и в собственной внутренней силе.

Рассмотрим терапевтические смыслы в романе «Демон моих снов». Опираясь на текст книги [2], можно выделить несколько ключевых тем, которые психолог или педагог может использовать для построения профилактической беседы с подростками:

— тема «внутреннего демона» (деструктивные мысли). Лилит — это не просто антагонист. Это метафора аутоагрессии и суицидальных мыслей, которые шепчут подростку: «ты слабая», «ты не справишься», «ты одна». Важный профилактический посыл книги заключается в том, что героиня не уничтожает Лилит, а учится с ней сосуществовать и контролировать ее. Это транслирует подросткам мысль: деструктивные переживания не делают тебя «ненормальным», важно научиться ими управлять;

— тема ценности жизни на фоне смерти. В книге присутствуют тяжелые сцены (например, убийство подруги Хлои). Но автор мастерски использует их не для романтизации смерти, а для демонстрации необратимости утраты. Смерть здесь страшна, уродлива и приносит боль. Это мощный антисуицидальный фактор: через текст подросток осознает, что смерть — это не красивое «избавление», а разрушение связей и бесконечная боль для тех, кто остается;

— тема сепарации и выбора. В книге поднимается вопрос выбора своего пути. Героиня преодолевает зависи-

мость от мнения окружающих (сюжетная линия с Вэнди). Для подростка, который часто находится в конфликте с родителями или сверстниками, этот сюжет является моделью успешной сепарации. Фраза героини: «Я больше не понимаю, кто я» — это классический кризис идентичности. А финальное «Я справилась» — дает надежду на благополучный исход этого кризиса.

Предложим методические рекомендации для педагогов и психологов. Опираясь на отечественный опыт и библиотерапию в образовательной среде [6], можно сформулировать алгоритм работы с подобной литературой в рамках профилактических занятий:

— безопасная среда: Чтение вслух или самостоятельное чтение с последующим обсуждением. Критически важно не запрещать, а направлять;

— техника «Вопросы к герою»: Вместо прямых вопросов («Ты хочешь покончить с собой?»), психолог задает метафорические вопросы: «Как ты думаешь, почему Стэйси было так страшно? Почему она не сдалась? Что ей помогло?». Это позволяет снять барьер защиты;

— техника «письмо демону»: Подросткам предлагается написать письмо своему личному «демону» (своему страху или негативной мысли). Это упражнение на внешнюю агрессию и рефлексия [5];

— терапия творчеством: Использование арт-терапевтических элементов (нарисовать ожерелье, которое защищает героиню, и придумать, какими свойствами оно обладало бы для читателя).

Таким образом, использование современной художественной литературы в профилактике суицидального поведения подростков — это не панацея, но мощный и недооцененный инструмент. Книга Софи Ефимовой «Демон моих снов», будучи произведением с элементами темного фэнтези, предоставляет подростку безопасный «полигон» для встречи с собственной тьмой. Через сопереживание героине, которая борется с внутренними и внешними монстрами и находит в себе силы жить дальше, читатель получает опыт конструктивного преодоления кризиса.

Задача педагога-психолога — стать проводником в этом литературном мире, используя текст как трамплин для доверительного диалога о жизни, смерти и ценности собственного «Я».

Литература:

1. Войцех В. Ф. Клиническая суицидология. — М.: Миклош, 2007. — 280 с.
2. Ефимова С. Демон моих снов. — Екатеринбург: Издательские решения, 2026. — 204 с.
3. Кулганов В., Белов В., Парфенов Ю. Превентология. Профилактика социальных отклонений: учебное пособие. — СПб.: Питер, 2013. — 304 с.
4. Пашкина Е. А., Калинина Т. В. Библиотерапия как эффективный метод работы с депрессивными состояниями // Russian Journal of Education and Psychology. — 2019. — № 10 (4). — С. 67–72.
5. Сирота Н. А. Копинг-поведение в подростковом возрасте: дис. д-р. мед. наук: 19.00.04 — Медицинская психология. — М., 1994. — 283 с.
6. Якунькова А. В., Смирнова Т. С. Сказкотерапия как средство профилактики девиантного поведения у подростков // Молодой ученый. — 2015. — № 22.1 (102.1). — С. 167–169.

Исследование стресса и копинг-стратегий у студентов медицинского и технического вузов

Марукян Алмара Сергеевна, студент

Научный руководитель: Некрасова Екатерина Владимировна, кандидат психологических наук, доцент
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Статья посвящена сравнительному анализу стресса и копинг-стратегий у студентов медицинского и технического вузов. Раскрываются теоретические подходы к пониманию психологического стресса и совладающего поведения. Отмечается специфика студенческого возраста как периода повышенной уязвимости к стрессогенным факторам. Обосновывается необходимость сравнительных исследований стресса и копинг-стратегий у студентов разных направлений подготовки.

Ключевые слова: психологический стресс, копинг-стратегии, совладающее поведение, студенты, медицинский вуз, технический вуз.

Проблема стресса и совладающего поведения является из наиболее изучаемых проблем современной психологической науки. Основоположителем этого направления считается Р. Лазарус, разработавший совместно с С. Фолкман транзактную теорию стресса и совладания. Изучению стресса посвящены работы многих авторов. В отечественной психологии проблема совладающего поведения активно изучается с 90-х годов XX века. Среди российских исследователей можно выделить Л. И. Анцыферову, И. С. Бусыгину, Т. Л. Крюкову, Е. В. Распопину, С. К. Нартову-Бочавер, Н. А. Сироту, В. М. Ялтонского, И. Р. Абитова, Г. А. Виленскую, А. Б. Леонову, И. М. Никольскую, Р. М. Грановскую и других.

В определении совладающего поведения отсутствует единый подход. В отечественной традиции большее значение придается осознанности и активности совладания (Т. Л. Крюкова, Е. А. Сергиенко). Зарубежные исследователи делают акцент на процессуальных и социальных аспектах (Р. Лазарус, С. Фолкман).

Несмотря на большое количество исследований, развитие совладающего поведения в онтогенезе остаётся малоизученным. Особый интерес представляет изучение копинг-стратегий в студенческой среде. Однако сравнительных исследований особенностей переживания стресса и выбора стратегий преодоления у студентов медицинского и технического профилей явно недостаточно: чаще всего такие исследования проводятся в рамках одной специальности, без сопоставления с другими направлениями подготовки.

Современные студенты на протяжении всего периода обучения в вузе сталкиваются с разнообразными стрессовыми ситуациями: высокой учебной нагрузкой, сессиями, необходимостью совмещать учёбу с работой, адаптацией к новым условиям. Именно в студенческие годы закладываются основы будущего профессионализма, и именно в этот период психика молодого человека особенно уязвима к воздействию стрессогенных факторов.

Молодежь является той перспективной частью населения, на которую возлагаются надежды общества, и во многом именно от психологического и физического здо-

ровья студентов будет зависеть уровень благополучия населения в целом. Следовательно, изучение копинг-стратегий студентов приобретает особую значимость: именно от выбора способов совладания со стрессом зависит успеваемость, психологическое благополучие и даже физическое здоровье личности [4, с. 7].

Особую опасность представляют эмоциональные проявления стресса, которые затрагивают различные стороны психики, меняют эмоциональный фон и придают восприятию пессимистический оттенок [4, с. 8].

Термин «стресс» происходит от английского stress — «напряжение», «давление», «нагрузка» [4, с. 5]. Изначально он использовался в технических науках: ещё в XVII веке Р. Гук применял его для описания состояния конструкций, испытывающих внешнюю нагрузку [1, с. 8]. Позже термин вошёл в медицинскую науку, где под стрессом стали понимать физическую или умственную реакцию организма на предъявляемые требования — совокупность неспецифических адаптационных реакций на неблагоприятные факторы (стрессоры), нарушающие гомеостаз [6, с. 155].

Основопологающий вклад в изучение стресса внёс канадский физиолог Ганс Селье. В 1936 году он определил «общий адаптационный синдром» как стереотипную реакцию организма на любое вредоносное воздействие с целью адаптации. По его словам, «стресс есть неспецифический ответ организма на любое предъявленное ему требование» [13, с. 27].

Г. Селье выделил две формы стресса: эустресс (позитивное влияние, мобилизующее ресурсы) и дистресс (негативное влияние, приводящее к истощению ресурсов) [13, с. 28].

Общий адаптационный синдром, по Г. Селье, включает три стадии:

- 1) стадия тревоги (мобилизация ресурсов);
- 2) стадия адаптации (устойчивое сопротивление стрессору при высоком напряжении);
- 3) стадия истощения (падение сопротивляемости, ведущее к болезни или смерти).

В современной науке стресс рассматривается как «неспецифическая (общая) реакция организма на физиче-

ское или психологическое воздействие, нарушающее гомеостаз, а также соответствующее состояние нервной системы» [4, с. 5].

С. Л. Соловьева определяет стресс как «особое состояние психики, организма в целом, определяемое широкой мобилизацией функциональных резервов для преодоления какого-либо экстремального воздействия» [15, с. 54].

Помимо физиологического стресса в психологической науке выделяют психологический стресс. Р. Лазарус раз-

работал концепцию психологического стресса в 1960-х годах, отразив в ней ключевую роль когнитивной оценки трудной жизненной ситуации. Как подчёркивал Лазарус, «психологический стресс возникает в том случае, если индивид оценивает ситуацию как угрожающую его благополучию, и при этом у него недостаточно ресурсов для её преодоления» [9, с. 13].

Психологический стресс, в отличие от биологического, обладает рядом специфических особенностей. Основные отличия отражены в табл. 1 [17, с. 14].

Таблица 1. Отличия между биологическим и психологическим стрессом

Параметры	Биологический стресс	Психологический стресс
Причина стресса	Физическое, химическое или биологическое воздействие на организм	Социальное воздействие или собственные мысли
Характер опасности	Реальный	Реальный или виртуальный
На что направлено действие	На жизнь, здоровье, физическое благополучие	На социальный статус, чувство самоуважения
Наличие реальной угрозы жизни или здоровью	+	–
Характер переживаний	«Первичные» эмоции — страх, боль, гнев	«Вторичные» эмоции в сочетании с когнитивным компонентом — беспокойство, тревога, тоска, ревность, раздражение
Временные границы стрессора	Конкретные (настоящее или ближайшее будущее)	Неопределённые (прошлое, далёкое будущее)
Влияние личностных особенностей	Незначительное	Очень значительное

Изучение стресса неизбежно приводит к исследованию процессов, направленных на его преодоление. Способность справляться с напряжением — важное условие сохранения психологического равновесия и психического здоровья. В этой связи особую значимость приобретает анализ копинг-поведения — «системы стратегий, с помощью которых личность преодолевает трудные ситуации и адаптируется к изменяющимся условиям жизни» [11, с. 47].

Понятие «копинг» (от англ. coping — преодоление, совладание) впервые появилось в психологической литературе в 1962 году при изучении преодоления детьми кризисов развития [2, с. 308].

Широкое распространение термин получил благодаря работам Р. Лазаруса и С. Фолкман, которые в рамках транзактной модели стресса определили копинг как «постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие способы преодоления специфических внешних и внутренних требований, которые оцениваются человеком как значительные или превосходящие его возможности» [9, с. 15].

Ю. Е. Затиная рассматривает копинг как «психологическую защиту человека от стрессогенов, реализуемую посредством сознательных и целенаправленных действий» [5, с. 113].

Копинг-стратегии — конкретные действия, серии действий или мыслительные процессы, используемые для

преодоления стрессовой ситуации или изменения личной реакции на неё. Это психологические приёмы, с помощью которых человек старается сохранить душевное равновесие в сложные моменты жизни. Главная задача копинг-поведения — обеспечение и поддержание физического и психического здоровья, успешной адаптации к изменяющимся условиям среды [16, с. 42].

В отечественной психологии наряду с термином «копинг» используется понятие «совладающее поведение». Т. Л. Крюкова определяет его как «индивидуальный способ взаимодействия с ситуацией в соответствии с её логикой и собственной психологической состоятельностью» [8, с. 10].

В настоящее время выделено более 400 стратегий преодоления жизненных трудностей, однако общепринятая классификация отсутствует. Многообразие подходов отражает сложность и многогранность феномена совладающего поведения.

Изначально Р. Лазарус и С. Фолкман предложили выделять две базовые группы стратегий:

- 1) проблемно-ориентированные — стратегии, направленные на преодоление источника стресса;
- 2) эмоционально-ориентированные — стратегии, направленные на преодоление эмоционального возбуждения, вызванного стрессором [9].

Впоследствии Р. Лазарус дополнил классификацию, выделив восемь конкретных стратегий:

— «планирование решения проблемы» — анализ проблемной ситуации и целенаправленное планирование действий по её разрешению;

— «конфронтационный копинг» — индивид воспринимает ситуацию как угрожающую и противопоставляет себя ей;

— «принятие ответственности» — человек признаёт свою роль в возникновении проблемной ситуации;

— «самоконтроль» — сдерживание чувств и стремление скрыть их от окружающих;

— «положительная переоценка» — преодоление негативных переживаний за счёт пересмотра точки зрения на ситуацию и оценивания её как стимула для личностного развития;

— «поиск социальной поддержки» — обращение за помощью к окружающим;

— «дистанцирование» — выключение эмоционального компонента в оценке ситуации;

— «избегание» — уход от проблемной ситуации с целью уменьшения эмоционального напряжения [9, с. 12].

Важно отметить, что каждый человек применяет комплекс приёмов как проблемно-ориентированного, так и эмоционально-ориентированного копинга. Нельзя однозначно ответить, какие стратегии адаптивны, а какие дезадаптивны: всё зависит от конкретной ситуации и ресурсов личности.

Как отмечает М. Ф. Сауткин, «начало учёбы на новой образовательной ступени связано с необходимостью приспособления к необычным условиям жизнедеятельности, значительными нервно-эмоциональными нагрузками, вызванными усвоением большого объёма информации, экзаменами и активным приобщением личности студента к условиям данной социальной среды» [12, с. 534].

Студенческий возраст нередко рассматривается как кризисный период, период встречи со взрослостью. Причина этого противоречия в том, что при завершённом физиологическом созревании социальная реализация в профессиональной сфере остаётся ограниченной: учёба занимает большую часть времени и отодвигает возможность полноценной самоактуализации. Это создаёт внутреннее напряжение и может провоцировать развитие стрессовых состояний [3].

Студенческий возраст охватывает период от 17 до 25 лет, совпадая с юношеским возрастом и переходом к ранней взрослости. Период жизни от 17 до 25 лет имеет важное значение как завершающий этап формирования личности и как основная стадия профессионализации.

Центральным новообразованием юношеского возраста выступает становление самосознания и формирование устойчивого образа «Я». Основным видом деятельности в юношеском возрасте является учебно-профессиональная. Она не только определяет занятость студента, но и формирует всю систему его отношений, ценностей и планов на будущее.

Студенческая жизнь сопряжена с воздействием широкого спектра стрессоров. Наибольшее количество эм-

пирических исследований посвящено академическому стрессу, что объясняется ведущей ролью учебной деятельности в жизни студентов. Экзаменационный стресс рассматривается как один из наиболее типичных для студенческой среды. Специфика стрессогенных факторов может различаться в зависимости от направления профессиональной подготовки студентов [14, с. 157].

В исследовании О. О. Скороходовой и С. А. Скороходовой было установлено, что треть студентов медицинского университета постоянно испытывают психологический и эмоциональный стресс, в отличие от студентов технического вуза, где наблюдается гендерный дисбаланс: девушки из технического вуза более тревожны, чем юноши [14, с. 159].

Как показывают данные А. Н. Кругловой, Е. С. Кондрашовой и М. В. Морозовой, студенты медицинского факультета придают меньшее значение возросшей учебной нагрузке, оставляя первое место фактору ограничения их прежних возможностей изучения практических и клинических дисциплин профессионального цикла, тогда как для студентов технического факультета этот баланс смещён в противоположную сторону [7, с. 167].

Медицинское образование традиционно относят к числу наиболее стрессогенных. Это связано с постоянным контактом с человеческими страданиями, высокой ценой ошибки, необходимостью запоминать большой объём информации и уже на ранних курсах осваивать клинические дисциплины. Техническое образование также предъявляет высокие требования, однако его стрессогенные факторы имеют иную природу: абстрактность материала, необходимость точных расчётов, быстрая смена технологий, конкуренция и жёсткие сроки сдачи проектов [7, с. 169].

Автором было проведено сравнительное исследование уровня стресса и предпочитаемых копинг-стратегий у студентов медицинского и технического вузов. В исследовании приняли участие 60 студентов 2-го курса очной формы обучения в возрасте 19–20 лет: 30 студентов Башкирского государственного медицинского университета (БГМУ) и 30 студентов Уфимского университета науки и технологий (УУНиТ). Использовались шкала психологического стресса PSM-25 (адаптация Н. Е. Водопьяновой), тест на определение уровня стресса Ю. В. Щербатых и опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкман (адаптация Т. Л. Крюковой).

Исследование показало, что у студентов медицинского вуза уровень стресса выше, чем у студентов технического вуза. В структуре копинг-стратегий студентов БГМУ преобладали пассивные формы совладания (бегство-избегание, дистанцирование), тогда как студенты УУНиТ в большей степени ориентировались на поиск социальной поддержки и планирование решения проблемы.

Автором был разработан и апробирован цикл из 10 тренинговых занятий, направленных на повышение стрессоустойчивости и формирование адаптивных копинг-стратегий. Программа включала обучение навыкам

распознавания стрессовых состояний, саморегуляции, планирования и целеполагания, поиска социальной поддержки и позитивной переоценки. После проведения занятий в обеих группах произошло статистически значимое снижение уровня стресса, увеличилось использование адаптивных копинг-стратегий (планирование решения проблемы, положительная переоценка, самоконтроль) и снизилось использование пассивных (бегство-избегание, дистанцирование).

Полученные данные подтверждают, что специфика профессиональной подготовки определяет различия в уровне стресса и предпочитаемых копинг-стратегиях: у будущих медиков стресс выражен сильнее, а совладание чаще строится на пассивных стратегиях, тогда как у будущих инженеров преобладают активные стратегии.

Разработанный и апробированный цикл тренинговых занятий показал эффективность: после его проведения в обеих группах статистически значимо снизился уровень стресса и увеличилась выраженность адаптивных копинг-стратегий. Это позволяет рекомендовать программу для использования в психологической службе вузов, а также учитывать выявленные различия при разработке адресных программ профилактики стресса у студентов разных направлений подготовки.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением выборки, включением студентов других направлений подготовки, а также с изучением долгосрочных эффектов тренинговых программ и их влияния на академическую успеваемость и психологическое благополучие студентов.

Литература:

1. Абитов И. Р. Психология стресса: учебно-методическое пособие / И. Р. Абитов, Р. Р. Акбиров. — Казань: НОУ ДПО «Центр социально-гуманитарного образования», 2022. — 126 с.
2. Аскарова Г. А. Основные подходы к изучению копинг-стратегий в трудных жизненных ситуациях / Г. А. Аскарова, Э. З. Усманова // Scientific progress. — 2021. — № 1. — С. 308–316.
3. Белянская Т. Э. Социально-психологические характеристики студенческого возраста / Т. Э. Белянская // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2020. — № 3(55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-harakteristiki-studencheskogo-vozrasta/viewer> (дата обращения: 12.08.2026).
4. Бильданова В. Р. Психология стресса и методы его профилактики: учебно-методическое пособие / В. Р. Бильданова, Г. К. Бисерова, Г. Р. Шагивалеева. — Елабуга: ЕИ КФУ, 2015. — 142 с.
5. Затиная Ю. Е. Психологические защиты и копинг-стратегии у студентов / Ю. Е. Затиная // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. — 2017. — № 49. — С. 112–118.
6. Корягина И. А. Изучение источников стресса среди студентов высших учебных заведений / И. А. Корягина, Г. В. Королёв // Гуманитарные науки. — 2019. — № 3. — С. 155–158.
7. Круглова А. Н. Особенности переживания стрессовых ситуаций студентами медицинских и технических специальностей / А. Н. Круглова, Е. С. Кондрашова, М. В. Морозова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. — 2021. — № 2 (55). — С. 165–175.
8. Крюкова Т. Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни: монография. — Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. — 296 с.
9. Лазарус Р. Стресс, оценка и совладание / Р. Лазарус, С. Фолкман; пер. с англ. — Москва: НИУ ВШЭ, 2024. — 366 с.
10. Новгородцева И. В. Учебный стресс у студентов-медиков: причины и проявления / И. В. Новгородцева, С. Е. Мухоморова, В. О. Пьянкова // Вятский медицинский вестник. — 2014. — № 3–4. — С. 34–37.
11. Питкевич М. Ю. Способы оценки и повышения уровня стрессоустойчивости / М. Ю. Питкевич // Вестник Российского университета дружбы народов. — 2013. — № 85. — С. 47–52.
12. Сауткин М. Ф. Пути повышения адаптации студентов к неблагоприятным условиям окружающей среды / М. Ф. Сауткин // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. — 2018. — Т. 6. — № 3 (22). — С. 533–540.
13. Селье Г. Стресс без дистресса / Общ. ред. Е. М. Крепса. — Москва: Прогресс, 1982. — 124 с.
14. Скороходова О. О. Особенности проявления психологического стресса у студентов медицинских специальностей / О. О. Скороходова, С. А. Скороходова // Научные труды Республиканского института высшей школы. — Минск, 2023. — № 23. — Ч. 2. — С. 155–162.
15. Соловьёва С. Л. Кризисная психология: справочник практического психолога / С. Л. Соловьёва. — Москва: АСТ, 2023. — 288 с.
16. Човдырова Г. С. Копинг-стратегии личности при адаптации к стрессу / Г. С. Човдырова, О. А. Пяткина // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2021. — Т. 26. — № 1(84). — С. 41–47.
17. Щербатых Ю. В. Психология стресса и методы коррекции / Ю. В. Щербатых. — Санкт-Петербург: Питер, 2023. — 256 с.

Динамика взаимосвязи психологической устойчивости и оценки осознанного присутствия при прохождении цикла гештальт-терапии

Мельник Екатерина Андреевна, студент магистратуры
Московский городской педагогический университет, Самарский филиал

В статье представлены результаты эмпирического исследования динамики взаимосвязи психологической устойчивости и оценки осознанного присутствия у женщин, проходящих обучение гештальт-терапии. В исследовании приняли участие 30 женщин в возрасте 30–45 лет. Использовались методика оценки осознанного присутствия (МООП), шкала устойчивости RS-25, опросник позитивных и негативных эмоций (ШПАНА) и диагностика самоактуализации личности (САМОАЛ). Выявлена положительная динамика показателей осознанности и психологической устойчивости, а также усиление взаимосвязей между исследуемыми конструктами в процессе прохождения цикла гештальт-терапии. Полученные результаты свидетельствуют о возможности использования методики оценки осознанного присутствия как инструмента анализа эффективности гештальт-терапии.

Ключевые слова: психологическая устойчивость, осознанное присутствие, гештальт-терапия, самоактуализация, эмоциональный аффект, резильентность.

Введение

В условиях современного мира, характеризующегося высокой неопределенностью, информационной перегрузкой и ускоренным темпом изменений, проблема психологической устойчивости личности приобретает особую значимость. Психологическая устойчивость рассматривается как интегративный конструкт, отражающий способность человека сохранять стабильное функционирование в стрессовых ситуациях, противостоять неблагоприятным воздействиям и восстанавливаться после психологических потрясений [1]. Одним из перспективных направлений развития психологической устойчивости является гештальт-терапия, которая фокусируется на развитии осознанности, или «сознания» — способности человека быть в контакте со своими ощущениями, мыслями и чувствами в моменте «здесь и сейчас» [2].

Несмотря на широкое распространение гештальт-терапии в практике психологического консультирования и психотерапии, оценка её эффективности остаётся сложной methodological задачей. Большинство исследований эффективности гештальт-подхода проводятся на клинических выборках и ориентированы на снижение выраженности депрессивной или тревожной симптоматики [3]. Практически отсутствуют публикации, в которых оценка эффективности гештальт-терапии проводилась бы на неклинической выборке с использованием инструментов, непосредственно отражающих ключевые конструкты данного подхода — осознанное присутствие и психологическую устойчивость.

Цель настоящего исследования — выявить динамику взаимосвязи психологической устойчивости и оценки осознанного присутствия у женщин, проходящих цикл обучения гештальт-терапии.

Гипотезы исследования:

1. При прохождении цикла гештальт-терапии взаимосвязь оценки осознанного присутствия и характеристик психологической устойчивости становится более тесной.

2. В процессе прохождения гештальт-терапии наблюдается положительная динамика в уровне оценки осознанного присутствия.

Методология исследования

Выборка. В исследовании приняли участие 30 женщин в возрасте от 30 до 45 лет (средний возраст 37,2 года), проходящих обучение на различных ступенях гештальт-терапии. Критерии включения: женский пол, возраст 30–45 лет, наличие опыта участия в гештальт-группах не менее 6 месяцев. Исследование проводилось в два среза: до начала активной фазы обучения (первый замер) и по завершении цикла обучения продолжительностью 6 месяцев (второй замер).

В качестве контрольной группы выступили 30 женщин того же возраста (30–45 лет), не проходящих обучение гештальт-терапии, сопоставимых по социально-экономическому статусу и семейному положению.

Инструменты исследования. Для диагностики использовались следующие методики:

1. *Методика оценки осознанного присутствия (МООП)* — русскоязычная адаптация шкалы Mindful Attention Awareness Scale (MAAS) [4]. Авторы оригинальной методики: K. Brown, R. Ryan (2003). Адаптация: Д. А. Леонтьев, О. В. Митина, Л. А. Александрова (2008, 2021) [0†L6-L8]. Методика состоит из 15 пунктов, оцениваемых по шкале Лайкерта от 1 до 6. Высокий балл свидетельствует о более высоком уровне осознанного присутствия.

2. *Шкала устойчивости (RS-25)* — методика оценки психологической устойчивости (резильентности) Авторы: G. Wagnild, H. Young (1993). Перевод: П. А. Кисляков, Е. А. Шмелева (2024) Опросник включает 25 утверждений, оцениваемых по 7-балльной шкале, и измеряет позитивные личностные характеристики, лежащие в основе эффективных механизмов совладания и адаптации.

3. *Шкала позитивного и негативного аффекта (ШПАНА)* — русскоязычная адаптация методики PANAS

[2, с. 5–7]. Разработка: Е. Н. Осин (2012) [2 с. 12–16]. Методика измеряет два основных измерения эмоций: позитивный и негативный аффект.

4. *Диагностика самоактуализации личности (САМОАЛ)* — методика А. В. Лазукина в адаптации Н. Ф. Калиной [3, с. 9–15]. Оценивает такие параметры, как ценности, познавательная активность, самостоятельность, креативность, стремление к творчеству и независимость.

Процедура исследования. Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе (до начала обучения) участницы заполняли комплекс диагностических методик. На втором этапе (по завершении 6-месячного цикла обучения) проводилось повторное тестирование по тем же

методикам. Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием коэффициента корреляции Спирмена для анализа взаимосвязей между показателями, а также U-критерия Манна–Уитни для оценки различий между экспериментальной и контрольной группами.

Результаты исследования

Динамика показателей осознанного присутствия и психологической устойчивости. В таблице 1 представлены средние значения по исследуемым методикам в экспериментальной группе до и после прохождения цикла гештальт-терапии, а также в контрольной группе.

Таблица 1. Сравнительные показатели экспериментальной и контрольной групп (средние значения)

Методика	Экспериментальная группа (до)	Экспериментальная группа (после)	Контрольная группа
МООП (осознанное присутствие)	3,42	4,68*	3,51
RS-25 (психологическая устойчивость)	118,7	142,3*	120,1
ШПАНА (позитивный аффект)	28,4	36,8*	29,2
ШПАНА (негативный аффект)	24,6	17,3*	23,9
САМОАЛ (самоактуализация)	52,1	67,4*	53,0

Примечание: * — различия статистически значимы при $p < 0,05$ (U-критерий Манна — Уитни)

Как видно из таблицы 1, в экспериментальной группе после прохождения цикла гештальт-терапии наблюдается статистически значимое повышение показателей осознанного присутствия (МООП), психологической устойчивости (RS-25), позитивного аффекта и самоактуализации, а также снижение уровня негативного аффекта. В контрольной группе значимых изменений не зафиксировано.

Анализ взаимосвязей между показателями. Для проверки гипотезы об усилении взаимосвязи между осознанным присутствием и психологической устойчивостью был проведён корреляционный анализ (коэффициент Спирмена) в экспериментальной группе до и после прохождения гештальт-терапии. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2. Корреляционные взаимосвязи показателя МООП с другими переменными в экспериментальной группе (коэффициент Спирмена)

Переменная	До терапии	После терапии
RS-25 (психологическая устойчивость)	0,38*	0,67**
ШПАНА (позитивный аффект)	0,31	0,58**
ШПАНА (негативный аффект)	-0,29	-0,52**
САМОАЛ (самоактуализация)	0,33	0,61**

Примечание: * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$

Анализ корреляционных связей показывает, что после прохождения цикла гештальт-терапии взаимосвязь между осознанным присутствием и психологической устойчивостью становится более тесной ($r = 0,67$ против $r = 0,38$ до терапии). Усиливаются также связи осознанности с позитивным аффектом и самоактуализацией, а отрицательная связь с негативным аффектом становится более выраженной.

Структура взаимосвязей. Для более детального анализа динамики взаимосвязей были рассчитаны корреляционные матрицы для экспериментальной группы до и после терапии. У участниц экспериментальной группы

после шести месяцев работы в гештальт-группах средние баллы по осознанному присутствию выросли с 3,42 до 4,68, по устойчивости — со 118,7 до 142,3, по позитивному аффекту — с 28,4 до 36,8, по самоактуализации — с 52,1 до 67,4, негативный аффект снизился с 24,6 до 17,3. В контрольной группе за тот же период сдвиги отсутствуют. Корреляция осознанности с устойчивостью в экспериментальной группе увеличилась с 0,38 до 0,67, с позитивным аффектом — с 0,31 до 0,58, с самоактуализацией — с 0,33 до 0,61, отрицательная связь с негативным аффектом углубилась с -0,29 до -0,52; порог значимости

по непараметрическим критериям во всех случаях ниже 0,05. МООП отражает не только прирост осознанности, но и изменения её связей с ресурсными характеристиками; на неклинической выборке эта методика может использоваться для оценки эффекта гештальт-терапии без опоры на симптоматические шкалы.

Заявленные гипотезы подтвердились. Участницы, проходившие гештальт-терапию, показали значимый прирост по осознанному присутствию, устойчивости, позитивному аффекту и самоактуализации при одновременном снижении негативного аффекта; в контрольной группе таких изменений не зафиксировано. Основной результат — корреляция осознанности с устойчивостью усилилась почти

вдвое, а связи с другими ресурсными показателями также стали теснее. Это означает, что осознанное присутствие после терапии не просто возрастает, а включается в систему личностных ресурсов, меняя характер их взаимосвязей. С практической стороны это позволяет использовать МООП для оценки эффективности гештальт-терапии без привязки к клинической симптоматике. Ограничение выборки (женщины 30–45 лет, проходящие обучение, а не терапию) не даёт оснований для экстраполяции на другие группы и форматы работы. Следующим шагом может быть сравнение динамики в учебных и терапевтических группах, а также проверка устойчивости выявленных связей на более длительных кагатмнестических интервалах.

Литература:

1. Водопьянова, Н. Е. Психодиагностика стресса / Н. Е. Водопьянова. — СПб.: Питер, 2009. — 336 с.
2. Perls, F. S. Gestalt therapy: Excitement and growth in the human personality / F. S. Perls, R. F. Hefferline, P. Goodman. — Highland, NY: Gestalt Journal Press, 2014. — 470 с.
3. Третьяк, Л. Л. Оценка эффективности гештальт-подхода в клинической практике / Л. Л. Третьяк // Восточно-Европейский гештальт-институт. — URL: <https://www.b17.ru/article/28999/>
4. Brown, K. W. The Benefits of Being Present: Mindfulness and Its Role in Psychological Well-Being / K. W. Brown, R. M. Ryan // Journal of Personality and Social Psychology. — 2003. — Vol. 84. — № 4. — P. 822–848.
5. Creswell, J. D. Mindfulness interventions / J. D. Creswell // Annual Review of Psychology. — 2017. — Vol. 68. — P. 491–516.

Коррекция психологической устойчивости методами гештальт-терапии

Мельник Екатерина Андреевна, студент магистратуры
Московский городской педагогический университет, Самарский филиал

В представленной статье психологическая устойчивость личности раскрывается как важнейший ресурс поддержания ментального здоровья и продуктивной деятельности, потенциал которого зависит от способности к сознанию; обсуждается возможность применения техник повышения осознанности в рамках гештальт-терапии с целью повышения адаптивности и стрессоустойчивости индивида. Рассматриваются ключевые компоненты формирования психологической устойчивости: степень развития самосознания, гибкость когнитивных процессов, уровень социальной компетентности и наличие внутренних и внешних ресурсов, а также способы ее развития посредством систематического применения техник повышения осознанности.

Ключевые слова: психологическая устойчивость, сознание, гештальт-терапевтический подход, стрессоустойчивость, жизнеспособность, самосознание, когнитивная адаптивность, ресурсный потенциал личности, практики медитации осознанности.

В современных условиях стремительного развития и ускоренного темпа изменений, сопровождающихся высокой концентрацией факторов стресса, особое значение для успешной адаптации приобретает психологическая устойчивость личности. Важнейшим ресурсом для поддержания ментального здоровья и продуктивной деятельности человека является его способность к поддержанию эмоционального равновесия, что помогает эффективно преодолевать все возникающие трудности и восстанавливаться после пережитых потрясений [9]. Тем самым подтверждается актуальность задач поиска и разработки эффективных методов, направленных на развитие и укрепление психологической устойчивости.

Психологическая устойчивость является интегративным конструктом, который отражает способность человека к сохранению стабильного функционирования в ситуациях, сопряженных со стрессом, неопределенностью и воздействием негативных факторов на жизнь и психическое состояние индивида [2]. Однако, несмотря на кажущуюся ясность определения, практическое применение концепции психологической устойчивости сталкивается с рядом сложностей. В частности, остается открытым вопрос о том, какой именно набор качеств является ключевым для обеспечения устойчивости в различных ситуациях, а также о том, как оценить и развить эти качества целенаправленно.

Существует несколько подходов к определению понятия «психологическая устойчивость». В их основе лежат такие концепции, как концепция жизнестойкости, резильентности, стрессоустойчивости, психологической адаптивности личности и ресурсности [7, 9, 2, 4, 3]. Все названные концепции объединяет общая идея психологической устойчивости и адаптивности человека к меняющимся условиям среды.

Но, несмотря на общую направленность, каждая из этих концепций имеет свои нюансы и акценты. Это создает определенную терминологическую путаницу и затрудняет интеграцию исследований в данной области.

К ключевым компонентам, влияющим на уровень психологической устойчивости, относят следующие (см. табл. 1):

Таблица 1. Ключевые компоненты влияния на психологическую устойчивость

Компонент	Описание компонента
Самосознание и саморегуляция	— умение распознавать, а также осознавать свои эмоции, мысли и ощущения [1], при этом как можно эффективнее управлять ими [6], что помогает наиболее эффективно управлять эмоциями при стрессе [2]
Гибкость когнитивных процессов	— умение переосмысливать все сложившиеся ситуации и рассматривать их с учетом всех альтернативных решений [6]
Высокая социальная компетентность	— навыки эффективных межличностных компетенций, социальных связей и способности обращаться за поддержкой в сложной ситуации
Позитивный настрой и вера в успех	— убежденность и вера в собственные силы [3, 7, 9]; наличие возможности для преодоления трудностей, наличие оптимистического взгляда на будущее

Таким образом, ключевые компоненты влияния на психологическую устойчивость человека включают самопознание, саморегуляцию [1, 6], гибкость когнитивных процессов [6], социальную компетентность и позитивный настрой на успех [3, 7, 9].

Одним из направлений экзистенциально-гуманистической психотерапии, которое фокусирует свое внимание на развитии у клиента осознанности по отношению к его ощущениям, мыслям и поведению здесь и сейчас, является гештальт-терапия [8].

«Гештальт» — это целостный образ, который формируется в процессе взаимодействия индивида с окружающей средой. Основная задача гештальт-терапевта — это оказание помощи клиенту в процессе осознания и завершения незавершенных гештальтов, препятствующих его личностному росту и адаптации [8]. Гери Янтеф говорит о том, что «расширение осознанности человеком собственных переживаний является критически важным фактором, способствующим личностному росту и повышению адаптивности к меняющимся жизненным обстоя-

тельствам [10, с. 127]. Важно отметить, что осознание — это не только пассивное наблюдение, но и активный процесс исследования и конструктивного взаимодействия с собственным опытом, что предоставляет человеку возможность делать более осознанный выбор» [10].

Основным инструментом гештальт-терапевтического подхода является техника сознания, которая направлена на значительное увеличение степени осознанности человеком его внутреннего мира, в том числе его телесных ощущений, мыслей и чувств, а также источников внешнего окружения [8, 10]. Хайес и Фелдман отмечают, что «...в качестве терапии принятия и ответственности необходимо, чтобы осознание сопровождалось принятием, а не избеганием болезненных переживаний. Способность человека к безоценочному наблюдению за своими ощущениями и мыслями дает возможность снизить их влияние на его поведение и повысить психологическую гибкость» [6, с. 257].

Рассмотрим основные содержательные аспекты техники сознания (см. табл. 2).

Таблица 2. Основные аспекты техники сознания

Аспект	Описание аспекта
Осознание телесных ощущений	способность детально описывать и замечать все свои телесные ощущения (мышечное напряжение, ощущение тепла или холода в теле, покалывания и т. д.)
Осознание эмоциональных состояний	способность осознавать и распознавать свои чувства (радость, печаль, гнев, страх, удивление и т. д.) [1]
Осознание мысленных процессов	способность осознавать свои мысли [6], анализировать их содержание, определять автоматические мысли и убеждения
Осознание поведенческих паттернов	способность наблюдать за своими действиями и анализировать их последствия
Осознание межличностных взаимосвязей	способность анализировать и замечать свои особенности при взаимодействии с окружающим миром и оценивать их реакцию на данное взаимодействие

Таким образом, современные исследования и их результаты подтверждают особую роль сознания в процессах формирования и поддержания психологической устойчивости человека [4, 5]. По мнению Броуна, Райана и Немец, «сознательное присутствие здесь и сейчас способствует укреплению саморегуляции, а также снижению уровня реактивности на стрессовые стимулы, что оказывает значительное положительное влияние на общее благополучие человека и его способность к адаптации в сложных жизненных ситуациях» [4, 6, 2].

Осознание при восприятии своих чувств, эмоций, а также телесных ощущений помогает человеку лучше понимать собственные потребности, адекватно реагировать на стрессовые факторы, совершенствовать навыки самоконтроля, более осознанно выбирать стратегии поведения в сложных ситуациях [1, 2, 6]. Своевременное осознание признаков нарастающей тревоги позволяет человеку применить техники релаксации или дыхательные упражнения [6]. В своих систематических практиках Кресвелл утверждал, что «осознанность и ее систематичность способствуют поддержанию активности нейронов в определенных областях мозга, отвечающих за регуляцию эмоций и сохранение внимания» [1, 5]. Все это предоставляет возможность более эффективно управлять своими реакциями на стресс и сохранять эмоциональное равновесие в сложных ситуациях [2, 5].

Ориентир на сознательное переосмысление собственных убеждений и мыслей предоставляет возможность рассматривать их с критической точки зрения, выявляя при этом

неадаптивные когнитивные схемы. Данное обстоятельство предоставляет возможность для пересмотра сложившейся ситуации, поиска альтернативных интерпретаций происходящего и формирования более гибких и конструктивных стратегий поведения [6]. Осознание автоматических негативных мыслей (к примеру: «У меня ничего не получится») дает возможность оспорить их и заменить на более реалистичные и поддерживающие убеждения.

Восприятие сознанием способов взаимодействия человека с окружающей средой и людьми дает возможность анализа неэффективных и деструктивных поведенческих паттернов. Все это способствует развитию навыков уверенного поведения, умению устанавливать личные границы и обращаться за помощью в трудных ситуациях, что является необходимым условием для получения социальной поддержки.

Анализ и понимание своих сильных сторон помогает человеку понять свои внутренние ресурсы, а также научиться использовать их для преодоления трудностей [3, 7, 9]. Данный факт способствует укреплению уверенности в собственных силах и возможностях, что является важным компонентом психологической устойчивости [3, 7, 9]. Понимание и принятие имеющегося опыта преодоления сложных жизненных ситуаций укрепляет ощущение собственной компетентности [3, 7, 9] и формирует позитивное ожидание будущего.

Представим основные методики использования техники сознания (см. табл. 3).

Таблица 3. Основные методики применения техники сознания

Методика	Описание содержания
Медитация осознанности	это регулярные занятия медитацией [4, 5], что способствует развитию многочисленных навыков внимания и осознания своих мыслей, чувств и телесных ощущений [1, 4, 5]
Ведение дневника осознанности	постоянная фиксация в дневнике важных событий, эмоций [1], что помогает выделить индивидуальные поведенческие паттерны и те области, которые требуют коррекции
Фокус на ощущения	осознание телесных ощущений, которые дают возможность повысить чувствительность к сигналам, которые посылает организм для своевременного реагирования на все признаки стресса [2]
Диалог с «внутренним беспокойством»	анализ самокритичных мыслей и убеждений и формирование поддерживающего отношения к себе

Таким образом, техники сознания — базовый инструмент для гештальт-терапии, который обладает выраженным потенциалом развития и укрепления психологической устойчивости, являющейся значимым фактором повышения адаптивности и благополучия человека в настоящее время [8]. Развитие самосознания, гибкости когнитивных процессов, социальной компетенции и внутренних ресурсов в ходе проведения коррекции будет

позволять человеку более эффективно преодолевать влияние стресса и поддерживать психологическое благополучие. Однако следует отметить, что эффективность применения техник сознания может различаться в зависимости от индивидуальных особенностей личности, а также от контекста применения. Необходимы дальнейшие исследования для выявления оптимальных протоколов применения данной техники в различных условиях.

Литература:

1. Андреева, И. Н. Эмоциональный интеллект: исследования феномена / И. Н. Андреева. — Текст: электронный // Вопросы психологии. — 2006. — № 3. — С. 78–86. — URL: <https://elib.psu.by/handle/123456789/32473> (дата обращения: 21.10.2026).

2. Водопьянова, Н. Е. Психодиагностика стресса: практикум / Н. Е. Водопьянова. — Санкт-Петербург: Питер, 2009. — 336 с. — ISBN 978-5-388-00542-7. — Текст: непосредственный. — URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004161693/ (дата обращения: 21.10.2026).
3. Леонтьев, Д. А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал / Д. А. Леонтьев. — Текст: электронный // Сибирский психологический журнал. — 2016. — № 62. — С. 18–37. — DOI: 10.17223/17267080/62/3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoregulyatsiya-resursy-i-lichnostnyy-potentsial> (дата обращения: 21.10.2026).
4. Brown, K. W. Beyond me: Mindful responses to social threat / K. W. Brown, R. M. Ryan, J. D. Creswell, C. P. Niemiec. — Текст: электронный // Transcending self-interest: Psychological explorations of the quiet ego / ed. by H. A. Wayment, J. J. Bauer. — Washington, DC: American Psychological Association, 2008. — P. 75–84. — ISBN 978-1-4338-0340-6. — DOI: 10.1037/11771-007. — URL: https://www.researchgate.net/publication/303783074_Beyond_me_Mindful_responses_to_social_threat (дата обращения: 21.10.2026).
5. Creswell, J. D. Mindfulness Interventions / J. D. Creswell. — Текст: электронный // Annual Review of Psychology. — 2017. — Vol. 68. — P. 491–516. — DOI: 10.1146/annurev-psych-042716-051139. — URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/27687118/> (дата обращения: 21.10.2026).
6. Hayes, A. M. Clarifying the Construct of Mindfulness in the Context of Emotion Regulation and the Process of Change in Therapy / A. M. Hayes, G. Feldman. — Текст: электронный // Clinical Psychology: Science and Practice. — 2004. — Vol. 11, № 3. — P. 255–262. — DOI: 10.1093/clipsy.bph080. — URL: https://www.researchgate.net/publication/227629475_Clarifying_the_Construct_of_Mindfulness_in_the_Context_of_Emotion_Regulation_and_the_Process_of_Change_in_Therapy (дата обращения: 21.10.2026).
7. Maddi, S. R. On hardiness and other pathways to resilience / S. R. Maddi. — Текст: электронный // American Psychologist. — 2005. — Vol. 60, № 3. — P. 261–262. — DOI: 10.1037/0003-066X.60.3.261. — URL: <https://escholarship.org/uc/item/09x6n03h> (дата обращения: 21.10.2026).
8. Perls, F. S. Gestalt Therapy: Excitement and Growth in the Human Personality / F. S. Perls, R. F. Hefferline, P. Goodman. — Highland, NY: The Gestalt Journal Press, 1994. — 470 p. — ISBN 978-0-939266-24-1. — Текст: непосредственный. — URL: https://books.google.com/books/about/Gestalt_therapy.html?id=-1h9AAAAMAAJ (дата обращения: 21.10.2026).
9. Resilience in Aging: Concepts, Research, and Outcomes / ed. by B. Resnick, L. P. Gwyther, K. A. Roberto. — New York: Springer, 2011. — 368 p. — ISBN 978-1-4419-0231-3. — DOI: 10.1007/978-1-4419-0232-0. — Текст: электронный. — URL: <https://scholars.duke.edu/publication/1006303> (дата обращения: 21.10.2026).
10. Yontef, G. M. Awareness, Dialogue & Process: Essays on Gestalt Therapy / G. M. Yontef. — Highland, NY: The Gestalt Journal Press, 1993. — 564 p. — ISBN 978-0-939266-20-3. — Текст: непосредственный. — URL: https://books.google.com/books/about/Awareness_Dialogue_Process.html?id=NcjNkln05owC (дата обращения: 21.10.2026).

Обоснование необходимости психокоррекционной программы для взрослых членов семей участников специальной военной операции: тревога и непереносимость неопределённости

Михайленко Юлия Петровна, студент магистратуры
Вятский государственный университет (г. Киров)

В статье представлены результаты скринингового обследования 40 женщин, имеющих в семье участника специальной военной операции. Показано, что у 67,5 % обследованных тревога по шкале Бека находится на умеренном и выраженном уровне, а средний балл интолерантности к неопределённости составляет 64,5 % от максимума шкалы при сохранности самочувствия и активности в пределах нормы. На основании избирательного профиля переживаний обоснованы мишени групповой коррекционной программы «Голос Тишины», построенной на вокалотерапии, и описана её структура.

Ключевые слова: члены семей участников СВО, тревога, интолерантность к неопределённости, психологическая коррекция, вокалотерапия, скрининг.

Введение

Специальная военная операция (далее — СВО), начавшаяся в 2022 году, привела к формированию новой социальной группы — взрослых членов семей её участников, которые нуждаются в психологической поддержке [1]. Российские ис-

следования последних лет описывают у этих людей устойчивый комплекс переживаний: тревогу и ожидание, трансформацию семейных ролей, непереносимость неопределённости исхода событий, внутреннюю опустошённость [2–4]. Особенность ситуации в том, что источник напряжения не устраняется волей самого человека: исход событий неизвестен и не подконтролен женщине, ожидающей вестей о близком.

На государственном уровне создана система поддержки участников СВО и их семей, включая Государственный фонд «Защитники Отечества» [5]. Однако собственно психокоррекционная работа с переживаниями взрослых членов семей представлена скромно: известные программы чаще апробированы на специалистах или на выборках с иным типом кризиса, например на женщинах в ситуации угрозы потери работы [6]. Возникает противоречие между выраженностью переживаний этой группы и недостатком проверенных, адресных и доступных для закрытой группы методов психологической коррекции.

Цель статьи — на основании данных скрининга обосновать необходимость психокоррекционной программы для взрослых членов семей участников СВО и определить её мишени. Задачи: описать выраженность тревоги, интолерантности к неопределённости, самочувствия, активности и настроения в обследованной группе; сопоставить полученный профиль с данными литературы; обосновать выбор мишеней и формата программы «Голос Тишины».

Материалы и методы

Исследование проведено при поддержке АНО КСВО. В скрининговом обследовании приняли участие 40 женщин, имеющих в семье участника СВО; наличие такого члена семьи было условием включения. Методики заполнялись индивидуально, ответы фиксировались обезличенно, участие было добровольным.

Использовались: шкала тревоги А. Т. Бека (BAI, 21 утверждение, диапазон 0–63 баллов) в адаптации Н. В. Тарабриной [7; 8]; шкала интолерантности к неопределённости М. Фристана с соавторами (27 утверждений, диапазон 27–135 баллов) в русскоязычной адаптации А. Ш. Тхостова с соавторами [9; 10]; опросник САН (самочувствие, активность, настроение) [11], для которого нормативным считается значение около 4,0 балла на пункт при нижней границе нормы 3,0 балла [12, с. 63]. Уровни тревоги определялись по границам шкалы Бека: 0–7 — минимальный, 8–15 — лёгкий, 16–25 — умеренный, 26–63 — выраженный [7]. Обработка данных — описательная статистика (M, SD, Me, минимум и максимум) и подсчёт долей.

Результаты скрининга

Описательные показатели по пяти шкалам представлены в таблице 1.

Таблица 1. Описательная статистика показателей скрининга

Показатель	n	M	SD	Me	Мин.	Макс.
Тревога (Бек)	40	16,75	6,27	19,00	2,0	26,0
Интолерантность к неопределённости	40	87,05	15,44	90,00	58,0	120,0
Самочувствие (САН)	40	4,44	0,76	4,55	2,9	6,1
Активность (САН)	40	4,17	0,91	4,30	2,2	5,6
Настроение (САН)	40	4,11	0,69	4,40	2,1	5,0

Средний балл тревоги (16,75) соответствует границе умеренного уровня, а медиана (19,00) заметно превышает среднее. Это указывает на смещение распределения вверх: основная часть женщин сосредоточена ближе к верхней границе, а среднее снижают немногочисленные низкие значения. Распределение участниц по уровням тревоги приведено в таблице 2.

Таблица 2. Распределение участниц по уровням тревоги

Уровень тревоги	n (%)
Минимальный (0–7)	5 (12,5 %)
Лёгкий (8–15)	8 (20,0 %)
Умеренный (16–25)	26 (65,0 %)
Выраженный (26–63)	1 (2,5 %)
Итого	40 (100 %)

Умеренный уровень оказался наиболее массовым (65,0 %); вместе с одной участницей с выраженной тревогой на умеренный и более высокий уровень приходится 67,5 % обследованных. Клинически тяжёлая тревога встречается единично, то есть основная масса случаев лежит в зоне, где возможна психологическая коррекция без медицинского вмешательства.

Средний балл интолерантности к неопределённости составил 87,05 при середине шкалы 81 балл; выше середины оказались 25 из 40 женщин (62,5 %). В пересчёте на процент от максимума шкалы (135 баллов) среднее значение равно 64,5 %. По опроснику САН средние значения самочувствия (4,44), активности (4,17) и настроения (4,11) не опускаются ниже нормативных; настроение при этом наименьшее из трёх. Ниже 4,0 балла самочувствие отмечено у 11 женщин (27,5 %), активность — у 12 (30,0 %), настроение — у 13 (32,5 %); ниже нижней границы нормы оказались 2, 4 и 2 женщины соответственно.

Таким образом, получен избирательный профиль: повышены тревога и интолерантность к неопределённости, тогда как общий тонус (самочувствие и активность) в среднем сохранён.

Обсуждение: сопоставление с литературой

Полученная картина согласуется с данными других исследований. Интолерантность к неопределённости как устойчивая характеристика женщин, чьи близкие находятся в зоне боевых действий, зафиксирована на выборке 61 женщины интегральным показателем 61,05 % [13]; в нашем исследовании другим инструментом получена величина того же порядка — 64,5 %. Признаки тревоги по шкале HADS выявлены у 46,1 % из 43 жён участников СВО [14]; при разнице инструментов направление совпадает с нашими 67,5 %. На выборке украинских женщин-беженек умеренная и выраженная тревога по шкале Бека отмечена у 53,4 % [15], причём в той выборке значимую долю составляет именно выраженная тревога, тогда как у обследованных нами женщин преобладает умеренный уровень. Зарубежные работы показывают также, что непереносимость неопределённости является предиктором и модератором посттравматической симптоматики у женщин, вынужденно покинувших зону конфликта, а не просто сопутствующим фоном [16]. Это важно для обоснования мишеней коррекции: неопределённость — не побочный, а действующий фактор.

Расхождение обнаружено в оценке общего состояния. В исследовании психологического благополучия женщин, чьи мужья мобилизованы, описаны резкое ухудшение состояния и внутренняя опустошённость [2], тогда как по данным нашего скрининга самочувствие и активность в среднем остаются в норме. Мы объясняем это различием методов: интервью схватывает общее ощущение тяжести происходящего, а количественная шкала САН фиксирует сохранённый уровень тонуса на фоне специфического роста тревоги. Вместе с данными о хроническом стрессовом фоне в семьях участников СВО [3] это позволяет предположить, что до истощения ресурсов состояние обследованных не доходит — по крайней мере на момент скрининга. Следовательно, именно сейчас, пока общий тонус сохранён, адресная коррекция может быть наиболее своевременной.

Обоснование программы «Голос Тишины»

Мишени коррекции выбираются не произвольно, а из данных скрининга: тревога (умеренный и выше уровень у 67,5 %), интолерантность к неопределённости (выше середины шкалы у 62,5 %) и настроение как наиболее низкий показатель САН. Самочувствие и активность в качестве мишеней не рассматриваются, поскольку они в среднем не нарушены.

Теоретической основой программы служит деятельностный подход к переживанию (Ф. Е. Василюк): переживание понимается как внутренняя работа личности по перестройке смысловых образований в критической ситуации [17]. Из этого следует, что коррекция должна быть не только снятием симптомов, но и созданием условий для «проживания» удержанных чувств. Средством выбрана вокалотерапия на основе подхода А. А. Шевцова к душевному пению [18]. Выбор обусловлен несколькими соображениями. Во-первых, в таком подходе не требуются вокальные навыки и заранее заданный репертуар: материалом служит любое спонтанное звучание участницы, что снижает барьер входа. Во-вторых, голосовая работа происходит в группе, что отвечает потребности в общности у людей, находящихся в изоляции ожидания. В-третьих, обзоры по музыкальной терапии указывают на меньшую эффективность пассивных, слушательских форм по сравнению с активными, где человек сам становится источником звука [19; 20], поэтому в программе каждое упражнение требует собственного звучания.

Программа рассчитана на закрытую группу и включает шесть еженедельных занятий по 1,5 часа (суммарно 9 часов очной работы). Её структура организована в четыре блока, нарастающих по глубине обращения к переживанию (таблица 3).

Критериями включения служат женский пол, возраст от 18 лет, наличие в семье участника СВО, уровень тревоги по шкале Бека не ниже лёгкого и добровольное информированное согласие; критериями невключения — психиатрический диагноз в анамнезе, приём психотропных препаратов, острое горе давностью менее месяца и одновременное участие

Таблица 3. Структура программы «Голос Тишины»

Блок	Направленность	Занятия
1	Снятие телесных напряжений и зажимов	1–2
2	Укрепление социальных связей	3–4
3	Экологичные способы освобождения от негативных переживаний	5
4	Выход на ресурсные состояния и перенос приёмов в повседневность	6

в другой психокоррекционной программе. По результатам скрининга критериям включения соответствовали 35 из 40 женщин. Эффективность программы оценивается повторным замером тех же показателей (тревога, интолерантность к неопределённости, настроение); программа реализуется в настоящее время, и её результаты будут представлены в отдельной публикации.

Ограничения

Результаты скрининга относятся к выборке в целом и не заменяют диагностической оценки каждой женщины. Выборка невелика (40 человек), набрана в одной организации, данные получены самоотчётными методиками, что допускает социально желательные ответы; такие ограничения типичны для работ с этой закрытой группой, где рекрутинг затруднён. Контрольная группа на этапе скрининга не предусматривалась, поэтому статья не содержит выводов об эффективности программы.

Заключение

У женщин, имеющих в семье участника СВО, зафиксирован избирательный профиль переживаний: тревога умеренного и выраженного уровня у 67,5 % обследованных и повышенная непереносимость неопределённости (в среднем 64,5 % от максимума шкалы) при сохранности самочувствия и активности. Это согласуется с российскими и зарубежными данными и обосновывает потребность в адресной психокоррекции, направленной на тревогу, неопределённость и настроение. Групповая программа на основе вокалотерапии «Голос Тишины» отвечает этим мишеням, не требует вокальной подготовки и совместима с закрытостью группы. Проверка её эффективности — предмет дальнейшей работы.

Литература:

1. Васильева И. Д., Жамбалова Ю. В., Цыденов А. Б. Анализ факторов социального самочувствия участников СВО и членов их семей // Теория и практика общественного развития. — 2025. — № 12. — С. 30–37.
2. Виленская П. А., Чеботарева Е. Ю. Психологическое благополучие женщин, чьи мужья были мобилизованы на СВО // Материалы IX Международной научной конференции «Психологические проблемы современной семьи». — Москва, 2024. — С. 235–236.
3. Москаленко Г. В., Дотдаева В. Д., Фомина А. А., Жалдак А. И. Жизнестойкость и психологические ресурсы членов семей участников СВО // Экстремальная психология и безопасность личности. — 2026. — Т. 3, № 3. — С. 87–105.
4. Безрукова О. Н., Самойлова В. А., Филимонов Р. М. Как справляются с семейными проблемами и кризисами семьи ветеранов и участников специальной военной операции // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2026. — Т. 29, № 2. — С. 92–117.
5. Цивилева А. Е. Государственный фонд «Защитники Отечества»: комплексная система поддержки и персональная помощь ветеранам боевых действий // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2026. — № 3. — С. 184–192.
6. Грицкевич В. А., Вацкель Е. А., Лабанова А. М. Танцевально-двигательный тренинг эмоциональной саморегуляции у женщин в условиях социально-экономической нестабильности, связанной с угрозой потери работы // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. — 2026.
7. Beck A. T., Epstein N., Brown G., Steer R. A. An inventory for measuring clinical anxiety: psychometric properties // Journal of Consulting and Clinical Psychology. — 1988. — Vol. 56, № 6. — P. 893–897.
8. Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. — СПб.: Питер, 2001.
9. Freeston M. H., Rhéaume J., Letarte H., Dugas M. J., Ladouceur R. Why do people worry? // Personality and Individual Differences. — 1994. — Vol. 17, № 6. — P. 791–802.
10. Тхостов А. Ш., Нелюбина А. С., Разлуцкий А. А., Мерзлякова А. М. Апробация русскоязычной версии «Шкалы интолерантности к неопределённости» (IUS) // Теоретическая и экспериментальная психология. — 2022. — Т. 15, № 4. — С. 43–59.

11. Доскин В. А., Лаврентьева Н. А., Шарай В. Б., Мирошников М. П. Тест дифференцированной самооценки функционального состояния // Вопросы психологии. — 1973. — № 6. — С. 34–42.
12. Кутькова А. К. Мишени психологической и нейропсихологической коррекции в работе с пациентами, перенесшими новую коронавирусную инфекцию // Вестник психотерапии. — 2025. — № 96. — С. 58–68.
13. Бянкина Е. Н. Тревожность в ситуации неопределённости // Научный аспект. — 2024. — № 1. — URL: <https://na-journal.ru/1-2024-psihologiya/8432-trevozhnost-v-situacii-neopredelyonnosti>
14. Дейнека Н. В. Эмоциональное состояние и особенности адаптации жен участников СВО // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. — 2025. — № 5. — С. 269–275.
15. Mazhak I., Sudyn D. Psychometric assessment of the Beck anxiety inventory and key anxiety determinants among Ukrainian female refugees in the Czech Republic // Frontiers in Psychology. — 2024. — Vol. 15. — Art. 1529718.
16. Bilewicz M., Babińska M., Gromova A. High rates of probable PTSD among Ukrainian war refugees: the role of intolerance of uncertainty, loss of control and subsequent discrimination // European Journal of Psychotraumatology. — 2024. — Vol. 15, № 1. — Art. 2394296.
17. Василюк Ф. Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. — 200 с.
18. Шевцов А. А. Душевное пение. Основные понятия и упражнения для освоения. — Роща, 2022.
19. Скорик С. О., Александрова О. А., Бажитова Т. С. Пассивная музыкальная терапия и прослушивание музыки как методы психологической работы в геронтологических учреждениях: обзор исследований // Мир науки. Педагогика и психология. — 2026. — Т. 14, № 2.
20. Еремина Н. И. Научная музыкотерапия в коррекции и профилактике стрессов: передовые методы и технологии // Медицина и Искусство. — 2023. — Т. 1, № 1. — С. 48–65.

Становление дефиниции «семья» в отечественной и зарубежной психологической традиции

Сторожко Любовь Александровна, студент магистратуры
Московский психолого-социальный университет

В статье анализируется трансформация термина «семья» в российской и зарубежной психологической науке — от древности до современности. Отмечается, что в наши дни институт семьи переживает кризис, что приводит к утрате её идентификационной роли. На текущем этапе изучения данное понятие рассматривается в двух аспектах: семья как малая социальная группа и как институт воспитания. Современные исследования ведутся в направлениях изучения семейных отношений, семейного воспитания и удовлетворенности браком.

Ключевые слова: семья, семья как институт воспитания, семья как малая социальная группа, социальный институт, семейные отношения, удовлетворенность браком.

The development of the definition of “family” in domestic and foreign psychological traditions

Storozhko Lyubov Alexandrovna, master's student
Moscow Psychological and Social University

The article analyzes the transformation of the term «family» in Russian and foreign psychological science — from antiquity to the present. It is noted that nowadays the institution of the family is going through a crisis, which leads to the loss of its identification role. At the current stage of study, this concept is considered in two aspects: the family as a small social group and as an institution of education. Modern research is conducted in the areas of family relations, family education, and marital satisfaction.

Keywords: family, family as an institution of upbringing, family as a small social group, a social institution, family relations, satisfaction with marriage.

В психологии используется понятие «первичная группа». Как указывают исследователи, отношения в такой группе строятся на непосредственном общении и эмоциональной вовлечённости её членов, что

обеспечивает высокую сплочённость и взаимное отождествление [5]. Семью можно рассматривать как первичную группу на любом этапе эволюции представлений о ней.

С исторической точки зрения «семья» — одно из самых давних понятий. Интерес к её изучению и признанию её ценности появился ещё в античные времена. Особое внимание к семье усиливается при смене общественных ориентиров, что подтверждается анализом термина в разные эпохи. Следовательно, накоплено значительное количество материалов по данной теме. Однако, учитывая изменчивость феномена, необходимо понимать, что семья непрерывно меняется под влиянием характеристик поколения, которое её создаёт [2].

В античности, когда философия только начинала осмысливать вопросы психики, мыслители уже рассматривали семью как объект анализа. Их внимание было сосредоточено на том, как она влияет на человека, его личностный рост и адаптацию в обществе.

Первые упоминания о семейном институте обнаруживаются у греческих философов — Аристотеля, Геродота Галикарнасского, Ксенофонта, Платона и Сократа. Они изучали: роль семьи для индивида, её функции по воспитанию полезного гражданина, а также методы воздействия социума на семью для повышения её продуктивности.

В средневековье трактовка семьи расширилась: под ней понимали всё домохозяйство — от родственников до слуг, рабов и скота. Состав такой структуры, как отмечают исследователи, напрямую зависел от экономики, уклада, социальных порядков и ценностей эпохи [4].

С появлением психологии как области научного знания внимание исследователей было обращено на семью с использованием научного подхода. Значительный вклад внесли психологические школы — психоанализ (А. Адлер, Дж. Боулби, А. Фрейд, З. Фрейд, К. Хорни, К. Юнг), бихевиоризм (Дж. Уотсон, Б. Скиннер) и гуманистическое направление (А. Маслоу, К. Роджерс, Э. Фромм). В целом они видели в семье источник детских конфликтов, которые проявляются во взрослой жизни, и разрабатывали подходы к их устранению внутри семейной системы.

Таким образом, исторический обзор демонстрирует, что в каждой конкретной исторической эпохе состав, структура и функции семьи претерпевали существенные изменения. Категория «семья» воспринималась не как статичное явление, а как динамичная, развивающаяся и адаптивная система, которая гибко реагировала на сдвиги в общественных ценностях.

В то же время многие исследователи отмечают, что изучение семьи становится особенно актуальным в условиях глобализации, когда социальные ориентиры теряют четкость, что способствует разрушению идентификационных сообществ — семьи, Родины, общества и культуры в целом [9].

И.С. Мясникова полагает, что современная семья переживает глубокий кризис, который носит мировой характер и наблюдается во всех развитых странах. По её мнению, его причины связаны с кардинальными переменами, вызванными глобализацией [6].

Однако Ю. И. Алёшина, В. Н. Дружинин, А. С. Спаковская и Э. Г. Эйдемиллер придерживаются противо-

положной точки зрения: семья способна противостоять влиянию социальных изменений благодаря своей относительной устойчивости. Это возможно потому, что, несмотря на трансформации, связанные с развитием общества, семья сохранила роль социального института [1].

Следует подчеркнуть, что подобные изменения не прошли бесследно: сегодня связь между семьёй и обществом ослабла. Социум нуждается в восстановлении ценностей, изучении новых тенденций и процессов в семейной сфере, а также в целенаправленной организации практической работы с её членами. Это требует более глубокого осмысления содержания понятия «семья».

Итак, многие современные учёные признают, что отдельные аспекты семьи как категории изучены достаточно полно, но целостное гносеологическое поле вокруг данного явления ещё не сформировано [7]. Существует множество трактовок этого термина — от предельно общих до узких, ограничивающих его совместным проживанием и ведением хозяйства.

Систематическое изучение существующих определений понятия «Семья» позволяет условно выделить в современной науке два преобладающих подхода. Первый трактует семью как малую группу или социальный институт с присущей ей системой отношений. Второй сосредоточен на рассмотрении семьи в качестве института воспитания [7].

При анализе семьи как малой группы исследователи (Б. Г. Ананьев, А. Я. Варга, Т. В. Лодкина, Н. Я. Соловьев, А. Г. Харчев) обычно представляют её как инструмент, способствующий эффективному взаимодействию личности с обществом, а также включению и расстановке приоритетов как для отдельных членов, так и для всей группы в контексте социальных и межличностных связей. Этот подход акцентирует наличие социально-психологических феноменов, эмоциональных связей и личных потребностей [3].

В рамках второго направления (И. С. Андреева, А. И. Антонов, В. Сатир, Д. Фримен, Л. Б. Шнейдер) основное внимание уделяется воспитательной роли семьи, которая анализируется через цели, средства и родительские обязанности во взаимодействии с детьми.

В современной семейной психологии всё чаще исследуется эмоциональная сторона супружества, особенно факторы, определяющие благополучие в доме. Основным критерием счастливого союза обычно называют уровень взаимного удовлетворения партнёров своими отношениями.

Значимость данной проблемы не снижается из-за прямой зависимости ощущения счастья в браке от множества личностных и общественных условий. Изучение степени удовлетворённости позволяет лучше осознать, как работает такой непростой институт, как семья. Большинство специалистов признают, что удовлетворённость между супругами служит базой для устойчивости брака и показателем психологического комфорта в жилище.

Семья как система неоднородна, потому что её участники отличаются по физиологии, социальному поло-

жению и роду занятий. Следовательно, причины, воздействующие на удовлетворённость семейной жизнью, чрезвычайно многообразны, и их трудно свести к одной схеме. Однако отдельные исследования выделяют несколько ключевых факторов, характерных для большинства пар [8].

Помимо этого, общественная стабильность влияет на прочность союзов. Политическая спокойная обстановка, низкий уровень преступности и эффективность социальных учреждений создают благоприятную среду для семейного быта. И напротив, во время кризисов, конфликтов или природных катастроф семьи испытывают дополнительные нагрузки, что способно ухудшить взаимоотношения и даже привести к распаду брака [3].

Экономическая составляющая играет немаловажную роль. Финансовая устойчивость семьи обеспечивает удовлетворение базовых нужд и порождает ощущение защищённости, что снижает напряжённость и способствует более тесному взаимопониманию между партнёрами. В то же время финансовые затруднения, такие как потеря работы, невысокий доход или долговые обязательства, часто приводят к ссорам и разногласиям, что уменьшает общую удовлетворённость отношениями. Макроэкономические процессы, включая рост цен или спад в экономике, дополнительно ослабляют семейную стабильность, усиливая тревогу и шаткость положения [8].

Окружение также оказывает влияние через принятые в обществе установки и ценности, касающиеся супружества и семьи. Устоявшиеся представления о ролях мужчин и женщин могут как поддерживать, так и препятствовать семейному счастью. К примеру, классический подход, при котором жена занимается домашними делами и воспитанием детей, а муж обеспечивает доход, способен при-

водить к дисбалансу влияния и недовольству, если такие нормы навязываются принудительно и не учитывают личные желания супругов. Однако одобрение обществом таких принципов, как преданность, взаимопомощь и уважение, содействует укреплению брачных уз.

Заключение

Приведённые данные показывают, что семья являлась предметом научного интереса на всех этапах развития познания. Изменение социокультурной среды трансформировало угол её рассмотрения. В нынешней обстановке семья как социальный институт переживает множество кризисных явлений, из-за чего её исследование приобретает особую значимость. Изучение процессов возникновения и эволюции семейных отношений считается ключевым направлением психологии, так как оно раскрывает причины, определяющие прочность и благополучие семейного союза. Главным индикатором благополучия в браке служит уровень удовлетворённости супругов, который тесно связан с тем, насколько их ожидания и взгляды на совместную жизнь соответствуют реальности. Психологическая совместимость партнёров, опирающаяся на взаимопонимание и принятие, является базисом для устойчивых отношений и уютной атмосферы в семье. Для полноценного изучения этой темы следует учитывать различные социальные, культурные и личностные факторы, влияющие на мировоззрение и ценностные приоритеты супругов. Формирование крепкой семьи требует систематических усилий, основанных на чувстве привязанности и осознанном желании поддерживать близкие и доверительные взаимоотношения между мужем и женой.

Литература:

1. Бурмистрова, Е. В. Современная семья: психология отношений / Е. В. Бурмистрова. — М.: Даръ, 2020. — 544 с.
2. Васягина, Н. Н. Психологические проблемы семьи / Н. Н. Васягина. — [Электронный ресурс] Режим доступа: http://psyjournals.ru/files/77710/sbornik_psychologicheskie_problemi_semji_sekcia_5.pdf (Дата обращения 07.10.2026).
3. Векилова, С. А. Психология семьи. / С. А. Векилова. — М.: Юрайт, 2020. — 309с.
4. Гурко, Т. А. Развитие института брака: Россия в международном контексте / Т. А. Гурко. // Женщина в российском обществе. — 2025. — № 2. — С. 13–34.
5. Захаров, А. И. Неврозы у детей и психотерапия / А. И. Захаров. — М.: Советские учебники, 2025. — 336 с.
6. Мясникова, И. С. Современная семья — зеркало противоречий и проблем общества / И. С. Мясникова, Е. Д. Ша-тохина. // Молодой ученый. — 2017. — № 3 (137). — С. 458–460.
7. Овчарова, Р. В. Родительская толерантность как фактор развития личности ребенка: монография / Р. В. Овчарова, И. А. Николаева. — М.: Юрайт, 2024. — 195 с.
8. Петухова, Е. В. Факторы удовлетворённости браком в современных условиях / Е. В. Петухова. // Молодой ученый. — 2022. — № 1 (396). — С. 59–63.
9. Шнейдер, Л. Б. Семейная психология / Л. Б. Шнейдер. — М.: Юрайт, 2026. — 489 с.

Снижение уровня тревожности у старших дошкольников посредством арт-терапевтических практик

Шмелева Полина Станиславовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Андреева Мария Владимировна, кандидат психологических наук, доцент
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

В статье автор исследует связь между уровнем тревожности старших дошкольников и использованием арт-терапевтических практик в работе.

Ключевые слова: психолого-педагогическая коррекция, тревожность, старший дошкольный возраст.

В последние годы отмечается рост числа детей, страдающих от повышенной тревожности. Эти дети часто испытывают сильное беспокойство, им свойственна неуверенность в себе и эмоциональная неустойчивость.

Формирование и укоренение тревожности связано с неудовлетворенностью возрастных потребностей ребенка. В подростковом возрасте тревожность может стать устойчивой чертой личности, интегрируя в себя особенности самовосприятия и отношения к себе. До этого периода она, как правило, является следствием различных нарушений.

Проблема высокой тревожности у старших дошкольников остается актуальной и по сей день. Уже в период пребывания в детском саду детям необходимо проходить диагностические мероприятия, направленные на выявление уровня тревожности, а также учиться справляться с внутренними страхами, преодолевая их на уровне сознания.

Тревожность демонстрирует выраженную возрастную специфику, проявляющуюся в причинах ее возникновения, содержании, способах преодоления и защитных механизмах. На каждом возрастном этапе существуют определенные сферы и аспекты реальности, вызывающие у большинства детей повышенное беспокойство, независимо от наличия реальной угрозы или формирования тревожности как устойчивой личностной характеристики. Такие возрастные пики тревожности объясняются действием ключевых социогенных потребностей (согласно исследованиям Бреслава Г. М., Долговой В. И., Журбенко С. С., Овчаровой Р. В., Карвасарского Б. Д., Карпова А. В., Прихожан А. М., Саввы Л. И., Трубайчук Л. В., Павловой В. И., Камсковой Ю. Г., Сивакова В. И. [7, 8, 9, 10]).

В представленной работе анализируется проблема тревожности у детей, достигших старшего дошкольного возраста. Исследуется процесс коррекции тревожности именно у этой группы детей. Главная задача исследования заключается в том, чтобы теоретически обосновать и эмпирически подтвердить эффективность разработанной модели коррекции тревожности у старших дошкольников. Основной предпосылкой (гипотезой) является мнение о том, что психолого-педагогические меры коррекции положительно влияют на снижение уровня тревожности у детей данной возрастной категории.

А. М. Прихожан определяет тревожность как стойкую характеристику личности, сохраняющуюся на протяжении значительного периода времени. Автор подчеркивает, что тревожность обладает собственной движущей силой и проявляется в типичных поведенческих паттернах, где преобладают компенсаторные и защитные механизмы. Как и любое сложное психологическое явление, тревожность имеет многокомпонентную структуру, включающую когнитивный, эмоциональный и операционный аспекты, причем ведущую роль играет именно эмоциональная составляющая [7].

Специалисты, изучающие феномен тревожности, такие как К. Гольдштейн, З. Фрейд и К. Хорни, сходятся во мнении, что тревожность является неспецифической, разлитой формой страха. Главное различие между тревогой и страхом состоит в том, что страх возникает как реакция на конкретную, осознаваемую угрозу, в то время как тревожность не имеет четко выраженного объекта. Характерной чертой тревожности является ощущение неопределённости и уязвимости перед лицом потенциальных опасностей [9].

В свою очередь, Г. М. Бреслау определяет тревожность как личностную черту, выражающуюся в пониженной чувствительности к различным стрессовым воздействиям. Это проявляется в постоянном ощущении угрозы для собственной личности, независимо от внешних условий. Тревожность также трактуется как склонность к переживанию беспокойства, характеризующаяся низким порогом активации тревожных реакций, что делает её важным индивидуальным качеством [1].

По мнению Д. Б. Эльконина, возрастные особенности дошкольников и учеников младших классов схожи, что позволяет объединять их в единый этап развития — детство. Следовательно, исследование происхождения и механизмов формирования тревожности должно проводиться комплексно, охватывая период от 5–6 (7) лет и до конца дошкольного возраста. Это связано с тем, что уровень тревожности ребенка непосредственно влияет на процесс, условия и эффективность его воспитания и обучения, как в детских садах, так и в начальной школе.

Таким образом, при рассмотрении вопросов образования и воспитания необходимо уделять внимание обеспечению плавного перехода от дошкольного учреждения к школе. Сложность адаптации к школьному обучению об-

условлена тем, что к этому моменту у ребенка уже развиты основные компоненты готовности к учебной деятельности, включая произвольность, методы познавательной активности, мотивацию и коммуникативные навыки.

В контексте раннего детского развития, стоит выделить основные аспекты психического становления. Дошкольный период характеризуется значительным укреплением нервной системы и ускоренным развитием коры головного мозга. Психика малыша также претерпевает быстрые изменения. Происходит перестройка баланса между возбуждением и торможением: торможение усиливается, но возбуждение продолжает доминировать.

Параллельно с этим, органы чувств ребенка становятся более точными. Несмотря на некоторую незрелость восприятия и недостаток аналитических способностей, это компенсируется выраженной эмоциональной окраской переживаний. Внимание на данном этапе преимущественно непроизвольное, неустойчивое и ограниченное. Поэтому образовательный процесс для младших дошкольников фокусируется на развитии навыков внимания. Предстоящая школьная жизнь потребует регулярной тренировки произвольного внимания и волевых усилий для поддержания концентрации. При этом произвольное внимание формируется во взаимодействии с другими когнитивными функциями, в первую очередь с мотивацией к деятельности.

С шести до десяти лет мышление ребёнка переходит от эмоционально-образного к абстрактно-логическому. Однако в школу он приходит с ещё недостаточно развитым интеллектом: память и восприятие у него в этот момент работают заметно лучше.

В возрасте старшего дошкольника ресурсы детской памяти обладают немалой силой: за счёт высокой пластичности мозга ребёнок легко запоминает материал дословно. При этом запоминание носит преимущественно наглядно-образный характер.

Центральным вопросом является влияние тревожности ребёнка на его деятельность, поскольку чрезмерная тревожность способна нарушать любую активность дошкольника, особенно значимую для него. Поэтому специалисты отмечают, что повышенный уровень тревожности в основном отрицательно отражается на результатах работы детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста, когда различия в поведении на занятиях и вне их становятся достаточно заметными. Например, вне занятий такие дети раскованы и общительны, а во время занятий — скованы и напряжены. Отвечая на вопросы, они говорят тихо, приглушённо, иногда заикаясь. Кроме того, темп их речи колеблется от ускоренного до замедленного и затруднённого, а нередко появляется двигательное беспокойство: ребёнок теребит одежду руками, вертит в руках какой-либо предмет.

Высокий уровень тревожности, как следствие, может ощутимо усугублять отрицательные стороны так называемого кризиса семи лет. Поэтому центральной задачей при работе с тревожностью у детей старшего дошколь-

ного возраста становится её коррекция. Под коррекцией здесь подразумевается выявление расхождений с ожидаемыми результатами деятельности и внесение изменений в её протекание ради достижения требуемых результатов [2, 3]. В свою очередь, психологическая коррекция — это целенаправленное психологическое воздействие на определённые психологические структуры, которое необходимо для полноценного развития и функционирования личности [8].

Материалы и методы

Методологическая база исследования состояла из нескольких компонентов: теоретическая часть — анализ литературы, обобщение и систематизация сведений, разработка моделей; практическая часть — констатирующий и формирующий этапы опытно-экспериментальной работы, тестирование, проективные методики, а также осмысление результатов; статистическая обработка полученных данных.

Результаты

В экспериментальном исследовании приняли участие двадцать шестилетних детей: десять мальчиков и десять девочек. В ходе работы были использованы две диагностические методики, применявшиеся к каждому ребёнку индивидуально. На первом этапе применялся тест на тревожность, созданный Р. Тэмпл, В. Амен и М. Дорки, который позволяет определить уровень тревожности у ребёнка.

Описание теста

Набор для эксперимента состоит из 14 картинок. Каждая из них показывает ситуацию, типичную для повседневной жизни ребенка старшего дошкольного возраста. Все изображения существуют в двух вариантах: для девочки (на рисунке изображена девочка) и для мальчика (на рисунке изображен мальчик). На основном рисунке лицо ребенка не прорисовано — виден лишь контур головы. К каждому рисунку прилагаются два дополнительных изображения детской головы, которые по размеру точно соответствуют контуру лица на основном рисунке. На одном из них изображено улыбающееся лицо ребенка, на другом — грустное.

Картинки предъявляют ребёнку поочерёдно, строго в заданной последовательности. Диагностика проходит в отдельном помещении. Когда изображение показано, психолог произносит инструкцию. Все реакции ребёнка записываются в специальный протокол. По итогам использования данной методики были получены следующие результаты (рис. 1).

Высокий уровень тревожности был выявлен у 13 участников, средние значения зафиксированы у 4 человек, тогда как низкий уровень показали 3 испытуемых.

Рис. 1. Уровень тревожности у старших дошкольников

Далее применялась методика «Кактус». Ребёнку предлагалось нарисовать кактус в собственном представлении, при этом никаких уточняющих вопросов и разъяснений не давалось. Анализ рисунков показал: у 14 детей присутствуют внутренняя штриховка и прерывистые линии, что свидетельствует о тревожности.

Сопоставив результаты обеих диагностических методик, можно сделать вывод: повышенная тревожность характерна для 14 испытуемых. На основании полученных данных планируется разработка программы и модели

психолого-педагогической коррекции, ориентированной на снижение тревожности у детей старшего дошкольного возраста.

Вывод. Изучение данных, которые были собраны с помощью использованных методов диагностики тревожности у детей старшего дошкольного возраста, продемонстрировало: её повышенный уровень выявлен у 14 детей, а это больше половины всей группы. Данное обстоятельство и выступает основанием для разработки коррекционной программы.

Литература:

1. Бреслав Г. М. Психология эмоций: Учеб. пособие для вузов. М.: Смысл, 2007. 544 с.
2. Долгова В. И. Формирование воображения у дошкольников: программа, результаты, рекомендации//Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2014. № 11 (117). С. 191–196.
3. Долгова В. И., Журбенко С. С. Пантомимическая активность как детерминанта телесно- психического здоровья дошкольников//Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2012. № 4 (24). С. 60–62.
4. Долгова В. И., Овчарова Р. В. Психологические детерминанты нравственного развития дошкольника//Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. № 6. С. 40–48.
5. Карвасарский Б. Д. Психотерапевтическая энциклопедия. 2-е дополненное и переработанное. Издательство: Питер, 2004. — 1024 с.
6. Карпов А. В. Психология менеджмента: Учеб. пособие. — М.: Гардарики, 2005. — 584 с.
7. Прихожан А. М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М.-Воронеж, 2008. — 304 с.
8. Савва Л. И., Трубайчук Л. В., Долгова В. И., Павлова В. И., Камскова Ю. Г., Сиваков В. И., Волчегорская Е. Ю., Худякова Н. Л., Коломийченко Л. В., Пономарёва Л. И. Феномен развития детей дошкольного возраста: коллективная монография / М.: ВЛАДОС, 2013. — 150 с.
9. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. СПб.: Питер, 2002.- 224 с.
10. Эльконин Д. Б. Психическое развитие в детских возрастах: Избранные психологические труды. — М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. — 416 с.
11. Никонова С. Л. Психолого-педагогическая коррекция тревожности у старших дошкольников // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2015. — № S1. — С. 236–240. — URL: <http://e-koncept.ru/2015/75048.htm>.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 43 (646) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 04.11.2026. Дата выхода в свет: 11.11.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.